

9/сд/22
1718
1668

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ИСТНАРТ

**КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РОССИЙСКОЙ
КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)**

Н. С. ПАРФЕНОВ (ПЕТР АЛТАЙСКИЙ)

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ

1918 — 1920

Иркутск

Октябрь 1920

Handwritten mark

Партизаны Поволжского
Обкома ВКП(б)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Vertical handwritten text on the left margin, possibly a library or collection number.

9605

9/СВ/1
Л 18

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И С Т П А Р Т

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И Р.К.И. (Б-КОВ)

Л 188

9/СВ/222
Л 188

И. С. ПАРФЕНОВ
(ПЕТР АЛТАЙСКИЙ)

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В СИБИРИ
1918 — 1920

Издание 2-е, исправленное и дополненное

305
Л 188

+32211-9

Департамент Новосибирского облисполкома
г. Новосибирск, Красный проспект, 8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

305

И. К. П.
Кабинет истории
Народов СССР.

672

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От Истпарта	5
От автора	6
Введение. Возникновение Советской власти в Сибири и отношение к ней политических партий и населения. Ошибки и слабость Советской власти в Сибири	7

Ч А С Т Ь I

Организация сил легальной и тайной контр-революции. Подпольная деятельность сибирского правительства и центров сибирской кооперации. Мировой заговор против Советской власти. Выступление чехо-словаков и боевых дружин. Начало гражданской войны в Сибири. Свержение Советской власти и провозглашение власти западно-сибирского комисариата, временного сибирского правительства и сибирской областной думы. Начало белого террора	12
--	----

Ч А С Т Ь II

Успехи чехо-сибирских войск. Захват власти военной партией. Разгон сибирского правительства и областной думы. Провозглашение власти уфимской всероссийской директории. Приказы и контроль союзных капиталистических правительств. Начало крестьянских и рабочих восстаний. Начало массового белого террора	39
--	----

Ч А С Т Ь III

Разгон директории. Провозглашение военной диктатуры. Массовые расстрелы рабочих и крестьян. Начало успехов Красной армии. Всеобщее восстание рабоче-крестьянской Сибири. Паника в рядах атаманов и капиталистов. Падение омского правительства. Бессилие капиталистического интернационала	69
--	----

Ч А С Т Ь I V

Стр.

Борьба за Дальний Восток. Падение власти Хорвата, Розанова и Калмыкова. Агрессивность Японии и возникновение буфера ДВР. Новая попытка японского правительства [создать противосоветский фронт выступлением 4—5 апреля. Уход японских войск из Забайкалья и падение власти атамана Семенова. Созыв учредительного собрания Дальневосточной республики и отношение к нему [капиталистического мира. Мергуло-японский переворот 26 мая 1921 г. Окончание гражданской войны на Дальнем Востоке 126

ОТ ИСПАРТА

О первом издании книги тов. Парфенова (вышла в Харбине в 1921 г.) был дан отзыв в нашем журнале «Пролетарская революция» (№ 7 за 1922 г.). Уже там было отмечено, что достоинство книги тов. Парфенова заключается в марксистском изложении и освещении хроники событий гражданской войны в Сибири, основанном на богатом фактическом и документальном материале.

Во втором издании книги автором сделаны поправки и дополнения, благодаря чему основное достоинство книги возросло.

В промежуток времени между первым и вторым изданием книги тов. Парфенова вышла в свет (в 1923 г.) книга Колосова — «Сибирь при Колчаке», в которой автор, типичный представитель мелко-буржуазной идеологии эс-эровской марки, с одной стороны, неверно освещает крестьянское движение при Колчаке, а с другой, неправильно разрешает вопрос о происхождении колчаковщины, так как умалчивает о роли своей партии в сибирской контр-революции. Книга тов. Парфенова является фактически обоснованным опровержением вольных и невольных умолчаний и измышлений эс-эровского ума.

Книга тов. Парфенова имеет большое значение не только для историков, но и для тов. практиков — политических работников, особенно теперь, когда капиталистические правительства предъявляют к Советской власти требования о вознаграждении своих подданных за понесенные ими «убытки» и «жертвы» в гражданской войне. В книге тов. Парфенова собрано много данных о тех убытках и жертвах, которые понесла Советская Россия благодаря интервенции иностранных капиталистов.

Тов. Парфенов был активным участником многих описываемых им событий в качестве ответственного партийного и общественного работника.

Отсюда понятно, почему его книга написана не только на основании тех документов, которые попали в его распоряжение, но и на основании его собственных впечатлений и наблюдений над происходившими вокруг него событиями.

ОТ АВТОРА

Первое издание этой книги было выпущено в г. Харбине в мае 1921 г. под заглавием «Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918—1920 г.г.». Я в то время был арестован китайским правительством и находился в харбинской тюрьме. Книга была выпущена без моего участия, наспех, и, признаю, имела много погрешностей, хотя всеми советски настроенными рецензентами была встречена очень хорошо.

В настоящее издание я внес много поправок, при чем, насколько мог, сделал их согласно пожеланиям, высказанным в «Сибирских Огнях», «Пролетарской Революции» и «Дальневосточном Пути». Но само собой разумеется, что и настоящее издание не может претендовать на совершенство и даже на полноту.

Кроме того, я дополнил это издание кратким изложением тех событий, которые имели место на Дальнем Востоке после начала 1921 года¹⁾.

В свое время заграничная белогвардейская печать обвинила меня в «подтасовке» некоторых фактов и в «составлении» некоторых документов. Считаю необходимым заявить, что книга составлялась мною на основании личных фиксированных впечатлений и тех документов, которые попали в мое распоряжение во Владивостоке, после бегства генерала Розанова и его штаба в Японию.

По возможности, я старался быть объективным, поскольку это мыслимо для человека, имеющего свои политические убеждения и являвшегося активным участником многих описываемых событий.

Петр Алтайский.

¹⁾ Подр. см. в моей книге «Гражданская война на Дальнем Востоке 1920 — 1923 г.г.».

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение Советской власти в Сибири и отношение к ней политических партий и населения. Ошибки и слабость Советской власти в Сибири.

Октябрьские события 1917 г. докатились до Сибири со значительным опозданием, хотя официально, по радио, Советская власть была провозглашена в сибирских городах почти одновременно с центральной Россией.

Фактический переход власти к Советам начался в некоторых местах в ноябре, но в большинстве городов — в декабре и даже в феврале 1918 г., например, в Алтайской губ. И только в Красноярске Советская власть распространила свое влияние сравнительно скоро, но для этого были особые причины: Енисейская губерния, имевшая лучшую большевистскую партийную организацию, еще с июльских дней весьма подозрительно относилась к временному правительству и даже заслужила название «Сибирского Кронштадта». Перед самым октябрём правительство Керенского намеревалось послать в Красноярск специальную карательную экспедицию.

За исключением Енисейской губернии, в Сибири до октябрьских дней не было почти ни одного Совета, который бы стоял активно и целиком на платформе октябрьской революции. Объяснялось это весьма многими причинами, но самыми существенными из них были: 1) почти полное отсутствие промышленных рабочих, 2) политическая пассивность крестьянства, 3) отсутствие достаточного кадра подготовленных работников, способных организовать аппарат новой власти, 4) малочисленность культурных работников вообще и 5) отсутствие достаточно спаянной, выдержанной и организованной большевистской партии. До корниловских дней большевики в Сибири почти во всех городах состояли в объединенной Р.С.-Д.Р.П. И до самого ноября 1917 г. такое положение было почти во всех уездных организациях. А в деревнях того времени не было даже сносно организованных большевистских групп: деревня ориентировалась тогда почти всецело на партию эс-эров¹⁾.

Ввиду этих обстоятельств в большинстве уездов и губерний власть перешла к образовавшимся революционным комитетам и только в меньшинстве — непосредственно к Советам.

¹⁾ См. мою статью «Предоктябрьские дни в Сибири» («Сиб. Огни», 1924 г., № 6)

И только в январе 1918 г. после всесибирского с'езда Советов в Иркутске, избравшего центральный исполнительный комитет Сибири, государственная власть почти везде перешла к переизбранным Советам, хотя к тому времени средствами буржуазии и пекинского и токийского русских посольств уже был организован манчжурский противосоветский фронт, и в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги Советы были низвергнуты.

На местах, за весь указанный период, помимо с'ездов и выборов Советов, происходил интенсивный переход средств и дел от комиссаров павшего правительства к Советской власти. При чем далеко не все представители врем. правительства добровольно слагали свои полномочия в пользу Советов и признавали рабоче-крестьянскую власть, а весьма многие из них это делали в пользу ообразовавшихся земских управ и земских собраний.

А так как переход власти к Советам совпал с сессиями первых уездных и губернских земских собраний, то весьма нередко в одно и то же время происходили сессии земских собраний и с'езды Советов, и первые стояли за власть Учредительного Собрания или областной думы, вторые — за власть Советов, лишая полномочий членов Учредительного Собрания, противников Совет. власти.

Но нигде эти принципиальные разногласия не послужили причиной для кровопролития, и, несмотря на частые, весьма бурные и шумные пререкания с'ездов Советов и земских собраний, дело всегда кончалось без обостренных столкновений.

Это объяснялось тем исключительно миролюбивым настроением, которое всегда почти доминировало в психологии делегатов с'ездов и которое исходило из отрицания войны как с внешним, так и внутренним врагом.

Многочисленные делегаты с'ездов от крестьян, в своем подавляющем большинстве побывавшие на фронте, раненые, контуженные, — старались морально подействовать на небывших на войне земских гласных. И это весьма часто давало результаты решений в пользу Советов.

Но земские собрания, обладая правом решать политические вопросы, в подавляющем большинстве случаев уступали Советам, так как у них не всегда был нужный кворум, в то время как у вторых (Советов) — редко не было представителя от каждого села и деревни.

Наличие в губернских и областных земских сессиях представительства от городских, преимущественно меньшевистско-эс-эровских дум, не дало возможности губернским земским собраниям слиться со с'ездами Советов, по примеру почти всех сибирских уездных земских сессий.

Ввиду этого, только те губернские земские собрания, которые были без представительства от крестьян и рабочих, были распущены постановлениями исполнительных комитетов или ревкомов. Но протестуя и не соглашаясь с ними, земства все же им подчинялись, так как соотношение реальных сил было далеко не в пользу земств. Объясняется это тем, что вооруженный еще с момента корнилов-

ского восстания городской пролетариат и еще недеобилизованные гарнизоны были всецело на стороне Советов.

И, вообще, переход власти к Советам на всей территории Сибири произошел совершенно бескровно, за исключением города Иркутска, где наличие юнкерских школ, казачьих войсковых частей и большого состава кадрового офицерства, чуждого не только Советам, но и революции вообще, послужило причиной сильного кровопролития, кончившегося все же победой пролетариата и установлением власти Советов.

Все банки, почтовые и телеграфные управления, суды, горные округа, управления железных дорог, сохранившие еще с падения царской власти, во многих случаях, свое бюрократическое содержание, отказались работать под гегемонией Советов. Местами Советской власти пришлось или в целом изменять персонал данных учреждений, или назначать в них своих комиссаров. Но отсутствие опытных компетентных работников заставило даже пойти дальше этого, т. е. привлекать к революционной ответственности за нежелание работать. То же нужно сказать и о *городском* учительстве, сильно пополненном в своем составе демобилизованными офицерами. Почти в целом оно не признало Советской власти, несмотря на то, что почти 50% своих средств и столько же налога, взыскиваемого с буржуазии, Советы отдали на дело народного образования. И только *сельское* учительство или было пассивно, или активно поддерживало революционную Советскую власть.

Но борьба с нежелательными работавшими была весьма неуспешна, так как почти все саботирующие лица весьма охотно принимались на службу кооперативными организациями, руководимыми эс-эрами, меньшевиками и кадетами. А кредитные и маслодельные союзы даже ассигновали у себя специальные суммы для помощи саботирующей Совету интеллигенции.

Эта борьба с массовым саботажем стала сравнительно успешной только тогда, когда маслодельные союзы были официально слиты с потребительскими, а остальные виды кооперации местами были подвергнуты контролю. Но это было уже накануне чехо-словацкого противосоветского выступления.

Не было создано аппаратов власти, не было регулярной вооруженной силы, а благодаря саботажу интеллигенции и рогаткам, вставляемым социалистическими партиями, в некоторых уездных городах у власти стали люди, ничего общего не имеющие не только с пролетариатом, но и с буржуазной демократией. От произвола этого элемента вынуждены были убегать даже видные советские работники.

Далеко не единодушно вскоре стала относиться к Советской власти и деревня. Если на первых порах оседлая деревня была солидарна с деревней, находившейся на фронте, и ратовала за Советы, то с окончанием австро-германской войны и демобилизацией, интерес ее к новой власти пропал, так как помещиков в Сибири нет и делить деревне было нечего, и она стала пассивной. Тем не менее, Советская власть больше импонировала крестьянству, нежели власть земская,

с которой переселенческая Сибирь весьма хорошо была знакома еще в России.

Но когда Советы стали проявлять себя, как власть, и требовали не только налоги, но и хлеба, — деревня, в большинстве своем зажиточная, стала в резкую оппозицию к Советской власти, а местами, руководимая кооператорами и кулачеством, даже стала относиться к новой власти враждебно. По своей малокультурности и несознательности деревня не была заинтересована *политически* в Советской власти. Для нее было безразлично, что будет *завтра*, а сегодня новая власть была ей неприемлема, так как требовала от деревни и денег и хлеба, давая взамен только обещания плутов, кос и мануфактуры. Крестьянство не предвидело, — а будучи настроено соответствующими лицами, оно даже и не хотело предвидеть, — что последствия безразличного и враждебного отношения к Советам скажутся на нем больше и больше всего; оно бессознательно обескровливало по существу свою же крестьянскую власть во имя индивидуальных выгод сегодняшнего дня.

Все политические партии, до правых социалистов-революционеров и меньшевиков включительно, почти без борьбы уступившие свои позиции с самого начала, не сумевшие защитить родственную им по содержанию власть врем. правительства, выбитые из своих платформ бурным течением октябрьской революции и на первых порах совершенно растерянные, — впоследствии тоже стали в непримиримые отношения к Советам. Помимо нежелания работать с новой властью и легальной враждебности и противодействия ей, они тайно уже с декабря месяца объявили войну Советской власти, всячески дискредитируя и разрушая еще не оформившийся аппарат ее.

И если буржуазия, оказавшись побежденной и разбитой пролетариатом, в дальнейшем без всякой борьбы выявила свое бессилие и неспособность к организованному самостоятельному противодействию Советам Депутатов, то антисоветские социалистические партии, без боя уступившие целый ряд своих позиций, впоследствии не только «по семейному» устроились в кооперативных союзах, но и смогли стать сильной организованной враждебной силой, выходящая от имени будто бы объединяемого ими «народа».

Такое соотношение сил, естественно, послужило только ускорению процесса разрушения старых государственных форм и окончательно разбило фундаментальные остовы бывшей бюрократическо-буржуазной власти. Но в то же время оно стало физическим тормозом и противодействием к созданию на местах новых форм советской государственной системы. Во многих местах обнаружилось фактическое отсутствие какой бы то ни было власти, так как не только некоторые города и уезды отказывались от исполнения «невыгодных» для них распоряжений центров, но даже и многие волости и села объявили себя «независимыми республиками».

А отсутствие на первых порах определенной, однородной, практической организационной системы сделало то, что советская форма власти не была во многих местах таковой, даже по своей внешности, не говоря уже о содержании. В некоторых уездах, вопреки

общим указаниям центра, было до ста человек членов исполнительного комитета, а в иных имелись даже свои советы народных комиссаров, наделенные суверенными правами.

Отсутствие строгой централизации и ответственного соподчинения периферии центру, исходящие из неправильного и местами даже заведомо ложного понимания принципа «власть — местам», отсутствие на местах идейных и компетентных работников при непрекращающемся организованном саботаже квалифицированной интеллигенции — были причиной того, что многие Советы оказались не только неспособными к советскому строительству и организации, но и к сопротивлению начавшей выявлять себя контрреволюции. В некоторых случаях Советы своим антагонизмом к центру, своею недисциплинированностью и мелочною междоусобною борьбою сами дискредитировали Советскую власть, способствуя этим работе контр-революционеров и увеличивая период фактического безвластия.

Вот почему Советская власть, почти без борьбы распространившая свое официальное влияние на территорию всей Сибири, фактически далеко не всегда и не везде была государственною властью со всеми вытекающими из этого последствиями. Отсутствие регулярной армии и централизованного аппарата управления, в связи с вышеуказанными причинами, повлекло за собою то, что в широких рабочих и крестьянских массах Советская власть перестала быть популярной, а легальная и нелегальная контр-революция все больше и больше увеличивала свои силы.

И когда немногочисленный сибирский пролетариат, руководимый еще менее многочисленной рабоче-крестьянской интеллигенцией, неожиданно увидел, что его попустительство «идейным несогласиям» зашло слишком далеко, что контр-революция не только стала выявлять себя наружу, но и заочно приговаривать его представителей к расстрелу и даже убивать из-за угла, он пробовал объявить смертельную войну врагам Советов, но было уже поздно. Получился неорганизованный, бессильный жест в пространство и только...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Организация сил легальной и тайной контр-революции. Подпольная деятельность сибирского правительства и центров сибирской кооперации. Мировой заговор против Советской власти. Выступление чехо-словаков и боевых дружин. Начало гражданской войны в Сибири. Свержение Советской власти и провозглашение власти западно-сибирского комиссариата, временного сибирского правительства и сибирской областной думы. Начало белого террора.

I

Почти параллельно с официальным распространением Советской власти на территории Сибири начала демонстративно выявлять себя и укрепляться и сибирская контр-революция.

Еще 15 декабря 1917 года, в г. Томске, весьма незначительной группой сибирских областников был созван чрезвычайный с'езд Сибири, с заданиями областного и общегосударственного характера. Весьма непопулярные в народных массах сепаратистские тенденции областников, к которым до того также отрицательно относились и почти все политические партии от кадет до большевиков включительно, после падения власти Керенского стали лозунгом дня партии социалистов-революционеров, которая на своем сибирском совещании решила дать Сибири «свою власть», наделив ее суверенными правами, если не будет созвано Всероссийское Учредительное Собрание. Этот с'езд, руководимый партией социалистов-революционеров, после нескольких резолюций-протестов «всем, всем, всем» по поводу захвата власти Советами Депутатов избрал временный сибирский областной (комитет) совет и передал ему «государственную власть» Сибири, впредь до созыва сибирского учредительного собрания областной думой. И несмотря на то, что этот с'езд встал на точку зрения отрицания коалиции с буржуазией, от последней со всех сторон посыпались резолюции признания и доверия врем. сиб. совету, как власти.

Всем кооперативным союзам, городским и земским самоуправлениям, профессиональным, национальным и проч. организациям врем. сиб. советом было предложено послать своих представителей в областную думу, с ассигнованием соответствующих сумм на ее содержание. И если все рабочие организации отказались признать областной совет, то управы и городские думы официально и демон-

стративно избрали своих представителей в областную думу и ассигновали средства на ее содержание, признавая властью Сибири врем. сиб. совет.

Не встречая почти никакого официального и фактического противодействия своей контр-революционной работе со стороны Советской власти и имея в виду отсутствие средств у большинства городских и земских самоуправлений, партия социалистов-революционеров, строго руководствуясь тактикой центра — «автономные окраины — спасение России», — решила использовать в этом направлении и «мнение кооперации», богатой финансовыми возможностями. Так как членами правлений почти всех кооперативных союзов были социалисты-революционеры, а руководителями некоторых центров кооперации — лидеры той же партии, то выявить «мнение» этой кооперации было весьма не трудно, и на 6 января в Ново-Николаевске был назначен всесибирский кооперативный съезд для выборов представителей кооперации в сибирскую областную думу и выяснения своего отношения к сибирскому правительству, как и было сказано в повестке этого съезда.

Указанный кооперативный съезд открылся в Ново-Николаевске 6 января в составе 88 делегатов, 75 человек из которых были членами партии социалистов-революционеров и ей сочувствующих. Съезд этот приступил к обсуждению текущего политического момента, послал приветственную телеграмму накануне распущенному Учредительному Собранию и принял текст соответствующего обращения к населению от имени «всей кооперации».

Затем съезд заслушал сообщение представителя кооперации на сибирском чрезвычайном съезде г. Соболева о решениях, принятых этим съездом, и приступил к заслушанию официального доклада члена врем. сиб. совета г. Патушинского по вопросу об укреплении сибирской власти. Привожу полностью содержание этого доклада по сообщению журнала «Народное Дело», № 4.

«Временный сибирский совет прежде всего направил свои усилия к тому, чтобы организовать для поддержки сибирской власти и ее мероприятий достаточную воинскую силу из полков, возвращающихся домой. С этой целью он поручил члену Учредительного Собрания полковнику Краковецкому, находящемуся в г. Киеве, при помощи украинской рады принять меры к созданию из солдат-сибиряков особых сибирских полков. По сообщению Краковецкого, рада постановила оказать этому делу самое энергичное содействие как своими организационными силами, так и средствами. Формирование на фронте сибирских полков идет довольно успешно. Сибирский областной совет посетили также представители сибирских частей, стоящих в Туркестане. Эти представители просили совет настоять на том, чтобы сибиряки из Туркестана были переведены в Сибирь. Совет вошел по этому поводу в сношение с туркестанским правительством.

Совет завязал также связи с иностранными державами через посредство своего эмиссара, находящегося на Дальнем Востоке. Иностранные державы относятся к сибирскому областному правительству самым доброжелательным образом, и представители их заявили, что они не будут протестовать против сибирской автономии.

Финансовое положение сибирского правительства весьма напряженное. Совет обращался с просьбой как в сибирские отделения государственного банка, так и частных банков с просьбой оказать ему

денежный кредит. Но банки в таком кредите отказали, опасаясь репрессий со стороны большевиков.

Совет обсуждает вопрос об организации сибирского областного банка, разрабатывает также проект выпуска сибирского выигрышного займа на 10.000.000 рублей. Но все это находится в периоде предположений и проектов. Сейчас же сибирский совет не располагает даже суммами на организацию канцелярии. По исчислениям совета, на организацию выборов в сибирское учредительное собрание понадобится не менее 5.000.000 руб. Часть этой суммы должна дать сибирская кооперация.

Положение транспорта также было обсуждено советом. Товарищ министра г. Устругов, вместе с американским инженером Стивенсом, строителем Панамериканского канала, посетил совет и изложил план переустройства всех сибирских железнодорожных линий. Выполнение этого плана потребовало бы, во-первых, значительных средств, а, во-вторых, времени. Кроме того, совершенно необходимо, прежде, чем приниматься за выполнение этого плана, установить в Сибири твердую, всеми признаваемую власть. Средства на переустройство сибирских железных дорог охотно дали бы американские капиталисты, если бы у них была уверенность в том, что эти средства пойдут действительно на производительные цели и будут им возвращены.

Деятельность совета встречает чрезвычайно сильные затруднения как справа, так и слева. Так, комиссар по военным делам Восточной Сибири, Шумяцкий, уже прислал в совет телеграмму с угрозой разогнать сибирский совет. Весьма возможно, что эту угрозу большевики не преминут привести в исполнение. Кадеты также ставят всевозможные препятствия сибирскому правительству. В середине декабря в Томск приезжал кадет Востротин, который уговорил Потанина сложить с себя звание председателя совета.

Свой доклад г. Патушинский закончил горячим призывом притти на помощь Сибири и принять участие во временной сибирской областной думе».

Из этого доклада выясняется весьма рельефно не только игнорирование партией социалистов-революционеров и совершенное непризнание ею власти Советов, но и просто пренебрежительное отношение к ней, как к только «бунтующим и мешающим работе сибирского правительства большевикам». Кооперация в целом официально старалась «не замечать» Советской власти и смотрела на нее, только как на преходящее и весьма неприятное ей явление, руководствуясь в этом направлении исключительно тезисами партии социалистов-революционеров.

Этот чрезвычайный «кооперативный» съезд, по заслушании докладов г. Соболева и г. Патушинского, долго еще метал громы и молнии в большевиков, почти единодушно осплевывая «власть захватчиков», потом разбился на секции и через три дня, именем всей сибирской кооперации, единогласно (при 11 воздержавшихся) принял следующие резолюции по вопросам текущего политического момента (см. тот же № журнала):

«1) По вопросу об организации временной сибирской думы и сибирского учредительного собрания, съезд постановил, что кооперация должна принять участие как во временной сибирской думе, так и в выборах в учредительное собрание; последнее должно действовать в строгом контакте с Всероссийским Учредительным Собранием; если же Всероссийское Учредительное Собрание к тому времени, когда будет создано сибирское учредительное собрание, существовать не будет, то

сибирское учредительное собрание должно организовать государственную власть в Сибири совершенно самостоятельно.

2) По вопросу о выставлении на выборах в сибирское учредительное собрание кооперативных списков, с'езд высказался отрицательно. Постановлено оказывать содействие всем социалистическим партиям, стоящим на точке зрения непризнания власти народных комиссаров и признания автономии Сибири.

3) По вопросу о финансировании кооперацией сибирской власти, с'езд постановил, чтобы районные союзы ассигновали одновременно, в виде беспроцентной ссуды, подлежащей затем возврату из общей сибирской казны, следующие суммы:

Союзы, имеющие не свыше 100 кооперативов —	5.000 р.
» » от 100 до 200 »	10.000 »
» » » 200 » 300 »	15.000 »
» » » 300 » 400 »	20.000 »
» » » 400 » и более »	25.000 »

При чем центральные кооперативные организации областного типа: «Закупбыт», союз кредитных союзов, союз маслодельных артелей и народный банк должны теперь же ассигновать в распоряжение сибирского правительства, в форме беспроцентной ссуды, по сто тысяч рублей; независимо от единовременных возвратных ассигнований, с'езд настойчиво предлагает всем кооперативным союзам немедленно сделать безвозвратное отчисление в размере $\frac{1}{2}$ процента с общей суммы последнего баланса или в размере 10% с суммы всех паевых капиталов. Кроме этого, с'езд признает весьма желательным, чтобы союзы сделали ассигнования сибирскому правительству из прибылей 1917 г.

4) По вопросу о выборах представителей кооперации в сибирскую областную думу, в которой кооперации предоставлялось 22 места, с'езд постановил это количество депутатских мест распределить следующим образом: от центральных кооперативных организаций по одному и по шесть от трех видов кооперации — потребительной, кредитной и производительной».

На этом с'езде стало известно, что некоторые иностранные державы предполагают оккупировать Дальний Восток. И все же кооперативный всесибирский с'езд, или, вернее, с'езд партии социалистов-революционеров, не нашел нужным протестовать и негодовать против начала интервенции, а только постановил просить сибирское правительство, чтобы оно немедленно выяснило цели оккупации. Хотя те же социалисты-революционеры, пользуясь всеми возможностями, широко демонстрировали «продажность» большевиков, склоняя по всем падежам переговоры Советской власти с Германией о мире и в то же время всячески оттеняя свою исключительную патриотичность и политическую прямолинейность.

Вскоре же, по окончании этого чрезвычайного всесибирского кооперативного с'езда, кооперация послала своих представителей в областную думу, т.-е. Кубасова, Жернакова, Куликова, Горохова, Тульникова, Огорокова, Курского и др., почти все члены партии социалистов-революционеров, а на местах начались противосоветская агитация и всяческое дискредитирование еще только налаживающегося аппарата Советской власти.

Почти все кооперативные, областные и районные союзы выравняли свою линию поведения к с'езду и, открыто игнорируя власть Советов, демонстративно принимая к себе на службу всех заведомых и закоренелых контр-революционеров и лиц, саботирующих

Советы, — в то же время не менее открыто и демонстративно посылали своих инструкторов и представителей в сельские местности для противосоветской пропаганды и агитации.

Этот момент совпал с периодом прекращения на территории Сибири «свободной торговли, право на которую, с массою реквизируемых у буржуазии товаров, Советская власть предоставила исключительно кооперативным союзам, и они, в короткий срок разбогатев в несколько раз и получив возможность оперировать крупными материальными ресурсами, еще более интенсивно занялись политической контр-революционной деятельностью.

В январе в г. Томске состоялся официальный съезд членов сиб. областной думы, долженствующей дать «народам Сибири законную и независимую от большевиков власть». Но, на этот раз, томский губернский исполнительный комитет Советов напомнил собравшимся социалистам-революционерам, что власть «уже имеется», и областная дума вместе с врем. сиб. Советом была распущена. Тем не менее, через некоторое время после этого, 29 января, на закрытом и тайном заседании 60-ти членов сибирской думы было избрано врем. сиб. правительство, в составе: Дербера, Патушинского, Вологодского, Новоселова, Моравского, Краковецкого, Жернакова, Шатилова, Захарова, Крутовского, Судима, Тибер-Петрова, Окорокова, Серебренникова, Колосова, Юдина и Михайлова, которые объявили себя «единственной законною властью автономной Сибири» и частью выехали на Дальний Восток, частью остались в Сибири для организации боевых дружин и свержения Советской власти; при чем Новоселов был командирован в Москву для связи и информации с ЦК партии правых эс-эров и др. организации.

И если до этого социалисты-революционеры игнорировали и старались всячески «не замечать» Советской власти, шумно заявляя, что власти как в Сибири, так и в России никакой нет, что мирные переговоры с Германией ведут самочинно большевики, а не русское правительство и т. п., то после роспуска областной думы они неожиданно изменили фронт и не только «заметили» существование власти, но и начали истерически вопить, что она слишком «твердая».

«Теперь, через одиннадцать месяцев (пишут они в своей газете «Дело Народа» от 4-го февраля), прошедших со дня свержения самодержавия, мы видим, что мы точно возвратились к старому.

Как будто русская революция совершила какой-то сказочный круг и вернулась к своей исходной точке — к тому самому самодержавию, только к самодержавию не Николая II, а народных комиссаров, унаследовавших от старого самодержавия все его возмутительные свойства.

Мы видим, что на смену русской жизни выступил снова и проводится с тою же царской последовательностью ненавистный нам принцип «твердой власти».

«Твердая власть» в свободном государстве... Да, и в свободном государстве должна существовать твердая власть, но твердая власть республики отнюдь не должна напоминать произвола царского самодержавия, штыком добившегося своего признания от народа.

Посмотрим же, как утверждают свою власть большевики. Точнее так же, как это делало царское правительство.

Захватив власть вооруженным насилием, они объявили войну всем, не признающим их власти, не только отдельным гражданам, но и целым областям, входящим в состав Российской республики и стремящимся к независимости и автономии.

Так поступили они с Украиной, силой оружия заставив ее «признать» центральное правительство. Так же насилуют они и волю Сибири, арестовав часть областного сибирского совета и сибирской областной думы и тем воспрепятствовав созыву Всероссийского Учредительного Собрания.

Надо ли говорить, что, ведя такую политику «твердой власти», большевики совершенно забыли о том, чему они еще недавно поклонялись. Они забыли, что они социалисты и что, как таковые, они должны бы действовать совсем не теми методами старого самодержавия, какими они действуют, проводя свою политику «твердой власти». Они забыли все свое прошлое. Но, самое главное, упившись властью, они основательно забыли, что в демократическом государстве не народ существует для правителей, а правители служат народу, и что пресловутая «твердая власть» должна существовать не для спокойствия народных комиссаров, а для ограждения свободы и права республиканского народа.

Все это они забыли, повидимому, решительно и бесповоротно. Будем верить, что им об этом скоро напомнит революционный трудящийся народ.

Около факта роспуска областной думы и ареста некоторых видных ее членов, — не только эс-эрами, но и всеми другими правыми партиями, до монархистов включительно, было создано и поднято очень много шума, хотя все арестованные вскоре же были освобождены.

309
Вообще же вся правая и даже черносотенная Сибирь, в своем поведении по отношению к Советской власти, начинала равняться исключительно по партии социалистов-революционеров и была вполне солидарна с ее несогласиями, требованиями и противосоветскими лозунгами.

Отсутствие суровой ответственности за контр-революционную деятельность, бессистемные аресты и освобождение всех замешанных даже в активной антисоветской деятельности — еще более окрылило врагов Советской власти, и они стали доходить даже до шокирования своею смелостью, самоуверенностью и безответственностью. Создалась своего рода мода «страдать за идею» и, открыто не признавая «власти захватчиков», истерически призывать к «Учредительному Собранию, народовластию» и т. п. И, вслед за социалистами-революционерами, это делали даже те, кто и раньше и впоследствии также рьяно защищал «суверенные права законного государя императора».

Еще более наделало шума, когда Совет Народных Комиссаров, исходя из принципов советской экономической политики, постановил подчинить государственному контролю деятельность кооперативных союзов и поставил ребром вопрос о национализации кооперации. И в числе присяжных защитников кооперации оказались даже видные идеологи буржуазии, которые, совершенно забывая «кто они», начали усиленно доказывать нецелесообразность и гибельность указанных намерений Советской власти.

303

Для контр-революции всех оттенков было весьма ясно, что только денежными средствами кооперации можно было произвести еще государственный переворот и покончить с Советской властью, и они всеми способами старались отстоять «независимость» этой кооперации.

Они, конечно, были более чем правы в своих невысказываемых открыто мыслях.

II

Выбитая из привычной колеи: российская буржуазия, хотя и разбитая и без длительной борьбы уступившая свои позиции трудящемуся классу, несомненно, более всех была заинтересована в подавлении революции и в возвращении к старым государственным формам власти. Но все ее самостоятельные попытки в этом направлении кончались для нее весьма неудачно. Организованный ею корниловский поход против революции кончился для нее большим конфузом; выпущенный с той же целью из полосы отчуждения Кит.-Вост. жел. дор. есаул Семенов тоже слишком рано «раскрыл свое инкогнито» и подавал мало надежд в роли всероссийского завоевателя, хотя и выступал за «Учредительное Собрание» и «свободу труда». А поэтому буржуазия всех видов и оттенков неожиданно сделалась рьяной последовательницей народоправческих идей и не менее рьяной защитницей эс-эровских целительных рецептов по возрождению и спасению русского народа.

Распевая на все лады льстивые дифирамбы прошлому и настоящему партии социалистов-революционеров и всячески оттеняя, что «к прошлому не может быть возврата», все легальные и нелегальные собрания представителей буржуазии стали единогласно приходить к выводу, что «спасение России только в Учредительном Собрании и в переходе власти к городским и земским самоуправлениям». Пока что буржуазия умалчивала даже о свободе торговли и коалиционных началах, разделяя исключительно противосоветское мнение партии соц.-рев.

Еще более вдохновленная и убежденная в правоте своих действий такой увесистой и единодушной поддержкой «общества», партия эс-эров, после роспуска областной думы, постановила быть «более решительной» и начать практически осуществлять свержение Советской власти вооруженным путем.

Снабженная кооперацией миллионами рублей, партия социалистов-революционеров уже в марте месяце смогла иметь целую сеть нелегальных противосоветских дружин, постепенно и не менее успешно организуя их во всех центральных районах Сибири.

В то же время часть ее представителей, в лице группы членов сибирского правительства, устроившись в пределах Манчжурии, успешно выполняла дипломатическую работу, призывая в Сибирь «иностранную поддержку» и добываясь всячески «союзного признания», а часть даже изменила сама себе, войдя в состав «делового кабинета» верховного правителя России — генерала Хорвата.

В г. Ново-Николаевске был создан центральный военный штаб по свержению Советской власти в Сибири. Во главе его встали социалисты-революционеры: Сазонов, Н. Фомин, Б. Марков, П. Михайлов и капитан Гришин.

В Томске создать боевую организацию было поручено подполковнику Пепеляеву, в Иркутске — подполковнику Елец-Усову, в Барнауле — подпоручику Ракину, в Семипалатинске — есаулу Сидорову, в Челябинске — подполковнику Войцеховскому, в Омске — подполковнику Иванову-Ринову, в Ново-Николаевске — капитану Гришину-Алмазову, и так во всех крупных городах Сибири.

В боевые дружины сначала постановлено было принимать исключительно членов партии эс-эров или ею рекомендованных, но затем стали принимать всех, убежденных в необходимости вооруженного свержения Советской власти; больше же и охотнее всего в них принимались бывшие офицеры, так что местами дружины составлялись почти из одних офицеров.

Всем, состоящим в нелегальной организации, с момента зачисления выплачивалось содержание в размере прожиточного максимума.

Центральный штаб, особым приказом от 28 марта, рекомендовал местным штабам нелегальных организаций заниматься не только вербовкой дружинников и количественно увеличивать состав организации, но и всячески стремиться к разрушению и дискредитированию Советской власти, используя для этого все возможные меры. Поэтому весьма многие советские учреждения имели у себя на службе агентов нелегальных дружин, а в некоторых местах нелегальные организации имели своих представителей даже в советских контр-разведках и военных оперативных штабах (в Барнауле, Иркутске, Ново-Николаевске и др.).

В апреле центральному штабу стало известно, что в Москве, в связи с прибытием из Парижа представителя французского генерального штаба, полковника Корбейль, начальником французской военной миссии генералом Лаверне и английской — генералом Локкарт, с участием представителей русской академии генерального штаба, полковника Сыромятникова и генерала Иностранцева, разрабатывается план низвержения Советской власти и возобновления против-германского фронта на территории России.

Для координирования действий и информации о положении дела в Сибири 14 апреля в Москву был послан представитель центрального штаба, капитан Коншин, который, с документами представителя союза сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт», совершенно свободно доехал до Москвы, принимал участие в контр-революционном совещании в стенах французской военной миссии и так же свободно возвратился в Ново-Николаевск.

На этом московском совещании решено было, что чехо-словацкие войска, эвакуируемые на Дальний Восток с согласия Совета Нар. Комиссаров, постепенно займут наиболее стратегические опорные пункты Уссурийской, Сибирской и Уральской железных дорог и, координируя свои действия с нелегальными контр-революцион-

ными организациями, выступают против Советской власти. За эту «услугу» английское и французское правительства обязывались помочь отделению чехо-словаков от Австро-Венгрии и признать будущую Чехо-словацкую самостоятельную республику и в дальнейшем выплачивать содержание чехо-словацким войскам. При этом, учитывая настроения чехо-словацких войск, имелось в виду «убедить» военного и морского комиссара Советской республики, Л. Троцкого, «разоружить» чехо-словаков, что должно было послужить сигналом и быть оправданием в глазах последних факта их противосоветского выступления.

Окрыленный надеждами будущей помощи чехо-словаков и уже окончательно уверенный в успехе своих замыслов, центральный штаб сибирской контр-революции 3 мая вызвал в Ново-Николаевск представителей от штаба местных нелегальных организаций для информации и инструкционных указаний. Тогда же был выработан шифр секретных сношений, и в распоряжение местных штабов, нередко переводами через кооперативные союзы, были переправлены крупные суммы денег.

По настоянию этого же штаба, правление «Закупсбыта» еще раньше заключило договор с чехами, обеспеченный французским правительством, на поставку им интендантских продуктов.

На местах, а в особенности в сельских районах, представителями нелегальных организаций началась усиленная скупка вооружения. Возвратившиеся по демобилизации во многих случаях с оружием в руках, бывшие солдаты весьма неохотно отдавали это оружие агентам Советской власти и весьма охотно его продавали, в особенности, за хорошие деньги.

В большинстве случаев, представители нелегальных организаций, скупая оружие в сельских местностях, выступали в качестве закупщиков местных кооперативных союзов, имея для этого надлежащие документы. В редких случаях у них имелись поддельные мандаты от Советской власти.

В Омске, Ново-Николаевске, Барнауле и Красноярске нелегальные противосоветские штабы делали попытки выкрасть оружие из советских арсеналов, но безуспешно. И только в г. Томске контр-революционной организации удалось, при участии сторожей, ограбить один склад с боевыми припасами и оружием. Впоследствии томский губернский исполнительный комитет Советов обнаружил часть выкраденного оружия в кладовых томского губернского союза кооперативов, председателем которого был известный эс-эр, В. Л. Бурыгин.

III

О существовании контр-революционных военных организаций Советской власти стало известно в конце апреля, а местами даже раньше. Но отсутствие какого-либо централизованного общего плана по борьбе с контр-революцией и неимение регулярной вооруженной силы парализовали и только делали смелыми все попытки местных Советов по ликвидации белогвардейских групп.

И хотя еще в марте месяце были созданы западно-сибирский, средне-сибирский, восточно-сибирский, дальневосточный и все-сибирские военные комиссариаты, которые должны были иметь отдельные и подчиненные им отделы при всех губернских и уездных исп. ком. Советов,—на местах, в большинстве случаев, фактически таких отделов не было, и никакой организационной работы по созданию кадровых частей Красной армии не делалось.

Объяснялось это, помимо уже известных причин, еще и тем, что в среде даже идейных советских работников существовали разные точки зрения по вопросам организации вооруженных сил и на способы борьбы с активной контр-революцией, и единодушие местных Советов по этим вопросам выявлялось только в виде весьма редких исключений.

Одни стояли за организацию постоянных кадров только милиции и за обязательное предварительное военное обучение всех граждан без исключения; другие, помимо милиции, допускали необходимость организации только рабочей Красной гвардии на ратнических началах; третьи — за организацию и милиции, и Красной гвардии, и регулярной Красной армии и т. д.

Определенные указания в этом направлении Сов. Народн. Комиссаров и центральной сиб. власти чаще всего игнорировались местными Советами, а иногда и намеренно не исполнялись.

Кроме этого, много военных работников и лучших рабочих добровольческим путем было отправлено на маньчжурский фронт, где есаул Семенов к этому времени уже сумел захватить несколько станций Забайкальской железной дороги, стать атаманом и расстрелять сотни революционеров. Командующим забайкальским фронтом был назначен поручик С. Лазо, а начальником штаба фронта — бывший начальник штаба иркутского военного округа, генерал-лейтенант Таубе, которые к началу весны должны были ликвидировать или изгнать из пределов России маньчжурскую контр-революцию.

Поэтому бороться на местах с уже вооружившейся контр-революцией или считалось трудным делом, или не хватало умения и желания.

Аресты офицеров (членов нелегальных организаций), производившиеся в некоторых городах Сибири, только еще больше воодушевляли и подзадоривали вконец обнаглевших контр-революционеров и лишьши раз подтверждали, что фактически строгой и организованной Советской власти на местах совершенно нет.

Такие аресты только производили много шума и ненужного крика и чаще всего оканчивались освобождением даже активных контр-революционеров. Они служили только верными агитационными средствами для партии социалистов-революционеров, укрепляя ее «прямолинейную независимость», и, в лучшем случае, служили демонстрацией безвластия Советской власти.

И, тем не менее, даже эти аресты, не влекшие за собою для контр-революционеров почти никаких последствий, послужили причиной открытого преждевременного вызова их Советской власти.

Незаконные организации Омска, Красноярска и Барнаула, большинство которых принадлежало офицерам, своими постановлениями в мае месяце приговорили к смертной казни и объявили «вне закона» многих ответственных советских работников, преимущественно бывших офицеров.

IV

Ни буржуазии, ни монархистов, ни черносотенцев, которые так храбро заявляли о своем существовании во времена правительства Керенского, — не стало.

На территории всей Сибири существовали только «честные, принципиальные, всегда готовые бороться с самодержавием» — социалисты-революционеры и «захватчики власти, узурпаторы, предатели и грабители» — коммунисты-большевики. И даже социал-демократы меньшевики, если официально были несогласны с эсеровским способом низвержения власти Советов, то персонально в большинстве своем были вполне солидарны с ним.

И только немногочисленные группы социал-демократов интернационалистов и левых социалистов-революционеров делали вполне правильный прогноз надвигающимся событиям и предсказывали, что вооруженное свержение власти Советов приведет только к ненужной братоубийственной войне, окончательному обессилению русского народа и расчистит дорогу самой черной реакции, которая в потоках крови утопит всю демократию в целом, без разделений на большевиков, меньшевиков и социалистов-революционеров.

Но они были одиноки и событий предотвратить не могли. Хотя предсказания их уже сбывались в пределах Дальнего Востока, где гражданская война, начатая во имя Учредительного Собрания, уже дала «верховного правителя земли русской» в лице ставленника харбинской реакции — генерала Хорвата.

Не менее правильно оценивали политическое положение и крайние правые политические партии и группы до монархических приходских и епархиальных советов включительно. Но, конечно, меньше всего они заинтересованы были в предрешении будущих перспектив.

Даже больше того. Весьма многочисленные собрания, районные и всесибирские съезды приходских и епархиальных советов официально, во всеуслышание, заявляли, что они считают законной властью только Всероссийское Учредительное Собрание и призывают «православных русских людей к активной борьбе с поработителями трудового народа».

Не менее «революционным» по отношению к власти Советов было и местное духовенство, которое, забыв о былых временах, единодушно и весьма смело, с амвонов церквей и импровизированных трибун площадей, пользуясь каждым удобным моментом, призывало русский народ к свержению большевиков и защите «всеобщего» избирательного права.

О буржуазии и говорить не приходится. Официально ее не существовало, она была распылена и обезличена; фактически ее

мнение о Советской власти совершенно слилось с мнением партии с.р. Опыты с Корниловым, Семеновым, Дутовым на этот раз буржуазией были вполне учтены и приняты во внимание.

Наличие крайней остроты в тактических взаимоотношениях с Советской властью и, как следствие этого, нежелание заглянуть в возможности завтрашнего дня стремительно подталкивали социалистов-революционеров к скорейшему логическому завершению их заговорщических стремлений и к началу неслыханной кровавой братоубийственной войны.

И война началась. Черный туман надолго заволок территорию Советской Сибири и залил ее поля, реки и тундры невинной кровью сотен тысяч людей.

V

Как и рассчитывал англо-французский генеральный штаб, в лице его представителей в России, в середине мая в печати появились сообщения о готовящемся вооруженном выступлении чехо-словацких войск против Советской власти. Появились эти сообщения не только во всех оппозиционно и враждебно настроенных к Советам газетах, но местами даже и в некоторых официозах исполнительных комитетов Советов.

В это же самое время, т.-е. 14-го мая, в гор. Челябинске состоялось совещание представителей чехо-словацкого и англо-французского командований, центрального штаба сибирских боевых дружин и военного отдела комитета членов Учредительного Собрания. Из Ново-Николаевска на это совещание приезжал капитан Гришин-Алмазов, а из Самары — капитан Капшель и полковник Галкин.

На этом совещании был выработан план будущего выступления. По этому плану чехо-словацкие эшелоны должны были сконцентрироваться в семи пунктах, т.-е. во Владивостоке, Канске, Мариинске, Ново-Николаевске, Петропавловске, Челябинске, Самаре, Уфе, при чем последний, ново-николаевский и челябинский пункты были основными и руководящими.

Тогда же решено было попрежнему всячески уклоняться от выполнения соглашения чехо-словацкого национального совета, в лице отделения в России, с Советом Народных Комиссаров от 26 марта и приказа по корпусу от 27 марта № 35, по которому чехи должны были ехать во Владивосток, как группа свободных частных граждан, а не в виде войсковых частей, и обязывались все свое вооружение, исключая 168 винтовок и одного пулемета на эшелон, сдать пензенскому исполнительному комитету. Это же совещание постановило, по рекомендации соответствующих противосоветских организаций, принимать, как и раньше, на службу в чехо-словацкие части русских офицеров.

Вскоре, после этого, чехо-словацкие эшелоны были сгруппированы на линии железных дорог следующим образом: во Владивостоке — около 14.000 человек, под командованием начальника штаба корпуса генерал-майора Дидерихса; в районе Нижнеудинск —

Канск — около 1.500 человек, под командой подполковника Ушакова; в Маринском районе — около 1.000 человек, под командой капитана Кадлеца; в районе Ново-Николаевск — Чулымская — около 2.500 человек, под командованием штабс-капитана Гаида; в районе Марьяновка — Петропавловск — около 2.000 человек, под командованием капитана Жака, в районе Челябинск — около 6.000 человек, под командованием поручика Сырового и подполковника Войцеховского, и в районе Сызрань — Пенза — Сердобск — около 10.000 человек, под командованием начальника 1-й дивизии генерал-майора Коломенского и начальника его штаба полковника Леонтьева. Последние, в момент выступления, сомневаясь в его успехе, отказались от командования и были заменены поручиками Чечек и Швец.

Пензенская группа по плану должна была сгруппироваться в районе Самара — Уфа, но, в силу целого ряда непредвиденных обстоятельств, до момента выступления не смогла этого сделать.

Всего чехо-словацких войск, включая сюда и отдельные эшелоны, бывшие в г. Иркутске и двигавшиеся по Забайкальской и Амурской железным дорогам, было не больше 40.000 человек.

17 мая 1918 г. следственная комиссия челябинского Совета Депутатов арестовала нескольких чешских офицеров и солдат, заподозрив их в сношениях с контр-революционерами. Тогда же подполковник Войцеховский занял вокзал станции Челябинск и предъявил ультимативное требование Совету об их освобождении. И хотя этот инцидент был улажен без кровопролития, но он весьма рельефно обнаружил, что чехо-словаки, вопреки распоряжениям, не только до сих пор не сдали оружия, но представляют из себя весьма внушительную силу, определенно враждебную Советской власти и руководимую русскими офицерами.

Ввиду этого, при весьма нервной обстановке на местах, вызванной всевозможными слухами о предполагаемом контр-революционном выступлении чехо-словаков, 23 мая 1918 г. последовало секретное распоряжение начальника оперативного отдела комиссариата по военным и морским делам Советской республики Н. Арадова челябинскому и пензенскому исполкомам о немедленном обезоружении чехо-словацких войск, находящихся в их районах.

Вполне понятно, что «секретное» распоряжение сразу же сделалось достоянием всей антисоветски настроенной печати, которая толковала этот приказ, как желание Совета Народных Ком. обезоруженных чехо-словаков отправить в их бывшую империю, по требованию австро-германского генерального штаба. И, конечно, при этом не забывалось лишний раз оплевать и обвинить Советскую власть в продажности немцам, в предательстве и т. д. Об истинном же характере имевших произойти последствий от этого распоряжения в большинстве случаев умалчивалось.

Предложение о разоружении было категорически отвергнуто чехо-словацким командованием в лице образовавшегося по совету партии социалистов-революционеров временного исполнительного комитета, который 23 мая отдал приказ по корпусу: «оружие ни

в коем случае не сдавать»,—и приступил к подготовительным шагам выступления против Советов.

На другой день, под разными предлогами, из Омска по направлению к Челябинску выехали чины бывшего там штаба чехо-словацкого экспедиционного корпуса, вместе с членами чешского национального совета.

Центральный штаб по делам свержения Советской власти в Сибири тоже лихорадочно готовился к выступлению. Многие кооперативные союзы (Енисейский и др.), будучи в курсе всех заговорческих дел партии эс-эров, отсрочили на месяц созываемые на первые числа июня кооперативные съезды, даже не считая нужным мотивировать свои решения.

Самоуверенная и торжествующая сибирская контр-революция считала достаточным одного месяца на свержение Советской власти на всей территории Сибири и уже не считала нужным, после приказа по чехо-словацкому корпусу, стесняться и в дальнейшем умалчивать о своих замыслах, и в обращении от 25 мая заявляла:

«Захватившие в октябре месяце, путем обмана и насилия, государственную власть России петроградские большевики из всех сил стараются угодить своим немецким хозяевам.

Сначала они уничтожили российскую победоносную армию и заключили «справедливый» мир с германским кайзером Вильгельмом. Потом отдали немцам целый край с русскими городами и населением и все золотые запасы русского народа. Затем услужливо помогли германским империалистам совершить государственный переворот на Украине и 29 апреля дать украинскому трудовому народу самодержца гетмана Скоропадского, определенного ставленника Вильгельма.

Теперь большевики готовятся произвести новое предательство и по приказу из Берлина обезоружить и продать наших братьев, чехов, австро-венгерскому императору Карлу для расправы над ними за их помощь русскому народу и искреннюю преданность нашим союзникам.

И все это делают большевики от имени русского народа. Именем рабочих и крестьян.

Неужели трудовой народ, рабочие и крестьяне, и в дальнейшем так же безразлично будет относиться к преступной распродаже ему одному принадлежащих богатств?

Неужели он не предотвратит совершающееся предательство над его братьями и не сбросит с себя ярмо немецких ставленников и большевистских комиссаров?

Пора всем понять, что этого требуют интересы не только России, но и национальная честь великого русского народа.

Довольно быть пассивными и индифферентно относиться к интересам своей родины. Впереди еще могут быть и будут светлые, радостные и свободные дни. Надо только действовать. Все остальное может быть дано русскому народу им же избранным всеобщим учредительным собранием.

В этот же день был опубликован в газетах следующий телеграфный приказ:

«Из Москвы, 25-го мая, 23 часа. Самара, ж. д., всем Советам по ж.-д. линии от Пензы до Омска.

Все Советы под страхом суровой ответственности обязаны немедленно разоружить чехо-словаков. Каждый чехо-словак, который будет найден вооруженным на линии железной дороги, должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один воору-

женный, должен быть выгружен из вагонов и заключен в лагерь для военно-пленных. Местные военные комиссары обязуются немедленно выполнить этот приказ, всякое промедление будет равносильно бесчестной измене и обрушит на виновных суровую кару. Одновременно присылаются в тыл чехо-словаков надежные силы, которым поручено проучить неповинующихся. С честными чехо-словаками, которые сдадут оружие и подчинятся Советской власти, поступить как с братьями и оказать им всяческую поддержку. Всем железнодорожникам сообщить, что ни один вооруженный вагон чехо-словаков не должен продвигаться на восток. Кто уступит насильно и окажет содействие чехо-словакам с продвижением их на восток, будет сурово наказан.

Настоящий приказ прочесть всем чехо-словацким эшелонам и сообщить всем железнодорожникам по месту нахождения чехо-словаков. Каждый военный комиссар должен об исполнении донести. 377. Народный комиссар по военным делам Л. Троцкий».

И в этот же день через правление «Закупсыта» был отправлен шифрованный телеграфный приказ чехо-словацким войскам и нелегальным боевым дружинам, средактированный членом правления «Закупсыта» Н. Фоминым и капитаном Гайдоу.

Братоубийственная война против Советской власти, во имя Учредительного Собрания, всеобщего права, войны с Германией и т. п., на территории Сибири началась.

VI

25 мая, в три часа дня, чехо-белогвардейские войска выступили и захватили станцию и город Мариинск. В час ночи на 26-е ими был занят Ново-Николаевск. В этот же день советскими войсками в г. Иркутске, во исполнение приказа комиссара по военным и морским делам, были обезоружены два чехо-словацких эшелона. Прибывшие к этому времени на станцию Батарейную другие эшелоны чехо-словаков напали на станцию Иркутск и начали наступать к городу, но ввиду соотношения сил в пользу Советской власти, по настоянию консулов, 27-го утром они сдали оружие и с согласия военного комиссариата были отправлены на восток.

27-го был занят Челябинск. В тот же день Советская власть сделала попытку обезоружить чехо-словацкий эшелон, находившийся на станции Марияновка (вблизи Омска), но неудачно. Количественно превосходящая в несколько раз своего противника, Красная армия настолько же уступает ему качественно.

28-го занят г. Нижнеудинск; 29-го — Канск, Пенза и Сызрань; 30-го — Батраки и мост через Волгу; 31-го — Петропавловск, Тайга, Томск и станция Майгути на левом берегу Волги.

2 июня занят Миасс, Курган; 8-го, после сильного боя у станции Беземчук, занята Самара, и в тот же день советские войска, разбитые у станции Марияновка, оставляют Омск, который занимается эс-эровской боевой дружиной, а на другой день — чехо-словаками.

Выступив разрозненно, чехо-белогвардейские войска вскоре соединяются: 1 июня у Тайги, 3-го у г. Петропавловска и 9-го у ст. Татарск, образуя сплошную и сильную противосоветскую цепь

Миасс — Мариинск, разрозненную только с головными и арьергардными районами.

Неожиданные и для самих чехо-белогвардейских руководителей колоссальные успехи, достигнутые в такой короткий срок, помимо уже известных причин, объясняются еще и той растерянностью, которая доминировала в настроении почти всех местных советских деятелей.

Так, например, г. Омск¹⁾ был захвачен отрядом капитана Иванова-Ринова и чехами исключительно благодаря растерянности окружного военно-революционного штаба, который, располагая большой по тому времени вооруженной силой, свыше 3.000 штыков, 168 пулеметов, артиллерией, большим количеством патронов и пр., еще 7 июня, без особых оснований, решил эвакуироваться по Иртышу на север и оставил фронт на произвол судьбы. Такое неожиданное бегство штаба на пароходе из Омска внесло переполох и растерянность не только в ряды Красной армии непосредственно этому штабу подчиненные (под Н.-Николаевском и Марьяновкой), но деморализующе подействовало и на все остальные боевые участки Сибирского фронта.

Имело также большое значение отрицательного характера почти полное отсутствие своих военных специалистов в рядах Красной армии и гвардии: важнейшим боевым участком, Омским, командовал тов. Звездов, простой рабочий, бывший солдат, и это, конечно, содействовало падению омского фронта.

Там, где военными действиями руководили военные специалисты (бывшие офицеры) т.т. Лазо, Велижев, Сулим, Кистер, Малюков и др., натиск чехо-сибирских войск встретил более организованный отпор (на Забайкальском и Алтайском боевых участках) и даже держался месяцами (под Читой).

VII

В первый же день выступления чехо-белогвардейских войск, в местах, освобожденных от Советов, появилась новая власть в лице западно-сибирского комиссариата временного сибирского правительства, который состоял из эс-эров: В. Сидорова, М. Линдберга, П. Михайлова и Б. Маркова. В своем обращении к населению от 9 мая комиссариат заявляет, что он является временной властью до начала работы самого сибирского правительства и призывает всех мужественно встать на защиту «революционной народной власти» и повсеместно свергнуть власть «захватчиков, предателей и узурпаторов».

Объявляется мобилизация офицеров; всем городским управам и земствам предлагается приступить к исполнению их «законных обязанностей». При всех земских и городских управах создаются отделы по приему добровольцев в ряды сибирской армии; капитан

¹⁾ Томск также был оставлен ревштабом задолго до прихода чехословаков.

Гришин-Алмазов производится в полковники и назначается командующим западно-сибирской армией; капитан Гайда — командующим восточным фронтом; поручик Сыровой — тюменским, подполковник Войцеховский — троицко-златоустовским.

Партия социалистов-революционеров объявляет о повсеместной мобилизации своих членов для активной вооруженной борьбы с Советской властью.

Но на первых же порах между членами комиссариата и его военной частью происходит раскол на почве отношения к «побежденным врагам». Комиссариат был против политической мести и немотивированных, ничем не вызываемых расстрелов; военные же руководители стояли за «уничтожение на месте» всех коммунистов и советских военных работников и с самой суровой беспощадностью проводили в жизнь свои «начала борьбы за справедливость».

Эти расхождения «во взглядах», правда, не уменьшили пыла в комиссариате, но заставили его назначить своих особоуполномоченных при командующих фронтами, на что некоторые начальники сразу же дали понять, что они «не нуждаются в комиссарах» и категорически не согласились с ними. Назначенные же — при Гайде Н. Фомин и при командующем барнаульским фронтом поручике Гусарике член областной думы В. Михайлов, — в силу своих индивидуальных качеств, только способствовали дальнейшему распространению системы «законной расправы», и фактическими хозяевами стали исключительно офицеры, в большинстве своем сразу же сбросившие с себя эс-эровское народоправческое забрало.

Ввиду этого почти все идейные советские деятели, в некоторых случаях уже ранее объявленные «вне закона», беспощадно расстреливались войсками Учредительного Собрания (так называли себя белогвардейцы), а бывшие, и даже не бывшие, в Красной армии мадьяры, немцы и чехи передавались на «суд» чехо-словацкому командованию, которое также беспощадно расправлялось с ними.

Последнее обстоятельство послужило причиной согласованного единения прифронтовых Советов Красноярска, Барнаула и Екатеринбурга; было учтено колеблющимися социалистическими партиями, которые, охлажденные перспективами ликвидации Советов, встали на сторону активной защиты Советовласти и дали возможность советскому командованию в короткий срок выдвинуть против чехо-сибирских войск много превышающий по количеству вооруженный заслон Красной гвардии и армии.

Но, технически неподготовленные, недисциплинированные и неспаянные общим военным духом, советские вооруженные силы могли только отсрочить на несколько дней победоносное шествие сибирской контр-революции и, после дружного нажима чехо-сибирских войск, оказались неспособными даже к оборонительным операциям и побежали, кто куда и кто как мог.

На барнаульском направлении, после первых же значительных схваток с чехо-сибиряками, красные войска начали панически разбегаться, и 15 июня оставили г. Барнаул; под Мариинском, 16-го, незначительное количество чехо-сибирских войск разбили окон-

чательно многотысячную енисейскую Красную армию, освободив себе дальнейший путь на восток, и 19-го соединились с контр-революционными частями подполковника Ушакова, захватившими станцию Красноярск и город еще 18-го числа.

Не менее успешны дела для чехо-сибирских войск были и на екатеринбургском направлении, где 10 июня ими был взят г. Кыштым, а 28-го — станция Гольшманово, сильно укрепленная Красной армией.

В силу этих же причин красные войска не смогли противостоять незначительным группам противника даже в таких местах, где, казалось, перевес был исключительно на стороне советского командования. Так, 18 июня чехо-сибиряками взят г. Троицк, а 26 — Бузулук, где были сконцентрированы еще раньше большие силы для ликвидации контр-революционных попыток атамана Дутова, со стороны Оренбургского казачьего района.

Почти панически отступала Красная армия на всех многочисленных фронтах и в дальнейшем.

29 июня чехо-словаки и белогвардейцы выступили и захватили г. Владивосток, 4 июля — Оренбург, 6-го ими занят г. Никольск-Уссурийский. Здесь перевес остается за красными войсками, и разбитые чехи подкрепляются японцами, после чего советские силы отступают к Спасску, уступая в дальнейшем свои позиции после сильных столкновений.

В этот же день, при помощи дальневосточной группы сибирского правительства, в лице Дербера, Моравского, Захарова, Жернакова и др., Владивосток объявляется под международным контролем; до того русский город и порт начинает бдительно охраняться дефилирующими по его улицам смешанными чехо-словацкими, английскими, американскими, японскими и китайскими караулами.

6-го же происходит соединение чехо-сибирских войск с самаро-уфимской контр-революционной группой на станции Усть-Катав Сам.-Злат. жел. дороги, которая до этого, почти без задержки, заняла все города и станции этой дороги, начиная от Самары. 11-го ими почти без боя занят Иркутск, 18-го красные войска разбиты перед Спасском, 25-го полковник Войцеховский занял г. Екатеринбург.

3 августа во Владивостоке высаживаются дополнительные отряды союзных войск, часть которых вскоре распространяет свое влияние на Уссурийской, Китайско-Восточной и Забайкальской жел. дорогах, а японцы начинают усиленно помогать сибирскому правительству ликвидировать Советскую власть в Хабаровском и Благовещенском районах, с цветами и хлебом-солью торжественно и радостно везде встречаемые торгово-промышленниками, духовенством до уже «бывших» социалистов-революционеров включительно.

К началу августа почти все города Сибири и Дальнего Востока были захвачены чехо-сибирскими войсками. Фронты перенесли уже за Урал и к Волге и сохранились еще только в Забайкалье, где наличие естественных препятствий и большого количества организованных советских частей с манчжурского фронта дало воз-

возможность красному командованию оказать длительное сопротивление силам международной и сибирской контр-революции.

Контр-революция с колокольным звоном, пением марсельезы и «боже, царя храни», пышно, торжественно и радостно праздновала свою победу над большевиками, на все лады воспевая успехи международных и сибирских войск.

Но она уже далеко была от единодушия и единомыслия, бывшего перед противосоветским выступлением, и в дальнейшем все больше и больше разбивалась на разные враждебные между собою лагеря.

VIII

С занятием Омска чехо-сибирскими войсками, туда прибыл западно-сибирский комиссариат временного сибирского правительства, который вскоре же объявил все декреты и распоряжения Советской власти аннулированными и отмененными и приступил к организации аппарата новой власти.

Управляющим делами комиссариата был назначен инструктор «Центросибиря» Г. Гинс, заведывающим отделом труда—преподаватель барнаульского реального училища Л. И. Шумиловский, отделом торговли и промышленности—профессор томского технического института П. П. Гудков; управляющим военным ведомством—полковник Гришин-Алмазов, произведенный в генерал-майоры; заведывающим отделом продовольствия—кооператор Зефирин и т. д.

И хотя уже не стало многих лучших общественных и революционных деятелей Сибири: Н. Малюкова, С. Сычева, Дрокина, Киреева, Серебренникова, Петухова и др., хотя жертв белого террора уже насчитывались тысячи, хотя первые же собрания торгово-промышленников, приходских советов и духовенства весьма вышукло выявили их подлинные черно-реакционные лица, от «свободной торговли» до «боже, царя храни» включительно, — партия социалистов-революционеров торжественно праздновала свою победу над большевиками, опьяненная боевыми успехами чехо-сибирских войск над советскими, громогласно солидаризировала свои настроения с происходящими событиями.

Еще 14 июня в г. Омске состоялось всесибирское совещание представителей кооперативных союзов всех видов кооперации, которое, единогласно приветствуя противосоветский переворот, сибирскую армию и сибирское правительство, также единогласно выявило свое весьма воинственное настроение даже к профессионально-политическим крестьянским организациям и по отношению к попыткам томского крестьянского союза созвать съезд для организации совета крестьянских депутатов, солидарного с властью областной думы, приняло следующую резолюцию:

«Заслушав сообщения представителя союза западно-сибирских кооперативов «Центросибирь» о том, что группа лиц, близко стоявшая к большевистской власти, получив разрешение уполномоченного временного сибирского правительства на созыв в г. Омске крестьянско-

го съезда для организации совета крестьянских депутатов, обратилась к союзу с просьбой отпустить на это заимообразно средства, и, обменявшись мнениями по данному вопросу, совещание приняло нижеследующие положения:

1) После февральского переворота при ближайшем участии кооперации, ее силами и средствами были созданы советы крестьянских депутатов во всероссийском масштабе. Тогда это вызывалось потребностью момента, т. е. широкие слои трудового крестьянства, будучи совершенно распыленными при самодержавии, не имели своих групповых органов выражения мнения и защиты крестьянских интересов; и в этом смысле, в первый период закрепления завоеваний революции крестьянские съезды и советы имели большое политическое значение, но по мере развития русской революции в условиях тяжелой войны и при отсутствии опыта в открытой политической жизни и борьбе, крестьянские советы быстро подпали под влияние советов рабочих депутатов и демагогических элементов и политических партий и, вместо подлинной защиты интересов крестьянства, пошли по пути разрушения завоеваний революции и к полному опустошению народного хозяйства и предательской роли в уничтожении самостоятельной государственности России, потеряли при этом подлинное лицо организации революционного крестьянства.

2) В настоящее время при наличии ярко выраженного оздоровления среди действующих сил момента и при наличии вполне сформировавшихся политических партий и профессиональных организаций, а также при повсеместном восстановлении демократических органов земского и городского самоуправления, которые отныне должны выражать истинную волю всего населения, — восстановление и параллельное существование советов вообще, а крестьянских в частности, с их неизбежно случайным составом и неопределенностью задач, является совершенно излишним и чреват теми же последствиями, которые имели место до последнего переворота, поэтому совещание *постановляет*: кооперации всех видов от всякого участия и поддержки по союзу крестьянских съездов и организации советов крестьянских депутатов воздержаться.

И если партия с.-р., в лице правлений почти всех кооперативных союзов Сибири, при Советской власти и раньше всячески доказывала свое родство с крестьянством и всегда рьяно отстаивала право последних на доминирующее влияние в управлении государством и политической жизнью страны, то, став у власти, она сразу же не только отрекается от своих былых принципов, но и пытается оправдать свое новое мировоззрение тем, что крестьянство «не доросло, поддается влиянию, некультурно» и т. п., обвиняя его уже в целом в причастности к большевизму.

Вскоре же, после совещания кооператоров в Омске, лидер эзэров, член правления «Закупсбыта» Н. Фомин, говоря о происшедшем перевороте в Сибири и участии в нем кооперации, откровенно заявляет на страницах журнала «Сибирская Кооперация»:

«Переворот в Сибири произошел в условиях исключительного сочувствия к нему сибирской кооперации.

Первые дни после свержения советской власти в Ново-Николаевске в местных торгово-промышленных кругах весьма популярной была острота: «Власть в Сибири перешла к «Закупсбыту!».

Это, конечно, только острота, понавшая на ум торгово-промышленникам вследствие, повидимому, персональных ассоциаций. Однако, если местные буржуазные круги ошибались в определении объективных результатов переворота, они были, безусловно, правы, констатируя

характер субъективных настроений кооперативной Сибири, сопровождавших переходот».

Вслед за Н. Фоминим с похоронным гимном Советам Депутатов и с программой экономической политики сибирского правительства на страницах того же номера журнала, в статье «На очередные темы», выступил второй лидер партии эс-эров, председатель правления союза сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт», В. Г. Шишканов, который, напоминая кооперативной среде Сибири о былых «грабежах, разбоях, хамстве» и т. д. рабоче-крестьянского правительства, призывает кооперацию к всецелой поддержке вновь народившейся народоуправляющей сибирской власти.

Весьма дружные и настойчивые руководящие советы и указания комиссариату временного правительства, со стороны кооперативных верхов, вскоре же заставили его издать следующее постановление, исключая сторонников Советской власти из городских и земских самоуправлений и воспрещающее организацию советов, даже профессиональных:

«Омск, 28 июня, 1918 г. Западно-сибирский комиссариат сибирского правительства признает недопустимым пребывание в составе органов местного самоуправления представителей тех партий и организаций, которые продолжают вести вооруженную борьбу против сибирского временного правительства и органов местного самоуправления, избранных на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

Взамен выбывающих гласных и членов управ, должны вступить в установленном законом порядке выставленные в избирательных списках других партий кандидаты».

«Омск, 29 июня. Комиссариат постановляет: советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как организации, образовавшиеся не по правильному демократическому способу и покусившиеся на власть учредительного собрания и сибирской областной думы, повсеместно уничтожить и впредь не допускать профессиональных организаций с политическими целями».

Еще 10 июня 1918 г. состоялось частное совещание в Томске членов сибирской областной думы, которое предложило находящимся на территории Сибири, освобожденной от Советской власти, членам правительства приступить к исполнению их обязанностей; при чем председателем правительства, вместо отсутствующего Дербера, был избран П. Вологодский. Через несколько дней после этого заселению Сибири объявлялось:

«Омск, 30 июня. Со дня низвержения Советской власти в Сибири высшим представителем государственной власти являлся западно-сибирский комиссариат, назначенный сибирским правительством. Ныне, по прибытии в г. Омск достаточного числа членов правительства, избранных сибирской областной думой, сибирское правительство, в лице: председателя совета министров и министра внешних сношений—Петра Васильевича Вологодского, и членов совета: министра внутренних дел—Владимира Михайловича Крутовского, министра финансов—Ивана Адриановича Михайлова, министра юстиции—Григория Борисовича Патушинского, министра туземных дел—Михайла Бонифатиевича Шатилова, — принимает на себя *всю полноту государственной власти на всей территории Сибири*. Подписали председатель сибирской областной думы Иван Якушев».

правительства», жалуюсь, что американские рабочие плохо относятся к «старым революционерам».

Но заграничных социалистов-революционеров не могли поддерживать даже их сибирские товарищи и единомышленники. Они остались одиноки в своих «призывах помочь возрождающейся России». Эти призывы, кроме приемных задних дворов капиталистов, нигде не находили себе откликов и применения.

Рабоче-крестьянская Сибирь, стальной стеной оцепившая гнезда сибирских атаманов, в своем подавляющем большинстве даже и не могла знать, что от ее имени за границей «поддерживают» этих атаманов.

Это было так дико, как дика и кошмарна была и вся «практика» омского народоправства.

VIII

Еще с момента свержения Советской власти в Сибири омское народоправческое правительство, пользуясь каждым удобным случаем, в особенности подчеркивало свое «культурное превосходство над врагами народа» из Советской России и всячески оттеняло преимущественность прогрессивности в лагере «возрожденной России»...

По наследственности, указанное «превосходство» не меньше афишировалось и правительством военной диктатуры, которое, часто хвастливо рисуясь перед иностранцами, в особенности указывало на свою близость к сибирской интеллигенции и на свои особенные заботы в области народного просвещения.

«И раньше и теперь я попрежнему остаюсь горячим сторонником образования народа, ибо только в разумном, трезвом и сознательном понимании своих интересов рабочими и крестьянскими массами я вижу светлую будущность великой России»,

заявлял Колчак 8 июля в своем интервью с профессором английского университета Перс.

«Весь рабочий аппарат министерства в настоящее время занят исключительно предварительной схематизацией материалов по расширению сети низших, средних и профессиональных учебных заведений.

Некоторые директора министерства готовят законопроект, значительно упрощающий управление высшими учебными заведениями...»

На организацию просветительных мероприятий в армии и среди крестьянства, имеющих временное, но, несомненно, большое значение, министерство уделяет максимум возможностей...»

заявлял еще раньше представителю Рта заменивший профессора Сапожникова, министр народного просвещения инженер-механик Преображенский.

«Вы хотите помочь своими познаниями всероссийской армии вырваться из тенет невежества и низкого культурного уровня, — могу заверить вас, что все, направленное к оздоровлению духа и физической мощи русского солдата, высшими чинами армии будет от души приветствоваться...»

И вообще мы вовсе не такие, какими вы считаете нас там, у себя на родине, и для нас тоже далеко не чужды современные веяния прогресса...»,

говорил 24 июня, в официальной беседе с представителями американского союза молодых людей, «управляющий военным образованием» генерального штаба подполковник Клерже.

Но это были только слова, пускаемые омским народоправчеством на предмет «союзного умиротворения», и они были совершенно несхожи с действительностью...

Русская революция с начала марта 1917 года наиболее импульсивно выявилась в различного рода культурно-просветительных кружках, обществах, союзах и отделах.

Несмотря на всевозможные политические пертурбации и экономические неурядицы, вся энергия сознательной и преимущественно рабоче-крестьянской части русского народа больше всего была направлена к своему культурному усовершенствованию.

В конце 1917 и в начале 1918 г. почти вся Сибирь покрылась густою сетью губернских, уездных и волостных отделов по народному образованию, культурно-просветительных союзов и сельских просветительных обществ.

За этот период в Сибири было открыто больше трех тысяч сельских школ и больше двухсот средних, высших, начальных и специальных училищ. Кроме того, было создано больше 75 разных учительских, кооперативных и др. курсов, и состоялось не меньше 50-ти съездов культурно-просветительного характера. За этот период издавалось больше 25-ти разных журналов, посвященных преимущественно культурно-просветительной деятельности.

Правда, все эти мероприятия, благодаря своему кратковременному и часто случайному существованию, сделали не очень много и по той же причине не могли вылиться в стройную, наиболее целесообразную и симметричную форму, но все же это был бурлящий котел, полный живых, способных, верующих в идею народного просвещения людей.

Сибирское народоправчество, еще до падения директории, сокрушительными ударами приказов по армии и военным округам Гришина-Алмазова, Иванова-Ринова и других «первоначальных корифеев» уже умертвило почти все культурно-просветительные организации и начинания советского периода и отбило желание у большинства заниматься своим культурным усовершенствованием.

Правительство омской диктатуры только завершило просветительные мероприятия своих предшественников.

Оно начало с того, что прекратило отпуск средств земским самоуправлениям, заподозрив их в «партийности», что на первых же порах вынудило сельские училища прекратить свое существование.

В городах также фактически не было открыто не только ни одного среднего и высшего начального училища, но и 75% существующих в начале учебного года были закрыты частью за отсутствием средств, а в большинстве случаев—ввиду нового назначения учеб-

ных заведений под казармы своих и иностранных войск, тюрьмы и контр-разведку.

Открытый в Иркутске государственный университет фактически смог владеть только жалкое существование, да и то при поддержке исключительно кооперативных организаций.

Все культурно-просветительные союзы и общества в селах были закрыты при первом же появлении в последних карательных отрядов, как наибольший рассадник «заразы большевизма».

В городах просветительные кружки, комиссии, отделы профессиональных союзов были похоронены еще раньше.

В июле был закрыт, ввиду «неблагонадежности» руководителей и отсутствия средств, мощный рассадник культурно-просветительной кооперации, алтайский «культурпросвет», в начале 1918 года охвативший свою деятельностью почти всю Западную Сибирь, издававший литературно-художественный журнал «Сибирский Рассвет», учебники, беллетристические произведения, имевший музей, библиотеку, художественную школу и мастерскую, мастерскую игрушек и учебных пособий, книжный склад, магазин, типографию и пр.

Все культурно-просветительные отделы кооперативных союзов были закрыты за «разные подозрения» еще на первых порах «просветительной работы» омских атаманов.

А весной и летом 1919 г. «сами закрылись» почти все инструкторские кооперативные отделы и коллегии. Не говоря уже о том, что и уцелевшим инструкторам, без разрешения контр-разведки, нельзя было выехать даже за город.

Свободно разрешая устраивать съезды монархическим организациям, торгово-промышленникам, духовенству, омское народоправческое правительство не разрешило созвать всесибирский учительский съезд и съезд по народному образованию, хотя на последнем настаивал в свое время сам министр народного просвещения Саложников.

Уездные учительские съезды в некоторых случаях были разрешены, но участники их вынуждены были переходить (в Камне, Бийске, др.) на нелегальное положение за «большевистское настроение», выразившееся в том, что съехавшиеся учителя иногда возмущались и «осмеливались» протестовать против народоправческих пороков и расстрелов.

Для руководства средними и высшими начальными учебными заведениями, которые были изъяты из ведения земств и городов, в учебных округах были назначены «уполномоченные министерства народного просвещения» с функциями бывших директоров сельских училищ и отчасти попечителей округов, т.-е. для «наблюдения за нравственностью учащихся и учащихся, идейного руководства и общей согласованности»...

«Идейное руководство» уполномоченных в некоторых местах сразу же выявилось в том, что ими было усмотрено много «крамольного» элемента в среде учащихся и «неблагонадежности» в деятельности родительских комитетов и педагогических советов. В результате «соответствующих доносов» министру роль родительских ко-

митетов была сведена на-нет, а педагогические советы частью умерли естественной смертью, так как представители родителей и местных самоуправлений вышли из их состава из-за боязни быть «заподозренными», частью стали «только подсобными» техническими органами. И на «законных местах», в роли независимых директоров и инспекторов, были посажены вновь выброшенные волною революции «старые заправилы».

А благодаря «наблюдению», уполномоченными было усмотрено, что и от программ учебных заведений «пахнет большевизмом». Этот «запах» оказался в том, что закон божий учат «только желающие». После «соответствующего министерского разъяснения» и эта «дурь» была вырвана вон. Учащиеся, родители которых в паспортах имели надпись «православный», должны были вновь обязательно черпать познания из «мудрого катехизиса» и истории «ветхого и нового завета».

В новой орфографии тоже был «усмотрен большевизм», окончившийся для многих ее последователей военно-полевым судом и расстрелом. И хотя министерство с «этой затеей» активно не вело борьбы, но и не защищало и передало ее на «суд местам».

В Екатеринбурге в апреле ген. Голицын отдал приказ бросить «большевистские замашки», хотя, как известно, целесообразность этих «замашек» была отмечена еще царской академией наук, тем не менее послушавшийся солдат интендантства был арестован и впоследствии в числе других расстрелян.

Все командиры войсковых частей, начальники штабов и правительственных гражданских учреждений, в своем большинстве, тоже смотрели на новую орфографию, как на «большевистское нововведение». И привыкшие к ней должны были «зубрить букву ять», так как в неправильно написанных рапорте и отношении уже мерещились тюрьма и гауптвахта.

В Каменском союзе кооперативов имеется историческая бумага, на которой написано: «С большевиками в переписке не состою, а — расстреливаю. Поручик Бессмертный». Этот «большевизм» был усмотрен «культурным карателем» тоже в новой орфографии.

Закрыв все, даже демократические, газеты и журналы за «большевистские тенденции», омское правительство, в лице министерства народного просвещения и охранного управления, начало интересоваться содержанием библиотек и книжных складов, созданных периодом революции.

И... о ужас! Они оказались битком набитыми разными брошюрами об «Учредительном Собрании», «Всеобщем избирательном праве». «Демократическом управлении», «Земельном вопросе», «Народной армии» и вообще «прочей большевистской дребеденью».

Начались поиски, выемки, аресты, «дела» и расстрелы.

И даже больше того...

Некоторым начальством было замечено, что в переписке кооперативных организаций все еще существует обращение «уважаемые товарищи»...

Тут уж даже не требовалось никакого «предварительного следствия».

И целый ряд кооператоров в Камне, Бийске, Устькаменогорске и других городах и многочисленных селах был арестован, выпорот и даже расстрелян исключительно за «уважаемые товарищи».

Омские и другие атаманы на этот раз забыли, что в недавние времена они сами пользовались этим обращением, и что на требовательных ведомостях с обращением «уважаемые товарищи» они собственноручно расписывались.

В июле омское правительство, наконец, додумалось, как одним взмахом можно покончить с «взбудораживающей умы народа» литературой.

Приказом верховного правителя и верховного главнокомандующего была образована комиссия из представителей: штаверха, министерства народного просвещения, бюро печати, департамента государственной охраны, «святого братства», высшего церковного совета и других не менее «компетентных» организаций. Этой комиссии было поручено выработать способы уничтожения «вредных брошюр и книг» и замены их литературой «вполне трезвого направления».

Вскоре, после немалого труда, выявилась плодотворность работ этой «академической» комиссии. И к «большевикам» были причислены не только издания революционного периода, но и... Л. Толстой, Горький, Герцен и другие идеологи русской народной интеллигенции и современного гуманизма.

А через некоторое время после этого законодательства в армию и в деревню повезли ещё в большем количестве издания «святого братства», «русского бюро печати», информационно-агитационного отдела штаверха, высшего церковного совета и других не менее «трезвых» учреждений.

Содержание этой новой, «не взбудораживающей умы» литературы вполне импонировало ее издательствам, и сущность ее была так же бездарна, безграмотна, лицемерна и полна грязи и обмана, как и все остальные «просветительные попытки» омских попов и атаманов.

Все же «подозрительные» сочинения, хотя это были мысли лучших русских людей и недавние заповеди омских народоправческих министров, департамент охраны взял под свое «особое покровительство».

И начались опять обыски, аресты, издевательства, расстрелы,— но уже, преимущественно, интеллигенции.

Получилось так, что вместе с «подозрительной» книгой «внезаконным» делался и ее владелец.

Созданный «энергичным Пепеляевым» аппарат заработал во-всю...

В Тюмени «охраной» было арестовано несколько рабочих за «хранение большевистской литературы»; их предали военно-полевому суду и расстреляли.

В Камне 4 октября был снят с парохода, потому что при обыске у него оказалось «Учредительное собрание и право», кооператор Будкевич (старик) и... расстрелян. Вместе с ним за такое же «преступление» была тогда же арестована местная учительница Ляпуетина, вскоре же расстрелянная в числе 65-ти. На этом «деле» местный контр-разведчик капитан Степаненко только на «законном основании», как «открывший большевизм», заработал три тысячи рублей. Кроме этого, у Будкевича, ехавшего по поручению томской губернской земской управы в Барнаул за покупкой пшеницы, было несколько сот тысяч рублей.

18 июля в Екатеринбургe были арестованы: поручик Милюков, поручик Саусов и др., всего 14 человек солдат и офицеров иркутского артиллерийского дивизиона, за то, что они «совместно на квартире Саусова читали большевистское воззвание штаба 5-й советской армии к русскому офицерству». Все они, по приговору суда, были расстреляны.

3 сентября в томском полку были арестованы: прапорщик Швецов, подпоручик Кузлов и несколько солдат за то, что «они назвали ерундой» воззвание патриарха Тихона, а при обыске у них оказались «прокламации партии сибирских социалистов-революционеров, призывающие к военному бунту и свержению существующего государственного строя». Все они были расстреляны.

В Семипалатинске 12 августа отрядом атамана Анненкова была арестована семья беженцев Топоровых за «найденную у них разную московскую большевистскую литературу и портреты большевистских плавателей». От них сначала было приказано «узнать», что делается в Москве, а затем их без суда и следствия... изрубили.

В Мариинске 16 сентября за «хранение в частной литературе» было арестовано несколько местных кооператоров, и, хотя они всячески старались доказать, что они «не большевики и даже свергали их», двое из них были повешены.

18 сентября на станции Максакеево Заб. жел. дороги отрядом барона фон-Тирбахa было «осажено» с поезда несколько пассажиров, в том числе поручик Степанов, только за то, что они были «одной командой», и при «просмотре их багажа» у одного из них случайно оказалась брошюра «Шарль и войско», изданная в 1907 г. Петроградским советом... Фактически же их арестовали за большие суммы денег, имевшиеся у них.

Приказом верховного правителя и верховного главнокомандующего от 30 апреля за № 129, подтвержденным 19 мая, на военноецеховые отделы при штабах войск и начальников гарнизонов и всех военных контролеров возлагается исключительная ответственность за работой типографий. Ни одно издание, даже номенклатурного характера, не могло быть выпущено типографией без соответствующего разрешения цензуры и контр-разведки.

Такова была в конкретных, практических примерах всенародно-отрицаемая любовь и стремление омекою правительства и на-родному образованию, культуре и разумному воспитанию рабочих

п крестьян. И таково, в действительности, было его «тесное сотрудничество» с сибирской интеллигенцией.

Как не похоже оно на шумные слова и еще более шумные «всенародные заявления»!

Разрушено, уничтожено, убито было даже то, что в период революции, может быть, неумело на первых порах, но с искренним желанием и верою, создавалось самим трудовым народом.

Разрушены грязными, больными, безграмотными руками первые попытки непосредственного творчества трудящихся и первые очаги созерцания народными массами красоты и искусства.

Сожжены, выброшены «вон», уничтожены и осквернены были создания великих русских людей, воспитавших своими идеями целые поколения русской и иностранной интеллигенции и заставивших своими усилиями и трудами все культурные части всего мира относиться к русским с должным уважением.

Но «заграница» всячески восхваляла «культурные качества» омского народопривчества. Буржуазия делала все возможное, чтобы выгодной стороной показать лицо омского «просвещения и образования».

И даже сам «старый революционер» Чайковский в июльской книжке буржуазного «Общего Дела», патетически обращаясь к «народу Франции», пишет:

«... Всероссийским правительством адмирала Колчака культурный уровень русского народа движут вперед на несколько десятков лет... открыты высшие учебные заведения в Иркутске, Омске, Чите, Владивостоке, создано много народных домов и несколько дворцов народного искусства...».

Не меньше старалась в выявлении омского «культурного преемства» и капиталистическая Сибирь. Но она с каждым днем все больше и больше сиротела и вскоре сама окончательно задулась в плуге «слов» и в результатах «действий».

IX

Начиная с февраля, уже во всех местностях рабоче-крестьянских восстаний партизанское движение начинает принимать дисциплинированно-организованный характер. Наученные более чем «чувствительным» опытом за время разрозненной борьбы с сибирским народопривчеством, рабоче-крестьянские массы психологически стремятся к организованному и вполне согласованному дальнейшему действию, руководимые, во многих случаях, военными специалистами из своей же среды, они уже сознательно подчиняют себя законам последовательной и строгой организации и дисциплины.

С этого же времени партизанскими отрядами освобождаются от влияния народопривчестных атаманов не только почти все отдаленные от жел. дорог сельские и даже порабощенные районы, но места, в Приморской, Амурской областях и Томской, и Енисейской губерниях, население успешно борется с наглыми отрядами и в районах железных дорог.

Уже 6 марта омское правительство вновь обращается к междусоюзному техническому комитету и главнокомандующему иностранными войсками генералу Жанену с настойчивой просьбой взять на себя «охрану всех линий сибирских жел. дорог», указывая, что существующая на железных дорогах иностранная охрана, в некоторых местах, далеко недостаточна.

В объявленной вслед за этим мобилизации только городской интеллигенции само народоуправческое правительство выпукло подтверждает, что с «возрождаемым» им народом дело обстоит далеко не благополучно. И хотя приказ Колчака от 8 марта пытается оправдать, что рабочие и крестьяне не мобилизуются лишь потому, что первые нужны правительству на заводах, а вторые — на предстоящих полевых работах, в действительности, он только подтверждает состояние войны между рабочими и крестьянами Сибири и омским правительством.

Окончательное разочарование в рабочей и крестьянской «поддержке» и неуверенность в завтрашнем дне заставляют и капиталистов взывать вновь к своему заграничному собрату, и 14 марта они пишут:

«Господину начальнику японской дипломатической миссии.

Выше высокопревосходительство, нам известны последние события в Амурском крае, где японские войска с таким удивительным мужеством и самоотверженностью борются с большевиками, охраняя законность и порядок на русской земле и защищая благостояние русских граждан.

Нам известны в высшей степени доброжелательные и корректные отношения японских войск к честным русским жителям.

Наконец, нам известно ваше и вашей миссии прекрасное и чуткое отношение к России и трогательное понимание ее теперешних нужд.

Не только жители Сибири, но и массы бежавших из центральной России от большевистского террора, насилия и грабежа, — все эти коренные русские люди смотрят теперь на японцев, как на ближайших наших друзей и желанных союзников, пришедших к нам на помощь.

Благородная политика Японии, в связи с той помощью, которую нам оказывают наши испытанные друзья и союзники, Франция и Англия, вселяет в нас и в дальнейшем уверенность, что все трудности, стоящие на пути к возрождению единой и великой России, будут преодолены.

В частности, торгово-промышленный класс России, имеющий теперь постоянное и тесное общение с Японией, рад отметить все более и более тесное сближение России с Японией, рад способствовать этому сближению и никогда не забудет заслуг Японии перед всем русским народом в его трудную минуту.

Примите, ваше высокопревосходительство, наше глубокое почтение к Японии и ее чудесным войскам и нашу искреннюю к вам лично преданность.

Мы выражаем не только наши личные чувства, но и как уполномоченные всероссийского совета съезда торговли и промышленности, объединяющего теперь все биржевые комитеты, торгово-промышленные палаты и вообще все торгово-промышленные организации России.

Уполномоченные всероссийского совета съезда торговли и промышленности А. П. Клягин и Н. И. Герасимов».

Но уже далеко неблагополучно и в среде «самых союзных войск».

Американские войска, только спровоцированные переодетыми под крестьян калмыковцами, в незначительной своей части принимают совместно с японцами экскурсию в район партизанских отрядов на Сучан, Приморской обл., а в своем большинстве начинают определенно сочувствовать рабоче-крестьянскому движению и даже местами присоединяются к нему.

Чехо-словацкие войска, даже отведенные в тыл и на линию жел. дороги, почти повсеместно отказываются «усмирять» русское население.

В зависимости от этого, иностранные войска на языке омских атаманов уже получают «соответствующие подразделения» — на своих и большевистствующих.

Первого апреля 1919 года омское правительство постановляет: все денежные знаки сорока и двадцатирублевого образца («керенки») заменить знаками сибирского производства, имея в виду наличие керенок и на территории Советской России.

В это же самое время происходят восстания в некоторых частях сибирской «добровольческой» армии, в частности в барнаульском и ново-николаевском полках. И военное министерство создает комиссию для разработки вопроса о создании смешанных, русско-иностранных войсковых частей... И вскоре после этого приказом наштаверха от 28 апреля, за № 370, узаконяется практически принцип «смешанных» войсковых частей.

С этого же времени Амурская жел. дорога уже почти на всем своем протяжении, методически разрушаемая рабоче-крестьянскими отрядами, прекращает свое движение, а в районе Красноярска — Нижнеудинск даже товарные поезда при движении охраняются карательными отрядами и броневиками.

Тогда же начинается сильное партизанское движение в Алтайской губернии и Семипалатинской области. Некоторые станции между Барнаул—Семипалатинском тоже подпадают под удары рабоче-крестьянских отрядов.

В это же время начинается массовое дезертирство из войсковых частей омского правительства призванной интеллигенции. Не помогают ни взывания к «гражданскому долгу и чести» со стороны даже самого «Союза возрождения России», ни обещание «записать на доску врагов родины» и даже «расстрелять на месте».

К маю 1919 г. почти весь север Енисейской и Томской губерний освобождается от влияния омского правительства усилиями местных партизанских отрядов. В Томской губернии действуют отряды Лобкова, Толкунова и Перевалова; в Енисейской — отряды Яковенко, Кравченко и Щетинкина. В особенности большое значение в борьбе с белыми войсками имел отряд последнего. В свое время тов. Щетинкин, штабс-капитан, находился на службе у омского правительства и в начале 1919 г. во главе батальона перешел на сторону восставших крестьян. С тех пор тов. Щетинкин является вождем енисейских партизан и делается настолько сильной угрозой омскому правительству, что тот пытался склонить его на свою сторону, обещая выдать большую денежную сумму и произвести в чин

генерал-майора. Но тов. Щетинкин остается верен своим партизанам, и после этого белое командование, в лице генерала Розанова, обещает большую сумму, но уже не Щетинкину, а тому, кто, хотя бы из-за угла, но сумеет убить его.

При поддержке Щетинкина создаются большие партизанские отряды в Кузнецком уезде Томской губернии и в Алтайской губ., которые под командованием Рогова, Мамонтова, Громова и Вострещова к июлю 1919 г. освобождают от белых значительную часть Алтайской губернии, а к сентябрю в их руки переходит почти вся Алтайская жел. дорога.

На борьбу с партизанским движением правительство Колчака вынуждено отзывать с фронта лучшие и наиболее «благонадежные» свои войсковые части и специальным постановлением от 27 мая — просить генерала Жанена отдать распоряжение иностранным войскам, охраняющим железные дороги, оказывать более реальное содействие отрядам, ведущим войну с партизанами.

С усилением партизанского движения начинает понемногу заявлять о своем существовании коммунистическая партия, терпевшая до этих пор очень жестокое поражение. В апреле, ввиду провокации, в Омске был арестован областной комитет РКП, избранный на III областной конференции в марте. По найденным адресам колчаковской контр-разведке удалось почти полностью разгромить, арестовать и расстрелять большевистские организации в Омске, Томске, Барнауле и Красноярске. С меньшими поражениями приходилось работать областным комитетам РКП, организованным на первых двух конференциях: 18—22 августа и 23—24 ноября 1918 г. в Томске. За зиму правительству Колчака посчастливилось окончательно задушить не только организованное большевистское подполье, но даже захватить в свои лапы его смелых и решительных руководителей и жестоко с ними расправиться; так погибли: т.т. Нейбут, Масленников, Стукин, Андреева, Ф. Суховерхов, Карл Ильмер и многие другие ¹⁾.

Таково, в общем, было положение на территории Сибири, когда стало известно, что Красная армия перешла в наступление.

X

Вскоре действие красных войск почувствовалось не только рабоче-крестьянским сибирским населением, но прежде всего и больше всего — сибирским атамановским народоправчеством.

17 июня 1919 года омское правительство срочно отправляет в Париж телеграфную мольбу к своим заграничным патронам о помощи. Омский совет министров, от имени всей России, заявляет свое согласие на признание полной государственной автономии Польши, Финляндии, Эстонии, Литвы, Украины, Грузии и согла-

¹⁾ См. К. Молотов. «Контр-революция в Сибири и борьба за Советскую власть» 1920 г.

шается теперь же «предоставить союзным державам самые широкие возможности для применения ими своих технических и материальных сил».

24 июня созывается в Омске чрезвычайный казачий съезд для разрешения самых «серьезных и неотложных вопросов государственной важности».

26 июня омские торговцы Громчук и Копыст, от имени совета карпато-руссос, призывают всех славян к «оружию для защиты единой великой матери-России».

27 июня омское правительство объявляет «дело защиты родины и свободы» в опасности и постановляет создать «чрезвычайный комитет» из министров военного, внутренних дел и юстиции.

Экономическому совещанию поручается срочно найти способы «умиротворения недовольства рабочего и крестьянского населения».

Сам Колчак едет на фронт для «воодушевления своим присутствием бойцов за возрождение России».

Но наступают острая вражда и несогласие и среди самих омских атаманов. И если Пепеляев, Гайда и др. взывают к «тыловому населению», призывая его вперед, то другие их единомышленники спешат взятками, подлогами, реквизициями обеспечить себя «на всякий случай».

Комендант станции Омск, задерживая поезда со снаряжением и эшелоны войск, пропускает поезда со спекулятивным грузом... Его захватывает контр-разведка на месте преступления при получении им «задатка» и арестовывает... Выясняется, что он действовал с ведома и сообщая с самим начальником военных сообщений ген. Касаткиным; арестовывают и последнего. Но когда распоряжением Колчака их предают военно-полевому суду, они указывают на своего главного сообщника генерала Лебедева, начальника штаверга.

Даже самому Колчаку становится не по себе, и он делает попытки «замаять эту историю».

Но вмешивается главнокомандующий фронтом Гайда, приезжает в Омск и ультимативно требует преданию суду и расстрелу «воров и предателей».

Его обвиняют в дезертирстве, неподчинении и даже... в большевизме.

Он устраивает еще больший скандал, угрожая самому Колчаку.

Тогда делают попытки его арестовать, но неудачно... Не сдавая никому ни дел, ни отчета, Гайда, вместе со своим весьма многочисленным конвоем, уезжает на восток... По пути он захватывает в поезд своих бывших единомышленников, эс-эров из областной думы.

Но этот скандал стараются замаять, и с отъездом Гайды из Омска Рга сообщает:

«В высшем командовании армии произошли некоторые перемещения. Начальник штаба верховного главнокомандующего, генерального штаба генерал-майор Лебедев получает новое назначение. Главнокомандующий фронтом генерал-лейтенант Гайда получает отпуск и уезжает на восток для отдыха...

Главный начальник военных сообщений генерал-майор Касаткин увольняется от занимаемой должности.

Начальником штаба верховного главнокомандующего назначается генерал-лейтенант Дидерикс, с возложением на него временно исполнения обязанностей главнокомандующего восточным фронтом».

Не лучше становятся дела омского правительства и на Дальнем Востоке, куда спешно командировается атаман Дутов, а вслед за ним генерал Розанов. «Слабохарактерный и китаефильствующий», с точки зрения омских атаманов, генерал Хорват получает «почетное звание сенатора» и уступает свое место более «решительному и твердому» енисейскому садисту Розанову, в помощь которому назначается атаман Семенов.

Дутову поручается «ликвидировать» забастовку на Кит.-Вост. жел. дороге и навести «порядок» во Владивостоке.

Богатый опыт по «усмирениям» скоро же дал свои результаты: после нескольких расстрелов и порок забастовки на дорогах были сорваны, и к первому августа Дутов уже смог возвратиться в Омск, получив за это «искреннюю благодарность русского народа».

Но в столице сибирского народопрравства дела атаманов становились с каждым днем все хуже и хуже.

Красная армия методически и не задерживаясь двигалась вперед. Не помогали иностранные друзья, не было поддержки и со стороны «тыла». И беря пример с себя, омское правительство делает попытки соблазнить армию и городской тыл деньгами, наградами и обещаниями.

Постановлением от 17 июля омское правительство обещает наделить землю и прожиточной пенсией всех отличившихся в борьбе за «возрождение России».

Своим приказом от 27 июля, за № 606, адмирал Колчак предписывает всем начальникам войсковых частей выдать, в виде награды, «отличившимся бойцам по сто рублей каждому».

В ход вновь пускается: «Учредительное Собрание», «земля и воля» и т. д.

Помимо воззваний Колчака, его совета министров, торгово-промышленников, «Союза возрождения России» и др., 28 июля широко распространяется воззвание генерала Пепеляева, слывшего за «настоящего демократа и революционера»:

«Граждане! Настал грозный час военных событий.

Большевистские деятели, во главе с Лениным и Троцким, напригают последние усилия и поставили все на карту, чтобы прорвать железное кольцо народных армий, окруживших Россию.

Красными использовано все, что можно. Они усиленно развили агитацию, разбрасывая миллионами листы с самыми льстивыми, гнусными обещаниями.

В армии у них введен суровый террор, и каждому комиссару дано право убивать солдат за малейший проступок.

В занимаемых ими местах они немедленно мобилизуют все мужское население, ставя его под ружье, забирают все припасы, лошадей, коров, хлеб.

В самой Советской России стоит страшнейший голод, грабежи, своеволие, убийства.

Отдельные отряды мадьяр, китайцев и латышей служат главной опорой большевиков как в тылу, так и на фронте.

Наша армия, ведя неустанно и бесценно войну, не выдержала и отошла, отдав снова в руки врага сотни тысяч граждан на грабеж и разорение.

От имени умирающих за святое дело свободы и равенства я обращаюсь к населению:

Все на борьбу с врагом.

Без всяких различий веры, положения, состояния, — каждый должен помочь всем, чем может.

Идите добровольцами, кто может.

Я обращаюсь к земству:

Призовите население к борьбе с врагом, попирающим все права народа.

Я обращаюсь к духовенству:

Призовите народ к борьбе за веру, за святыни русские.

Я обращаюсь к крестьянам:

Встаньте на борьбу за разграбленные села ваши, за Учредительное Собрание, за землю и волю.

Я обращаюсь к рабочим:

Не верьте темным слухам, которые злоумышленники распускают среди вас и встаньте на борьбу с красным злом, по примеру героев воткинцев и ижевцев.

Я обращаюсь ко всем партиям:

Отбросьте партийные споры и разногласия; единая родина, великая и нераздельная свободная Россия — вот лозунг, который должен объединить всех.

Мы, сибиряки, не можем допустить и никогда не допустим гибели родины. Враг будет разбит, но мы ждем помощи от всего народа...

За свободный труд, за землю и волю, за Учредительное Собрание вперед!

Командующий северной группой войск сибирской армии генерал-лейтенант Пепеляев».

Но не помогает уже теперь омским атаманам и клятва в преданности Учредительному Собранию. Уж слишком большой иронией и злостной насмешкой звучит она.

И, как будто в ответ на этот народоправческий вопль, рабоче-крестьянская Сибирь расширяет свои позиции в тылу омского правительства.

Партизанскими отрядами занимаются г. Минусинск, станция Тайшет, г. Камень, г. Устькаменогорск.

Еще более сильным аллюром бегут сибирские «добровольческие» части. К началу августа от них остаются только штабы да генералы. Удаётся выбраться в омский район только некоторым полкам кашелевского корпуса, бывшим на сибирской жел.-дор. магистрали.

Местности, где, по уверениям Рта, «сибирские войска встречались хлебом и солью», накануне прихода советских войск захватывались почти всегда восставшим трудовым населением.

К 10 августа вся Сибирь до реки Тобол освобождается от влияния омского правительства. Красная армия, занявшая в несколько недель несколько областей и губерний, приостанавливает свое наступление только по линии Курган—Акмолинск—Ишим.

XI

Воспользовавшись наступившей «передышкой», омское правительство начинает создавать «оборону Сибири от нашествия красных банд».

18 августа объявляется всеобщая мобилизация городского населения до 43-летнего возраста включительно.

22 августа объявляется мобилизация всех карпато-руссос. 24-го — всех казаков и т. д. Приказом штаверха от 28 августа, за № 181, предписывается соответствующим начальникам награждать георгиевскими крестами и всех «отличившихся в тыловой борьбе с большевиками частных лиц».

Атаман Иванов-Ринов назначается помощником главнокомандующего всем фронтом; генералу Голицыну поручается приступить «к организации добровольческих дружин из крестьян и рабочих».

Высший церковный совет вновь вынимает из жандармского архива понадобившиеся ему «революционные реликвии» и широко призывает «православных людей на борьбу с поработителями трудового народа во имя Учредительного Собрания, всеобщего равенства и свободы».

Ему вторят «самые старые социалисты-революционеры и демократы» Сибири — Потанин и Сазонов. Последний выступает от имени всесибирского кооперативного Съезда с «призывом к кооператорам и трудовому крестьянству».

Но как бы в ответ на эти новые подложные революционные призывы, вспыхивает поголовное восстание в самом богатом маслодельном и хлебном районе: в Татарском, Барнаульском, Петропавловском, Павлодарском и Мариинском уездах. Происходит восстание в Красноярске и Семипалатинске.

Рабоче-крестьянскими партизанскими отрядами занимаются большая станция Алтайской жел. дороги — Черепаново и Рубцево. И вся Семипалатинская область и Алтайская губерния отрезаются от омского центра.

В рабоче-крестьянские отряды уходит и подавляющее большинство мобилизуемого омским правительством городского населения.

Наученные жестоким опытом борьбы, партизанские отряды умелой рукой своих вождей перестраиваются и реорганизуются из отдельных, разрозненных отрядов в мощные полки, бригады, дивизии, корпуса и армии. При штабах партизанских армий начинают издаваться газеты и даже журналы (армия Щетинкина); в их ряды добровольно вливаются все новые и новые крестьянские силы. К сентябрю Алтайская армия — Мамонтова — имеет около 30.000 бойцов, Енисейская — Щетинкина — 15.000, Томская — Лобкова — 10.000, Иркутская, — Карандашвили и Кравченко — 25.000, Амурская — Шилова — 15.000, Уссурийская — Шевченко — 15.000, Забайкальская — Якимова — 10.000.

В Омске наступает паника... Генералы начинают наперебой придумывать себе «командировки» на восток.

Правительство вновь еще более усиленно начинает взывать и к «русской общественности, и к союзникам, и к братьям-чехам, и к полякам».

Генерал Жанен отдает приказ по иностранным войскам и предписывает чехо-словацким, польским, итальянским и румынским войскам «ни в коем случае не допускать большевиков на линию железной дороги».

Иностранным карательным отрядам омское правительство предоставляет право оставлять у себя в качестве «боевого приза все захваченное у восставших имущество»...

Соблазненные перспективой «широкой наживы», польские и румынские карательные отряды начинают усиленно помогать омскому народоправчеству; и вскоре Каменский, Ново-Николаевский, Красноярский и Каинский крестьянские районы не только «освобождаются от большевиков», но прежде всего от мертвого и живого имущества, которое привозится и сгоняется в города.

Для омских атаманов представляется возможность «устроить передышку».

В это же время Колчак и офицеры его штаба, великолепно осведомленные об истинном положении советской армии, начинают «учиться у врага».

Издается приказ о трехбатальонных полках, упраздняются «ненужные корпуса и бригады», сокращается по советскому образцу количественный состав армейских штабов и штабов дивизии.

Телеграфным приказом наштаверха от 14 сентября, за № 1051, создаются культурно-просветительные отделы при всех штабах, до полкового включительно. Такие же отделы предписывается создать всем начальникам гарнизонов.

Указом верховного правителя и верховного главнокомандующего от того же числа «повелевается всем городским и земским самоуправлениям немедленно же приступить к организации помощи больным и раненым воинам и их семьям».

Но в то же время, чувствуя, что наступает момент агонии, омское правительство, в лице вновь назначенного министра финансов, директора Русско-Азиатского банка, фон-Гофера, устраивает аукционную распродажу естественных богатств Сибири, начинает «предлагать Россию союзникам» и продолжает втихомолку топить, расстреливать рабоче-крестьянское население.

28 сентября по линии железной дороги секретно отдается телеграфный приказ военного министра, за № 773, которым предписывается освободить из-под эвакуируемых политических заключенных и пленных красноармейцев вагоны... Распоряжение об «освобождении» исполняется на местах с жестокой свирепостью. Глухие станции Сибирской железной дороги становятся местом новых тысяч могил...

В то же время все политические заключенные, в количестве больше тысячи человек, эвакуируемые из Тобольска в трюмах баржей, умирают голодной смертью: в течение месяца им не дают ни одного куска хлеба.

А как «результат помощи» иностранных войск, одна река Обь, между Барнаулом и Ново-Николаевском, выбрасывает на свои песчаные отмели несколько тысяч крестьянских трупов.

Тюрьмы и гаушвахты Барнаула, Омска, Камня, Ново-Николаевска, Томска, Красноярска, Ачинска, Канска, Мариинска спешно «освобождаются» от политических заключенных.

Но это уже была последняя отрыжка омского народоправчества.

XII

В начале ноября Красная армия, пополненная рабоче-крестьянскими партизанскими отрядами, вновь переходит в наступление. Омские атаманы начинают заботиться уже не об обороне, а о своем благополучном бегстве на восток.

Из Омска спешат уехать иностранные послы и омские капиталисты; министерства начинают отправлять себя на восток. В половине октября эвакуируется из Омска даже штаб омского военного округа, во главе с генералом Матковским.

14 ноября советскими войсками занимается столица сибирского народоправчества, г. Омск.

Рабоче-крестьянская Сибирь поголовно восстает, и до самого Иркутска линию сибирского железнодорожного пути окружают стальные ряды партизанских повстанческих отрядов.

Омские генералы, в своем паническом бегстве, начинают воевать уже между собою за право первенства отступления.

Один за одним они отказываются уже и от высокого звания главнокомандующего: не хотят быть им ни Дидерикс, ни Пепеляев, ни Иванов-Ринов... и Колчак предписывает стать главнокомандующим весьма нелюбимому омским штабом полковнику Капшелю, делая его генерал-лейтенантом.

16 ноября омские министры, после весьма не министерски продолжительного пути, прибывают в Иркутск, и через несколько дней после этого Рга шумно оповещает:

«Иркутск, 2 декабря. Всероссийская власть радикально реорганизована на новых демократических началах. Новый состав кабинета министров следующий: председатель совета министров и министр внутренних дел—Пепеляев, вице-председатель и министр иностранных дел—Третьяков, министр финансов—Бурьшкин, торговли и промышленности—Окороков, земледелия—Петров, труда—Шумиловский, путей сообщения—Устругов, военный министр—Ханжин, министр юстиции—Морозов, контролер—Краснов, управляющий министерством внутренних дел—Червень-Водали, главноуправляющий делами совета министров и верховного правителя—Гинс.

Программа нового правительства следующая: 1) внутреннее управление страной совершенно независимо от военной власти, и всякое беззаконие и злоупотребление, кем бы оно ни производилось, будет преследоваться самым беспощадным образом; 2) привлечение к законо-

дательной работе национального земского собрания и сближение власти с населением и чехо-словаками.

Председатель Совмина Пепеляев выехал на фронт для доклада адмиралу Колчаку о принятых кабинетом решениях...

«Иркутск, 3 декабря. Совет министров постановил увеличить количество членов в земское собрание от крестьян, казаков и других общественных групп, а также реорганизовать всю правительственную систему на основе децентрализации...»

«Иркутск, 4 декабря. До приезда в Сибирь из Парижа Николая Васильевича Чайковского временным председателем комиссии по выборам в учредительное собрание назначен бывший председатель совета министров П. В. Вологодский».

Но не спасает уже сибирских атаманов и их новая «демократическая» подкладка.

Еще 13 ноября чехо-словацкие военные и дипломатические представители особым меморандумом к другим иностранным дипломатам и командованию заявляют, что они в дальнейшем не только отказываются от какой бы то ни было поддержки омского правительства, но даже считают бесчеловечным и преступным сочувствовать ему в его порках, расстрелах, реквизициях, грабежах и разбоях.

В меморандуме своем, поданном ген. Жанену, Ноксу, Оой и др., уполномоченные чехо-словацкого правительства пишут:

«Невыносимое состояние, в котором находится чехо-словацкая армия, заставляет нас обратиться к союзным державам с просьбой о совете, каким образом чехо-словацкая армия могла бы обеспечить себе собственную безопасность и свободный возврат на родину, вопрос о котором был решен при согласии всех союзных держав.

Чехо-словацкая армия была готова охранять железную дорогу и сообщение на вверенном ей участке и эту задачу добросовестно исполняла.

Но ныне пребывание чехо-словацкого войска на магистрали и ее охрана становятся невозможными ввиду совершенной бесцельности и на основании примитивнейших требований справедливости и человечности. Охраняя железную дорогу и поддерживая порядок в стране, чехо-словацкая армия вынуждена против своего убеждения содействовать и поддерживать то состояние полного произвола и беззаконности, которое здесь воцарилось.

Под защитой чехо-словацких штыков местные военные русские органы позволяют себе такие дела, от которых весь цивилизованный мир придет в ужас. Выжигание деревень, убийства русских мирных граждан целыми сотнями, расстрел без суда людей исключительно только по подозрению в политической нелояльности — составляют обычное явление, а ответственность за все это перед судом народов целого света падает на нас за то, что мы, располагая военной силой, не воспрепятствовали этому бесправию.

Эта наша пассивность является прямым следствием принципа нашего нейтралитета и невмешательства в русские внутренние дела, и она же является причиной того, что мы, соблюдая безусловную лояльность, становимся против своей воли участниками преступлений. Сообщая это представителям союзнических держав, которым чехо-словацкий народ и войско были, есть и будут всегда верными союзниками, считаем необходимым постараться всеми средствами поставить народы всего мира в известность, в сколь морально трагическом положении очутилась чехо-словацкая армия, и каковы причины этого.

Мы сами не видим иного выхода из этого положения, как немедленное возвращение домой из этой области, которая нам была вверена для охраны, и чтобы до осуществления возврата нам была дана возмож-

ность прекратить бесправия и преступления, с какой бы стороны они ни происходили.

Подписали Павлу и доктор Гирса».

А вслед за ними, 17 ноября, во Владивостоке выступают против своих недавних союзников, с оружием в руках, отряд генерала Гайды и офицеры и солдаты местных колчаковских частей, руководимые Гайдой, Краковецким, Моравским, Якушевым, Гусариком, Поповым, Саковичем и Павловским. Правда, при участии японских войск «восстание Гайды» было ликвидировано Розановым, но оно более чем выпукло разделило на враждебные лагери и самих сибирских атаманов.

В начале декабря партизанские отряды Амурской и Приморской областей, руководимые офицерами старой русской армии: Серышевым, Шиловым, Певзнером, Мельниковым, Владивостокским, Целищевым, Лазо, Ильяховым и др., вступают в решительные и упорные бои с японцами и прерывают сообщение между Благовещенском — Хабаровском, Никольским — Иманом. Их повсеместно поддерживает крестьянство, несмотря на выжигание японскими отрядами даже только «заподозренных в укрывательстве» сел и деревень...

19 декабря восстают против остатков сибирского народоуправчества рабочие Черемховских копей; 21-го поворачивают свои штыки против атаманов и призванные защищать их солдаты нижнеудинского гарнизона; 23 декабря происходит восстание иркутского гарнизона.

Отрезанный восставшим народом от своей новой столицы — Иркутска, Колчак со своим штабом успевает только взывать о «немедленной помощи» к своему недавнему «врагу и изменнику родины» атаману Семенову и приказом от 23 декабря, за № 240, назначает его главнокомандующим всеми войсками Дальнего Востока и иркутского военного округа, награждая чином генерал-лейтенанта.

Но еще до этого наступают полное разложение и развал в самом народоуправческом правительстве.

Оскорбленный далеко нелестной оценкой действий омского правительства со стороны чехо-словаков и оптимистически настроенный подавлением гайдовского восстания во Владивостоке, имея в виду и в дальнейшем помощь со стороны японских войск, — Колчак, 25 ноября, телеграммой из своего поезда в Иркутск Пепеляеву и Третьякову, приказывает:

«Ознакомившись с чешским меморандумом от 13 ноября за подписями Павлу и Гирса, повелеваю: 1) прекратить всякие сношения с этими лицами, как вступившими на путь политического интриганства и шанталажа, и 2) войти со срочным представлением через Сазонова к чешским и союзным правительствам с предложением отозвать названных лиц из России, с заменой их другими, могущими вести себя более прилично. № 216. Адмирал Колчак».

Но только что приехавший в Иркутск Пепеляев, увидевший невыгодность для иркутского правительства конфликта с чехо-словаками, спешит нервно и растерянно предупредить Колчака:

«Иркутск, 26 ноября. Секретно. Верховному правителю. Полагаю, что ответственное решение, равносильное разрыву сношений, должно было быть мне предварительно сообщено, дабы я мог дать совет.

Я бы высказался за протест, но не в таких выражениях, принятых в международных сношениях. Может, вам угодно было бы не последовать моему совету, но вы все же не оставили бы его без внимания.

Здесь мне с большими усилиями удалось было сменить активно-враждебное к правительству отношение чехов—выжидательным. Серьезность бывшей здесь обстановки вы усмотрите из моего доклада. Теперь мне нанесли удар этой телеграммой. Сегодня ко мне явился доктор Благож и официально спросил, ссылаясь на эту телеграмму, заявляю ли я о разрыве сношений. Я ответил, что сделаю дополнительное сношение и тогда отвечу.

Ходатайствую об отмене этой телеграммы, и, если вы признаете существующими мои соображения, не издавать столь важных актов без предоставления мне возможности высказать свое мнение. Предсовмин Пепеляев».

Но Колчак, под влиянием своего японофильствующего штаба, долго не соглашался отменить и извиниться перед чехо-словаками, и только дальнейшие события вынудили его это сделать.

Еще совсем недавно клявшийся в мощности и силе омских войск, а теперь окруженный со всей своей армией на ст. Боготол рабоче-крестьянскими отрядами, руководимыми старыми офицерами — Щетинкиным, Кравченко и др., генерал Пепеляев 9 декабря ультимативно взывает к Колчаку:

«Умоляю последний раз о немедленном издании акта о созыве сибирского Учредительного Собрания, в лице которого сам народ возьмет в свои руки устройство Сибири и изберет сибирское правительство... Мы действуем исключительно во имя защиты родины от большевиков и ждем согласия вашего до 24-го часа сегодняшнего дня... Мы честно, открыто и долго убеждали вас в необходимости этой меры и получили от вас принципиальное согласие. Но время не ждет, и мы говорим вам теперь, что во имя родины мы решились на все...

Нас рассудят бог и народ. Командующий первой армией генерал-лейтенант Пепеляев».

Но Колчаку уже не до разговоров об Учредительном Собрании. Ему приходится подумать и о своей личной безопасности.

12 декабря командующий чехо-словацкими войсками генерал Сыровой заявляет приехавшему в Иркутск генералу Жанену, что, в случае непредоставления чешским эшелонам первенства эвакуации на восток, он... не ручается за последствия. И приказом главнокомандующего иностранными войсками чехо-словакам предоставляется право первыми двигаться на восток, ввиду чего чешские солдаты на местах начинают отбирать паровозы и выгонять из вагонов даже омских командующих, сенаторов, министров и генералов.

Основываясь на соответствующем распоряжении, чехо-словаки в своем паническом бегстве на восток отбирают паровоз и выселяют из поезда даже самого омского главнокомандующего генерала Капеля, который за такое поругание над его личностью и «русским оружием» вызывает генерала Сырового на дуэль. Последний отве-

чает Каппелю, что охотно принимает его вызов... «только после эвакуации чешских войск из Сибири»...

14 декабря Колчак обращается к министру иностранных дел своего правительства Третьякову с настойчивым требованием «повлиять на генерала Жанена, чтобы он сделал распоряжение о беспрепятственном пропуске его поезда в Иркутск».

Но Жанен 15 декабря заявляет, что он бессилен «облегчить участь адмирала».

Тогда Третьяков выезжает в Читу к Семенову на поклонение, и забайкальский атаман спешит на выручку застрявшим на линии жел. дор. омским генералам нижеследующей шумной телеграммой:

«Чехоштаб, генералу Сыровому, копия: верховному правителю, подполковнику Сырбаярскому, генералу Жанен, предсовмину, главнокомандующему генералу Каппелю, комвойсками генералу Артемьеву, генералу Оглоблину, Оой, Розанову, Гревсу, Хорвату, атаману Калмыкову, атаману Кузнецову, войсковому старшине Магомаеву, полковнику Малиновскому.

Братья чехо-словаки! Глубоко ценя вашу героическую, совместную с русским народом, борьбу во имя общеславянских идей, сначала на войне с общим врагом славянства, а затем с врагом русской государственности—большевиками, я всегда с беззаветным и глубоким уважением относился к вам, видел в вас братьев по духу и крови и считал, что ваша историческая помощь России и славянству не имеет себе равной на всем протяжении веков.

Но ныне мною получены данные о том, что, благодаря распоряжениям и действиям чехо-словацкого командования, на линии железной дороги, находящейся под вашей охраной, задерживаются поезда верховного правителя, главнокомандующего армии, предсовмина, нарушается связь между отходящими войсками и высшим командованием, остановлено больше сотни эшелонов с ценным воинским и государственным грузом, а вперед двигаются только чешские эшелоны...

Братья, остановитесь! Опомнитесь!

За что и во имя чего вы, прекрасно вооруженные, снабженные, здоровые, способные к бою, не хотите помочь своей старшей сестре — России, находящейся ныне в тяжелом положении.

Я обращаюсь к вам, как к братьям: остановитесь, помогите в последней борьбе за Россию; станьте с открытой грудью против врагов человечества, беспощадно добивающих в оставляемых, благодаря вам, эшелонах больных и раненых воинов, детей и женщин.

Во имя братства славян, во имя человечества и долга сильных перед слабыми я требую от вас исполнения вами долга сильных и прекрасно вооруженных здоровых людей. Остановите потоки безвинно и беззащитно льющейся крови.

Я требую немедленно и беспрепятственно пропуска вами до Иркутска поездов с высшим русским командованием, ранеными воинами, семьями бойцов и ценностями, составляющими последнее народное достояние государства Российского.

В случае неисполнения вами этого требования, я, с болью в сердце, пойду и всей имеющейся в моем распоряжении вооруженной силой заставлю вас исполнить ваш долг перед человечеством и замученной сестрой—Россией. Атаман Семенов».

Но Сыровой вместо помощи, требуемой от него забайкальским атаманом, отвечает ему: «Попробуйте».

И положение сибирских атаманов делается совершенно безнадежным. А 24 декабря восстают рабочие и войсковые части в

г. Иркутске, и само всероссийское иркутское народоправческое правительство перебирается из г. Иркутска в поезд к генералу Жанену...

Начинают трусливо разбегаться по иностранным эшелонам от Колчака даже верные чины его штаба. Генералы: Иностранцев, Антонович, Рябиков, полковники: Гловацкий, Слижиков и др. — оставляют своего верховного главнокомандующего, несмотря на категорическое воспрещение и телеграммы о их задержании.

В Иркутске ему остаются верны только два юнкерских училища, кадетский корпус и егерский батальон, которые, под руководством генерала Сычева, долго выдерживают натиск на них со стороны восставших частей. Но и они в ночь на 4 января оставляют столицу сибирского народоправчества, несмотря на помощь им трех семеновских броневых поездов, под командованием нового командующего иркутским военным округом генерала Скипетрова.

Они успевают только захватить часть награбленного имущества да тридцать одного «заложника» из арестованных накануне местных общественных деятелей.

Совершенно растерявшемуся, потерявшему надежду и веру как в иностранных друзей, так и в своих ближайших помощников, верховному правителю и главнокомандующему адмиралу Колчаку ничего больше не остается, как «отречься от власти», что он, нервно и решительно, и делает.

Но он остается верным самому себе и своим принципам и даже несуществующую власть «передает в пользу генерала Деникина», уже тоже несуществующего.

На другой день, т.-е. 5 января, примеру своего правителя следуют и остатки его совета министров, которые в иностранном вагоне «отрекаются от власти» в пользу образовавшегося в Иркутске революционного политического центра.

Сибирское всероссийское правительство перестает существовать.

С этого дня с терроризованного населения Сибири снимается даже его официальная народоправческая вывеска...

XIII

Иностранные генералы, растерявшиеся перед революционным энтузиазмом рабоче-крестьянской Сибири, предпринимая всяческие меры, лишь бы спасти хоть самого Колчака.

По распоряжению из Парижа, генералы Жанен и Сыровой назначают для поезда адмирала Колчака «надежную охрану чехословаков», которой предписывается «ни в коем случае не выдавать адмирала местным советским властям», и его со свитой и остатками штаба усиленно двигают вперед.

Но 9 января становится известным, что все заложники, взятые Сычевым и переданные семеновцам, несмотря на требования иностранного командования об их освобождении, по распоряжению атамана Семенова, 5-го числа утоплены в Байкале.

Убийство этих заложников настолько было по самолюбию иностранных генералов и дипломатов и настолько было жестоко по своему зверству, что даже чехо-словацкое командование, в своей газете «Чехо-словацкий Дневник» от 10 января, возмущенно заявляет:

«Расследованием союзной следственной комиссией устанавливаются все отвратительные, по своему зверству, подробности инквизиции, произведенной с беспримерной бесчеловечностью и жестокостью на озере Байкал.

Нарисованная союзным следствием картина должна вызвать в каждом чувство отвращения и протеста против варварской мести над политическими противниками, так как оно противоречит всем человеческим понятиям и является насмешкой над международным правом в отношении политических заложников.

Это следствие говорит: 5 января пароход «Ангара» привез на станцию Байкал 30 мужчин и 1 женщину, связанных веревками, в сопровождении 30 офицеров и около 35 солдат. Все арестованные были помещены на ночь в буфете III класса.

Рано утром 6-го заложники вновь были переведены на «Ангару» и увезены в направлении села Лиственничное... Нашлось несколько палачей — один из них контр-разведчик Грант, известный по своей деятельности в Омске и Екатеринбургe, который при помощи семеновских солдат и офицеров приступил к «ликвидации» арестованных, согласно методам атамана Семенова и Калмыкова. Несчастных били и убивали нагайками, ломami и палками. Выводили по одному из трюма на палубу и сбрасывали в Байкал...

К вечеру того же дня, в 5 часов, «Ангара» возвратилась на ст. Байкал...

Следственной комиссией из представителей союзных держав установлено, что зверское убийство на Байкале произведено по распоряжению начальника читинской контр-разведки Черепанова, а главными исполнителями этого распоряжения являются: зауряд-капитан Грант, войсковой старшина Сыпаев, штабс-капитан Гадлевский, полковник Сипайло, казак Михаил Карапетов, агент контр-разведки Гокосов, солдат Гладышев, полковник Понтович и агент контр-разведки Молчанов.

В числе убитых были: бывший товарищ министра внутренних дел енисейского временного правительства Михайлов, член Учредительного Собрания Борис Марков, штабс-капитан Петров, Вера Ермолаева и др.».

Этот садический разгул агентов забайкальского атамана пред- решил судьбу адмирала Колчака.

После этого Сырового заявляет Жанену, что чехо-словацкое командование «не может и не в состоянии в дальнейшем охранять Колчака: настойчиво требуют его выдачи не только русские власти, но и наши войсковые части...».

И с молчаливого вынужденного согласия французского генерала, личного друга Колчака и неумолимого агента заграничных капиталистов, — 15 января прибывший на станцию Иркутск поезд бывшего верховного правителя, по распоряжению чехо-словацкого командования и дипломатического представительства, в лице Сырового, Гирса, Павлу и Благожа, был передан иркутским революционным властям. И Колчак, Пепеляев и другие «корифеи омского всероссийского народоправства» в тот же день из поезда были переведены в иркутскую областную тюрьму.

Участь их была уже предрешена не только всею кошмарною кровавою бывшею деятельностью омского народоправства, но и

перед этим совершенным на о. Байкал новым бесчеловечным семеновским зверством.

7 февраля адмирал Колчак и Пенелаяев, ввиду попыток их освобождения отступающими отрядами Каппеля, постановлением иркутского революционного трибунала были присуждены к смерти и расстреляны.

18 января иркутский политический центр передал власть образовавшемуся советскому революционному комитету. И вся Восточная и Западная Сибирь вновь стала нераздельной частью единой великой Советской России, хотя регулярная Красная армия была еще за тысячи верст от Иркутска.

Повсеместно восставшая для борьбы с «всероссийским» народопривлечением рабоче-крестьянская Сибирь поглотила собою и почти всю многотысячную армию иностранных и атамановских штыков.

Только чехо-словацкие войска, бывшие восточнее ст. Тайга, по соглашению с советским командованием, могли выбраться на Дальний Восток, да незначительным кучкам смешанных войсковых частей генерала Войцеховского удалось пробить себе дорогу в Читу, бдительно охраняемую японскими штыками. Умер, провалившись в реку, даже сам главнокомандующий ген. Каппель; был убит своими же солдатами во время бегства ген. Волков.

Спешат до прихода советских войск покинуть Иркутск и верные агенты союзного капитала.

Многие из них еще недоумевают, они поражены, ошарашены: ведь совсем недавно колчаковский штаб доказывал им, что «всероссийское правительство имеет мощную армию и пользуется повсеместным признанием широких народных масс»; это было только два месяца тому назад, на омском консульском совещании 30 октября.

Но многие из них, бессильные помочь Колчаку, всячески стараются захватить с собой «по пути» его министров, командующих и главноуправляющих.

Всесильные еще так недавно, омские министры, в своем паническом страхе перед возможным возмездием, теперь не брезгают даже ролью истопников в «союзных вагонах».

Им не мешают... Перед Советской властью, во всей своей ужасающей реальности, стоял более важный и ответственный вопрос: как избавиться от наследия сибирского народопривлечения — тифа, голода, замерзания людей целыми эшелонами; а также, как восстановить совершенно прекратившееся железнодорожное сообщение Сибири.

XIV.

Для заграничных капиталистических правительств августовский разгром омских армий был еще более неожиданным. Только перед этим, японское правительство, через своего парижского посла Чинда; уверяло Ллойд-Джорджа и Клемансо, что «авторитет пра-

вительства Колчака среди населения растет не по дням, а по часам», и предлагало приступить к его «официальному признанию».

Тогда же приехавший из Сибири член английского парламента полковник Воорд «фактами и цифрами» усиленно доказывал «популярность омского правительства в народных массах» и, именем английских рабочих, требовал его международного признания.

И омское правительство было «накануне признания»; только Америка упорствовала, настаивая на созыве правительством Колчака теперь же Учредительного Собрания.

И вдруг... Могущество армий омского правительства не только оказалось пухом, но и сами министры панически стремительно убегают из своей столицы.

Заграница была поражена, обескуражена... Она не верит уже и самому Бурцеву, который в своем «Общем Деле», от 16 ноября, старается объяснить, что «оставление Омска есть большевистская выдумка».

И хотя тот же Бурцев изо всех сил старается доказать парижскому правительству, что «на Шипке все спокойно» и только на денкинском фронте «происходили незначительные волнения, связанные с еврейскими погромами», — ему уже не верят даже его всегдашние последователи.

Но падение архангельского фронта, разгром денкинского и омского становятся очевидным, неоспоримым фактом. И даже больше. В Париже делается известным, что и в среде самих омских атаманов далеко не все благополучно. Сам главнокомандующий противосоветским фронтом генерал-лейтенант Гайда устраивает восстание против омского правительства и переносится им в «изменника» и в «бывшего военнопленного немца».

И союзники начинают «совещаться по русскому вопросу»...

В это время английские рабочие начинают проявлять себя в своем сочувствии рабоче-крестьянской России более активно и решительно. Они не только требуют от правительства прекратить помощь антибольшевикам, но и настаивают на возобновлении с Советской Россией дипломатических и экономических сношений. «Рабочий» депутат — полковник Воорд на рабочих собраниях встречается свистом и криками: «Долой предателя!».

На рабочем митинге 27 ноября Ллойд-Джордж заявляет, что «союзники решили пересмотреть русский вопрос» и что представителю английского правительства по вопросу об обмене военнопленными О'Греди в Копенгагене, в своих переговорах с советским делегатом Литвиновым «поручено выяснить возможности частичных сношений с гуманными целями».

Но практически заграница все же еще решает «выждать дальнейших событий».

Тем более, что Бурцев в «Общем Деле», от 7 декабря, советует союзникам «не торопиться делать преступные исторические ошибки» и многозначительно указывает, что как в Сибири, так

и на юге организуются новые антибольшевистские силы, в которых принимают «интенсивное участие и все русские социалистические партии». В доказательство, он ссылается на «иркутское демократическое правительство» и на «новых сотрудников южного правительства — Мякотина и Петра Струве».

Но «дальнейшие события» еще более разочаровывают иностранных капиталистов.

И 10 декабря на заседании парламента Ллойд-Джордж вынужден подтвердить, что «русский вопрос будет пересмотрен», а на 14-е в Лондон, по его приглашению, съезжаются «ответственные представители пяти великих держав».

16 декабря в Лондоне, на «союзном совещании пяти» выносится решение о прекращении дальнейшей помощи антибольшевистским русским правительством. В этот же день съезд английских трэд-юнионов постановляет всеми способами следить за выполнением правительством своего решения о прекращении поддержки антибольшевикам.

Но все же Америке и Японии «предоставляется в дальнейшем действовать в Сибири в зависимости от своей непосредственной заинтересованности»...

В своей растерянности и панической боязни за сохранность «существующего политического строя» союзные капиталисты даже не решаются определенно формулировать свои дальнейшие поступки: с одной стороны, под давлением рабочих настроений своих стран, они решают не помогать антибольшевикам, с другой — в ужасе от усиления Советской России, они выражают надежду, что «заинтересованные Америка и Япония не допустят большевистских беспорядков в Восточной Сибири».

В тайниках своих открыто невысказываемых надежд капиталисты Лондона и Парижа устремили все свои верования в сторону «незараженной, дисциплинированной, могущественной японской императорской армии»...

Японское правительство спешит оправдать возлагаемые на него надежды парижских собратьев. Но оно уже теперь более определенно заявляет, что, помимо «борьбы с большевизмом и восстановления порядка», Япония имеет свои «особые интересы на Дальнем Востоке».

Японскому послу в Вашингтоне Шидехара поручается довести до сведения американского правительства, что изменившиеся обстоятельства в Сибири в пользу большевиков «настойчиво требуют дальнейших согласованных действий и количественного усиления американских войск на Дальнем Востоке».

Токийское правительство, начиная с 27 декабря, устраивает почти ежедневные заседания, посвященные «сибирскому вопросу».

И вдруг...

Американское правительство, даже не уведомляя японский совет министров, 5 января постановляет отозвать свои войска с территории русского Дальнего Востока и теперь же приказывает генералу Гревсу сконцентрировать все войсковые части во Владиво-

стоке для отправки на родину вслед за чехо-словаками, но не позднее апреля месяца.

Японское правительство окончательно теряется, оно поражено и обижено «таким необдуманным и непредупрежденным решением американского правительства» и еще более настойчиво советует вашингтонским коллегам «отменить свое решение или, по крайней мере, мотивировать его».

Но 10 января американское правительство, в ответ на запрос японского министра иностранных дел, в весьма пространной ноте поясняет:

«Правительство Соединенных Штатов с самым тщательным вниманием отнеслось к сущности сообщения японского правительства, которое было прочтено министру иностранных дел японским послом.

Но правительство Соединенных Штатов признает, что посылка подкреплений достаточной силы для совместного выступления с антибольшевистскими войсками—не соответствует своему назначению... А продолжать принимать участие в охране областей, находившихся под союзной военной охраной, также при настоящих условиях невозможно, по той причине, что соглашение о посылке подкреплений в таком размере, который может потребоваться для поддержания теперешнего положения, могло бы поставить правительство Соединенных Штатов перед обстоятельствами столь неопределенного характера, что это явилось бы неблагоприятным...

Количество подкреплений, необходимых для выполнения такого соглашения, могло бы оказаться настолько велико, что правительство Соединенных Штатов не считало бы себя вправе выполнять его.

Поэтому было подвергнуто обсуждению предложение о полном или частичном отозвании войск.

Следует помнить, что первоначальные цели экспедиции, как они были понимаемы Соединенными Штатами в дополнительном меморандуме, врученном японскому послу в Вашингтоне 17 июля 1918 года, были следующие:

1) помочь чехо-словацким войскам, которые во время отхода вдоль Сибирской магистрали были атакованы большевиками и враждебными военнопленными в Сибири, сгруппировать свои войска и выполнить эвакуацию через Владивосток;

2) укреплять всякие стремления к самоуправлению, в защите которых сами русские пожелали принять общесоюзническую помощь.

В настоящее время, не только чехо-словацкие войска удачно продвигаются на восток, но также достигнуто соглашение между правительствами Англии и Соединенных Штатов относительно их эвакуации из Владивостока.

Таким образом первую цель, для которой американские войска были посланы в Сибирь, можно считать достигнутой. Что же касается второй цели, то на правительство Соединенных Штатов произвели сильное впечатление политическая неустойчивость и серьезная неопределенность внешнего положения в Восточной Сибири, описанные в дополнительном меморандуме, представленном японским послом 8 декабря 1919 года, и оно склонно думать, что дальнейшая военная помощь русским в борьбе за самоуправление в их теперешнем положении может создать еще большие осложнения и дать результаты, совершенно противоположные и препятствующие желаемому оздоровлению, вовлекшие Японию и Соединенные Штаты на беспредельные жертвы.

Таким образом, осуществлению второй цели, для которой американские войска были посланы в Сибирь, вряд ли дальнейшее пребывание их в Сибири могло бы поспособствовать.

Ввиду этого правительство Соединенных Штатов решило немедленно же отдать распоряжение о сконцентрировании американских

войск во Владивостоке с целью тотчас же после отправления первой значительной части чехо-словацких войск, приблизительно 10 февраля 1920 года, их эвакуировать.

Правительством Соединенных Штатов также тщательно обсуждалась возможность продления, после ухода американских войск, помощи американских железнодорожных экспертов в деле операций Сибирской магистрали и Китайско-Восточной железной дороги.

Следует помнить, что, согласно плану наблюдения за этими железными дорогами, предложенному японским послом в Вашингтоне 15 января 1919 года, соглашение должно прекратиться при уходе иностранных военных сил из Сибири. Все иностранные железнодорожные эксперты, назначенные на основании этого соглашения, должны быть также отозваны.

Опыт последних месяцев в деле операций железных дорог—при непрочности гражданской власти и частых вмешательствах со стороны местных военных властей—послужил веской причиной необходимости придерживаться условий означенного договора.

На основании этого будет сделано распоряжение и об отзывании американских железнодорожных экспертов, одновременно с уходом американских войск.

Правительство Соединенных Штатов желает поставить японское правительство в известность, что оно сожалеет о необходимости принять это решение, ибо это решение, вероятно, определяет конец, по крайней мере в настоящее время, совместным усилиям Японии и Соединенных Штатов помочь русскому народу, каковые усилия еще совсем недавно начали давать значительные результаты и, казалось, обещали их в будущем...

После этого и перед токийским правительством встает, во всей своей страшной для капиталистов величине, вопрос о неминуемом «дальнейшем большевистском распространении».

Японское правительство уже с давних пор было убеждено в своем праве требовать от будущего (фактического) всероссийского правительства соответствующих компенсаций за «помощь, оказанную ему японскими штыками», а японские купцы уже успели скупили почти все промышленные предприятия русского Дальнего Востока или влезть «компаньонами» в эти предприятия, а местами даже самую территорию они привыкли уже считать своею колонией.

И теперь наступило неожиданное крушение всех их планов.

Ведь если, по примеру Европы и Америки, отозвать японские войска, — для токийских капиталистов это было равносильно лишиться возможностей получить «долг за помощь», расписаться в безрезультатности миллионных расходов, истраченных на сибирскую экспедицию, лишиться своего влияния на русском Дальнем Востоке и даже, может быть, в северной Манчжурии, Корее и у себя, в Японии.

И не решая окончательно вопроса о своей дальнейшей линии поведения в Восточной Сибири, японское правительство решает «пока что» теперь же усилить свои войска в Забайкалье еще одной дивизией с «целью задержать большевиков в их движении вперед».

А 15 января, когда советские войска, при участии американских и активной помощи чехо-словацких войск, разоружают семеновскую дивизию, занимают забайкальские тоннели и вскоре Верхнеудинск, — японский военный министр Танака отдает срочное распоряжение 13-й дивизии, расположенной в городах Таката

и Матсумото, отправиться на помощь семеновским и японским войскам, находящимся в Забайкалье.

И с первых чисел февраля японские войска устраивают вооруженный барьер советскому движению на Дальний Восток.

Но с этих же пор японцы остаются совершенно одинокими, и соотношение сил резко меняется: чехо-словацкие и американские войска встают, хотя и пассивно, на сторону рабоче-крестьянской Сибири; японские — на сторону остатков колчаковщины, активно выражая им свою помощь.

Начинается новая, не менее лицемерная и жестокая, но уже не столь кошмарная и кровавая страница гражданской войны.

XV

Англо-французские капиталисты вынуждены признать банкротство своих планов «победить революцию в России».

С бессильной злобой, едва сдерживая свою ненависть к Советской России, даже сам вдохновитель и фактический руководитель всех бесчеловечных расстрелов и пыток русского трудового класса, английский военный министр Черчилль вынужден был заявить, что «союзники делали много ошибок по отношению к русскому народу и не всегда знали о его действительном настроении».

А председатель совета министров английского правительства вынуждает себя заявить рабочим, что «правительство решило выяснить возможности торговых сношений с Советской Россией через посредство русских кооперативов».

Но это был только маневр, необходимый для разряжения настроений и категорических требований, и расписка в своем полном бессилии победить Советскую Россию при создавшихся условиях.

В действительности же, в кабинетах парижского и лондонского генеральных штабов, весьма тайно, но еще более задорно и злобно, уже создавались новые проекты разбить революцию в России и тщательно разыскивались «свежие силы», которые можно было бы использовать в этой новой борьбе с русскими Советами.

Капиталистический интернационал чувствовал свое бессилие и банкротство только в настоящем, но он не хотел и не мог отказаться от победы в будущем: это значило бы отказаться от самого себя, признать свое полное поражение...

Поэтому в тот самый момент, когда руководители этого интернационала, Ллойд-Джордж, Клемансо и др., в интервью с корреспондентами либеральных газет и даже на рабочих собраниях распинаялись в своей преданности рабочим интересам и своей гуманности и сочувствии блокируемым русским женщинам, детям, рабочим и крестьянам, — в это самое время верховный главнокомандующий французскими войсками генерал Фош ехал в помещичью Польшу для организации «новых антибольшевистских сил», а английский

военный министр Черчилль формировал «добровольческие отряды» из русских офицеров и военнопленных и входил в «контакт» с японским генеральным штабом, нащупывая «новые способы» разгрома Советов со стороны Сибири.

Иначе и не могло быть.

Агенты капитала могут служить только ему. И всякие уступки и заигрывания с рабочими на действительном языке капиталистов являлись только «тактической необходимостью».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Борьба за Дальний Восток.—Падение власти Хорвата, Розанова и Калмыкова.—Агрессивность Японии и возникновение буфера ДВР.—Новые попытки японского правительства создать противосоветский фронт; выступление 4—5 апреля.—Уход японских войск из Забайкалья; падение власти атамана Семенова.—Созыв учредительного собрания Дальне-Восточной республики и отношение к нему капиталистического мира.—Меркуло-японский переворот 26 мая 1921 г. Окончание гражданской войны на Дальнем Востоке.

I

Иркутские события, завершившиеся окончательной смертью остатков омского народоправчества, повлекли за собой полное разложение и в среде его дальне-восточных последователей и защитников.

Но если, убегая из Омска, сибирские атаманы и купцы еще бряцали оружием и собирались с новых иркутских позиций нанести большевикам «последний и решительный удар», то после ареста Колчака и совпавшего с ним развала денкинского фронта даже самые непримиримые из них окончательно растерялись и опустили руки, сдавая почти без боя и свои дальнейшие позиции.

Вместе с физическим начался и психологический развал в среде насадителей сибирского народоправчества.

Та самая политическая партия, которая еще с корниловских времен была олицетворением военной диктатуры и которая в сибирских осуществлениях диктаторских начал, даже в лучшие для этих начал времена, являлась исключительной сторонницей иностранных штыков и заграничной помощи в войне с Советами, — неожиданно сделалась не только строгим судьей и противником военной диктатуры, но и врагом интервенции. И 20 декабря, на страницах своего органа «Голос Родины», эта партия (ка-де) пишет:

«Читатели ознакомились со взглядом г. Зумото (член японского парламента) на разрешение русской проблемы.

Сущность его сводится к тому, чтобы дать нам, русским, возможность самим уладить свои домашние споры без вмешательства в них наших друзей-союзников и просто зрителей великой исторической драмы.

Мы думаем, что этот совет является наиболее мудрым, если он действительно дан искренно, без затаенных задних мыслей, в чем мы не сомневаемся...

Пусть не смущают японское общественное мнение призывы и вопли обезумевших от страха за свое материальное благополучие людей — этих иркутских, читинских или иных заводо-, домо- и просто-владельцев.

Эти люди ведь не олицетворяют все наше общество, они не представляют мнения даже одного сибирского населения, не говоря уже о всей России. Среди нас, русских, имеются не только люди, трепещущие за свое добро, готовые купить его неприкосновенность ценой всякой жертвы, даже национальной.

Голос национального достоинства, национальной чести и единства Великого Отечества, картины великих народных бедствий, моря братской крови, столь безумно щедро впитанной землей, будят уснувшую совесть народа.

Как солнцу к цветку, мы, русские, тянемся к объединению. Во имя его, мы готовы на всякие жертвы. И горе тем, кто хочет использовать минуту слабости народной, чтобы обобрать спящего богатыря... и т. д.

Когда главнокомандующий японскими войсками в Сибири генерал Оой 25 декабря устроил банкет с целью выявить на нем «мнение русской общественности» по текущему моменту, — при приветствии японским штыкам последовало только от атамана Калмыкова и Розанова, и даже председатель владивостокской ценовой думы, домовладелец Сабардин выразил «надежду, что японское правительство эвакуирует свои войска».

Поэтому, хотя атаман Семенов, своим приказом от 10 января, назначил себя верховным правителем Дальнего Востока и поручил своим помощникам Таскину и генералу Афанасьеву создать законосовещательный орган, а генерал Розанов объявил мобилизацию и самоуверенно заявлял, что борьба с Советами еще мыслима и будет успешна, — им уже не верили даже их постоянные соучастники. И поддержку новый правитель получил только от японских и нескольких русских генералов.

Не признал нового верховного правителя даже генерал Хорват, хотя Семенов объявил Харбин «тылом армии», назначил туда своего начальника гарнизона и приказал генералу Малиновскому приступить к формированию в полосе отчуждения русско-китайских войсковых частей.

И оставшийся без русской поддержки преемник Колчака атаман Семенов вновь, как и в начале своего противосоветского выступления, превращает себя в «революционера и демократа». Он обещает не только созвать Учредительное Собрание, но даже немедленно приступить к раздаче земли крестьянам, если они сложат оружие и присоединятся к его войску для «совместной и окончательной борьбы с большевизмом».

Больше того, по примеру омского командования, атаман Семенов пытается через читинских кооператоров найти связь и договориться с вождями воюющих с ним партизан, Якимовым, Серышевым и Шиловым, Дм., общая им должности командиров корпусов и чины генерал-майоров. Но это ему не удается.

В новой роли вынужден выступить и владивостокский генерал-губернатор Розанов. И если раньше для «примера» он вешал на

базарных площадях даже своих бывших единомышленников, правых социалистов-революционеров (Канский городской голова Степанов и др.), то теперь он делает попытки войти в переговоры с самими большевиками в лице руководителей партизанских отрядов и объявляет амнистию за политические преступления всем «раскаившимся коммунистам».

Но и взятый «демократический» путь не увеличивает авторитета дальне-восточных атаманов. Он не находит себе должного отклика даже среди домовладельцев и собственников, интересы которых новый правитель обещает защищать в особенности.

И только к Розанову спешит из Японии на помощь его давний друг, бывший член директории, генерал Болдырев, имея целью укрепить «демократические начала» атаманов своею бывшей революционной деятельностью и профессорским званием. Но и он вынужден разочароваться в новом «периоде активной борьбы с большевизмом».

Поднятая шумиха в атамановских и японских газетах о создании противосоветского фронта на новых началах, с учетом всех ошибок омского правительства, практически только еще более разлагала среду самих атаманов и их сторонников.

Против интервенции и за соединение с остальной Россией, за прекращение всякой вооруженной борьбы с Советской властью самым решительным образом высказывается даже лидер (председатель восточного отдела) партии ка-де, неумолимый идеолог капитализма, московский профессор Устрялов, который на страницах харбинских «Новостей Жизни» откровенно и не менее авторитетно заявляет, что «все дальнейшие попытки свергнуть оружием Советы — немислимы и даже преступны».

Поэтому атаманам ничего больше не остается, как обеспечить себя «на всякий случай».

И Розанов начинает усиленно распродавать владивостокские грузы, генерал Казачихин и барон Унгерн — манчжурские, Калмыков — хабаровские, атаман Кузнецов — благовещенские и генерал Афанасьев — читинские.

Ликвидируются ценности не только частных лиц и кооперативных организаций, но и грузы колчаковского правительства, направленные в адреса уполномоченных по продовольствию и снабжению.

И несмотря на то, что японцы начинают еще более активно помогать организовать свои силы новому верховному правителю, устраивая свой барьер в западном Забайкалье, — начинают не верить в продолжительность своего дальнейшего бытия даже сами атаманы.

К концу января еще больше усиливается и партизанское движение. Рабоче-крестьянскими отрядами занимается почти вся линия Амурской и Уссурийской железных дорог, и они активной стеной подступают к гор. Благовещенску, Хабаровску и Никольску.

В местных гарнизонах происходят восстания; целые пожки уходят из городов к партизанам.

24 января дружным натиском восставшего гарнизона, при помощи партизанских отрядов, занимает г. Никольск-Уссурийский. Японское командование, видя сочувствие восстанию со стороны чешских и американских солдат, вынуждено держать себя пассивно и только широко открывает двери своих штабов для офицеров и атамановских агентов, убегающих от правосудия.

Образовавшийся в Никольске военно-революционный комитет, при том же соотношении иностранных сил, срочно формирует и посылает свои отряды в сторону Владивостока, Хабаровска и Гродекова.

Во Владивостоке поддержать Розанова отказывается даже инструкторская школа, до этого служившая резервуаром карательных отрядов, и всеильный генерал-губернатор панически бежит со своим личным штабом на пароходе «Якут» в Японию, предварительно захватывая с собой все, что можно.

Владивостокская атамановская власть 31 января разрушается и падает исключительно под ударами восставших частей своего же гарнизона...

Провозглашение земской управы приветствуется специальным письмом чехо-словацкого дипломатического представителя доктора Гирса и командующего американскими войсками генерала Гревса.

По настоянию иностранных консулов во Владивостоке, власть переходит к приморской областной земской управе, хотя, фактически, в силу объективных причин, она принадлежит исключительно объединенному оперативному штабу.

Сочувственное отношение чехов и американцев к перевороту предвещает и дальнейшие события.

3 февраля командующий японскими войсками в Амурской области генерал Сиродзу сообщает, что, «согласно распоряжения высшего командования, японские войска прекращают войну с большевиками, и партизанские отряды могут свободно выйти на линию железной дороги».

В этот же день благовещенский атаман полковник Кузнецов официально объявляет о передаче им власти областной земской управе.

5 февраля в Благовещенск вступают рабоче-крестьянские партизанские отряды, и земство передает власть исполнительному комитету Советов, образовавшемуся еще 9 августа в с. Ильинском, на съезде представителей 28-ми партизанских отрядов Амурской области.

16 февраля революционными войсками, под командованием поручика Булгакова-Бельского, без выстрела занимается Хабаровск, несмотря на противодействие этому местных японских частей, разрушивших несколько железнодорожных мостов. Атаман Калмыков, еще 14 февраля заявлявший, что «на Шипке все спокойно», успевает только протелеграфировать «всем, всем, всем», с обещанием перевешать всех владивостокских, благовещенских и др. «совдепчиков», и трусливо бежит на территорию Китая, захватывая с собой золотой запас (32 пуда) местного казначейства.

Все эти города занимают революционными войсками при исключительном сочувствии этому всего русского населения. Спешат признать революционную власть даже цензовики и домовладельцы.

А орган левых ка-де, «Голос Родины», в № 124 от 18 февраля, совершенно забывая недавние дни, шумно заявляет:

«Одним злодеем, хотя и мелким, меньше...

Хабаровск, гнездо калмыковских убийц, пал, город освобожден от палача, залившего кровью жертв всю северную часть Приморской области.

Герой «уссурийского Тараскона», еще недавно посылавший телеграммы «Повешу всех вас», как и полагается, заблаговременно удрал, куда — пока неизвестно, надо думать — в Манчжурию.

Япония, несомненно, приобретет еще одного «эмигранта», который поселится в стране цветущей вишни и будет рассказывать доверчивым людям, как он, Калмыков, горел любовью к России.

Конец жалкий и бесславный, конец калмыковской эпопеи, лучше всего показывает полную оторванность этого человека от населения края.

Народ нашего края не хотел и не мог погибнуть национально без борьбы и, во имя родины и объединения с Россией, пошел на риск столкновения с иностранцами... и выиграл борьбу.

Истинное национальное чувство, святой огонь жертвы и подвига зажег в сердцах рядовых масс народа пламя веры и действительной любви.

Мы отдалены были от далекой родины двумя искусственными преградами, созданными чуждой нам страной. Эту роль преграды должны были играть два атамана — Семенов и Калмыков. При помощи их в головах некоторых наших соседей зародилась фантастическая мысль повернуть наши симпатии к востоку, оторвав нас от запада.

Народ сказал: «Не бывать этому»... и пошел, не рассчитывая сил, без дороги и расчета, на запад.

Мы идем к родине. Мы идем к Москве, к родным, близким нам, от которых оторвали нас усилия чужих людей и наши ошибки.

Мы хотим разделить с ними их участь, их радости и горести, их надежды и разочарования, их ошибки и увлечения... Наши взоры обращены не на восток, а на запад.

Одно препятствие на этом нашем пути — Калмыков — сметено. Сметем и другое — Семенова, ибо не карточному домику восточной дипломатии остановить стихийное наше движение на запад, на родину.

Пусть не мешают нам делать наше национальное дело соединения с остальной Россией. Пусть не стараются нас запугать.

Опыт полутора лет междоусобной войны показал, какие страшные испытания может вынести народ наш, какие нестойкие моральные силы заложены в его душе.

Дело национального объединения будет закончено, несмотря на все препятствия и преграды.

Это поняли чехи, после двух лет кровопролития, поняли англичане и французы, поймут, надо думать, и другие...

Чем скорее, тем это будет лучше для них!..

II

Свержение дальне-восточных атаманов происходит исключительно под флагом соединения с Советской Россией и отрицания в дальнейшем гражданской войны.

Это обстоятельство, а также и бескровность происшедшего переворота, при начавшихся разоблачениях кровавых деяний атама-

пов вызывает чувство отвращения и безгласности к ним даже в среде их недавних единомышленников.

Офицеры Эпов, Никитин, Алексеев и др. выступают с раскрытием бесчеловечных и исключительно зверских и кошмарных деяний атамана Калмыкова, барона Унгерна, генерала Смирнова, Курдюкова, Маковкина, Розанова, полковника Враштеля, Ивецкого и других «корифеев народоправства».

И даже прокурор приамурского военно-окружного суда генерал-лейтенант Старковский называет атаманов садистами и тяжчайшими уголовными преступниками, иллюстрируя свои заключения целыми томами их кошмарных уголовных дел.

«Долой интервенцию! Да здравствует единая, великая Россия!» — произносится даже недавними сотрудниками атаманов и участниками их карательных экспедиций. Настолько глубоко были задеты человеческие инстинкты даже в совершенно очерствевших сердцах.

Японские генералы во Владивостоке таким единодушием русского народа окончательно были сбиты с толку и на страницах своей газеты «Владиво-Ниппо», 27 февраля, обиженным и оскорбленным тоном пишут:

«Со времени прибытия прошлым летом наших императорских войск на сибирский фронт они жертвовали своей жизнью на благо России. Но вот, мало-помалу, за последнее время, власть перешла в руки социалистов; охваченные наступившим затишьем, непрестительно забывшись, подобно тому, как забывают бога, когда минует опасность, население назойливо твердит об эвакуации наших войск...

А в каком положении находилась эта эгоистическая масса два года тому назад, когда наше императорское войско самопожертвованно восстанавливало жизнь русского народа, теперь несносно твердящего об эвакуации!

Добрые россияне, оглянитесь назад, вспомните то время, когда не было нашего войска, что было тогда... Ваши жены и дети страдали, родители умирали, мучимые порождением дьявола — большевиками.

В императорских войсках концентрируется любовь к престолу и родине. Не обращая никакого внимания ни на дождь, ни на снег, не высказывая ни малейшего недовольствия, они круглые сутки старательно несли службу на пользу России.

В результате — черная неблагодарность, — ее кистью невозможно выразить...» и т. д.

Но не увеличивает число поклонников японских генералов и их обращение к «добрым россиянам». 19 февраля они вынуждены заявить, что японские войска приступают к эвакуации Амурской области, и начинают фактически осуществлять таковую, усиливая свои войска в Забайкалье и Владивостокском районе.

Весьма сильно отражаются революционные события в Приморской и Амурской областях и на соседних иностранных территориях, не менее изнывающих под гегемонией иностранного штыка и капитала.

3 февраля в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги открывает свои действия объединенная конференция общественных политических и профессиональных организаций, по настоянию которой главноначальствующий в полосе отчуждения

генерал Хорват вынужден был освободить всех политических заключенных, содержащихся в харбинской и других тюрьмах. Эта конференция в своих протестах против японской интервенции сочувственно поддерживается китайской администрацией, а в особенности — интеллигенцией.

4 февраля публикует свой манифест союз национальных организаций Китая, выражающий свою солидарность с русским противно-иностранном движением, протестующий против усиления японцев на территории Китая и требующий от своего правительства пересмотра всех соглашений с японским правительством.

В тот же день временное корейское правительство, из своего нелегального шанхайского бытия, выступает со следующим воззванием ко всему корейскому населению:

«Братья! За последнее время японское правительство всячески стремится захватить Приморский край и укрепиться на территории русского Дальнего Востока; для этого оно еще более усиленно перебрасывает свои войска через Дайрен, нежели было до этих пор.

Вы понимаете, братья, что если это будет так, если Япония укрепится в этих русских районах, то и нам от этого будет еще более нехорошо и уже никакой речи тогда не может быть о независимом государственном существовании нашего народа.

Памятуя это твердо, мы должны всеми силами оттягивать и беспокоить ее всюду, где только представится возможным. Сплотитесь, братья, и будьте патриотами своей страны и родины, так как если мы не окажемся таковыми, то твердо знайте, что тогда мы останемся рабами навсегда...» и т. д.

Нисколько не меньше отозвалось революционное движение в дальне-восточных областях и на психологии общественности в самой Японии.

Возвратившиеся в Токио бывший японский посол при Колчаке барон Като и бывший директор японского осведомительного бюро в Омске, член японского парламента, Зумото высказались за отзыв японских войск из Сибири и пересмотр всей японской политики, связанной с этой эвакуацией.

Оппозиционная правительству партия «Сейюкай» после этого начала обвинять совет министров в бездарности и не дальновидности по сибирскому вопросу и также настаивала на отзывании всех японских войск из Сибири. Агитация этой партии за отзыв войск из Сибири встретила широкий отклик среди японского народа, который уже практически, по вздорожанию продуктов первой необходимости, повышению налогов на рис и все увеличивающейся безработице на фабриках, чувствовал результаты пребывания японских войск на русской территории.

Кроме этого, эта волна требований отзыва войск из Сибири столкнулась и вскоре слилась с другой, не менее сильной волной — с требованием всеобщего избирательного права.

И правительство Хара, руководимое военной партией, во главе с генералом Уехара, почувствовало колебание почвы под собою.

Из Владивостока был срочно вызван начальник штаба главнокомандующего генерал Такаянаги, который должен был доказать немыслимость отъезда японских войск из Сибири при настоящих условиях, когда большевики угрожают всему Дальнему Востоку и даже Северной Манчжурии и Корее.

Но, несмотря на то, что Такаянаги от имени военной партии выставил «весьма убедительные» мотивы за оставление японских войск в Сибири и подчеркнул, что их пребывание может соответствующим образом изменить настроения русского населения и даже сделать «дружественными Японии некоторые области Дальнего Востока», большинство членов японского парламента придерживалось на этот счет иного взгляда.

И японским генералам пришлось взяться за новые аргументы—нагайку; 28 февраля, перед принятием формулы по сибирскому вопросу, японский парламента был распущен, а митинги и собрания не менее усердно разгонялись полицией даже за одну попытку поставить на обсуждение этот вопрос. При чем начальник генерального штаба Уехара заявил, что вопрос о японских войсках является «военной тайной и никакому обсуждению в печати и собраниях не подлежит».

После этого японский генеральный штаб не только берет под свое особое покровительство атамана Семенова с его застенками и карательными отрядами, не только посылает в Читу своих военно-дипломатических представителей и советников,—но и начинает усиленно обрабатывать общественное мнение областей Дальнего Востока в направлении токийского решения и подготавливать «соответствующую почву».

В Токио, на средства японского штаба, начинает издаваться газета на русском языке, редактируемая Гутманом-Ганом, под названием «Голос России», цель которой—провоцировать Советскую власть и писать небывлицы о восстаниях и зверствах, повсеместно происходящих в Советской России.

В Харбине эту же работу начинает выполнять атамано-японская газета «Свет», во Владивостоке—«Владиво-Ниппо» и т. д.

Но всячески препятствуя объединению Дальнего Востока и соединению его с остальной Россией, впредь до «накопления новых сил», японские генералы официально входят в сношения даже с революционными комитетами и откровенно выражают свои симпатии владивостокскому правительству—приморской областной земской управе.

Препятствуя на деле организации однообразного аппарата власти, устраивая всевозможные преграды к увеличению русской мощи, захватывая даже винтовки и снаряжение,—на словах японский генерал Оой, от имени своего правительства и командования, расписывается в дружбе к русскому народу и подчеркивает свои особые симпатии к «новой народной власти».

Такова в конкретных проявлениях была японская политика на Дальнем Востоке до выступления японских войск в Приморской области.

Она нисколько не расходилась с аналогичными словами и действиями англо-французских капиталистов на Западе. И цель этого шаблонного практического официального лицемерия как на Западе, так и на Востоке была больше, чем ясна...

III

Единодушие и исключительное единение всего русского народа в целом, сопутствовавшие перевороту в дальне-восточных областях, выражаются не только в многочисленных резолюциях признания и доверия революционной власти, но и в практической повседневной и ответственной работе.

Недавние непримиримые враги, находившиеся до этого в противоположных враждебных лагерях, не только становятся солидарными, но и считают вполне возможной и мыслимой совместную работу.

В военном совете владивостокского правительства, вместе с недавними командующими партизанскими отрядами офицерами-коммунистами Лазо, Луцким, Мельниковым, Сибирцевым и др., имеющими доминирующее влияние, работают бывший член сибирского комиссариата по свержению Советской власти в Сибири Линберг, член директории и главнокомандующий генерал Болдырев, помощник командующего омским военным округом (при Колчаке) генерал Караульщикова и др.

Командующим сухопутными и морскими силами Приморской области назначается военный министр сибирского правительства полковник Краковецкий, его помощником по политической части — бывший инспектор Красной армии Парфенов, начальником штаба командующего — бывший кандидат в верховные правители генерал Доманевский, начальником осведомительного отдела — бывший военный комиссар сибирского правительства поручик Галкин и т. д.

То же единение в работе происходит и в других районах: в Никольском коммунист Кокушкин вместе с эс-эром поручиком Андреевым, когда-то активно свергавшим Советскую власть, возглавляют военное командование; в Хабаровском — коммунист Стоянович, неоднократно истязаемый атаманами, является ближайшим сотрудником бывшего начальника офицерского добровольческого отряда поручика Булгакова-Бельского, теперь командующего революционными войсками.

И даже в самом владивостокском правительстве, наряду с бывшими министрами и сотрудниками сибирского правительства — Колобовым, Бурягиным, Пумпянским, Медведевым, Русановым, Гребенчиковым, Круликовым, Никоновым и др., работают только что освобожденные из тюрьмы коммунисты Никифоров, Кушнарев, Уткин и др.

В Благовещенске — эс-эры, меньшевики и коммунисты даже издают одну общую газету.

Настолько стремлением к прекращению гражданской войны и объединению с остальной Россией были захвачены и поглощены все

принципиальные и тактические противники до левых ка-де включительно.

Эта общность, практическое и внешнее единение были в особенности подчеркнуты в годовщину февральской революции, когда на улицы приморских и амурских городов вышло более миллиона организованного народа и когда во Владивостоке перед представителями иностранных держав было выпущено выявлено общее единодушное желание русского народа: «Долой интервентов!»...

— На местах за это время шла усиленная советская организационная работа. Приморская областная земская управа в качестве областного правительства всеми признавалась только «в силу внешних причин», но фактически она не была правительством и не могла им быть: ибо даже психологически рабоче-крестьянское население, состоявшее в открытой и жестокой войне с сибирским народоуправством, не хотело и не могло видеть свою власть под земской вывеской.

Но так как с самого начала переворота ни от одной из иностранных держав не было выражено протеста против фактического осуществления формы Советской власти в дальне-восточных областях, а японское правительство, в некоторых местах, даже входило в контакт с ревкомом, и его противоположную работу в Забайкалье многие склонны были считать «безответственными, сепаратистскими действиями местных начальников», — то 8 марта дальне-восточный областной комитет коммунистической партии вошел с предложением к временному правительству — земской управе — о необходимости повсеместного осуществления Советской власти, и земской управой был назначен на 1 апреля 1920 г. в Никольск-Уссурийском областной съезд трудящихся, долженствующий избрать краевой исполнительный комитет Советов.

Необходимость и возможность введения в Приморском крае Советской власти вскоре же были поддержаны всеми политическими партиями до левых ка-де включительно.

Японское командование по этому поводу хранило сугубое молчание, хотя неофициально генерал Оой и полковник Изоме высказывались за «невмешательство в русские внутренние дела и за мысльность для них совместной работы по унорядочению края с Советской властью».

Все это только способствовало общей работе в направлении официального провозглашения и в центре и на местах власти Советов Депутатов.

По с этого момента начинается еще более беззастенчивый поход японских газет на русском языке против Советской России.

«Владиво-Ниппо» сообщает, что благовещенские большевики уже теперь «разорили весь зажиточный класс и перевешали всех офицеров и почти всю русскую интеллигенцию».

Харбинский «Совет» крупным шрифтом оттеняет «массовые» убийства во Владивостоке, Никольске, Хабаровске и др. местах партизанами русских офицеров и буржуазии» и устами Сатовского-Ржевского и генерала Андогского ежедневно доказывает возмож-

ность вооруженной борьбы с большевиками при помощи японских войск. «Следует только русским людям этого захотеть»,—говорят эти господа.

Токийское «Дело России» не менее откровенно и авторитетно сообщает о повсеместных восстаниях в Советской России и о неминуемом падении «совдепщины» при малейшем же «нажмем на нее со стороны Дальнего Востока».

Читинская «Забайкальская Новь» уже с 10 марта начинает усиленно распространять следующее «воззвание народных представителей России», которое даже не требует пояснений:

«Мы, представители крестьян всей России, собравшиеся на с'езде в числе 392 депутатов, постановили:

1) Мы знаем, что в России вся разруха идет исключительно оттого, что власть находится не в русских руках, и большевики вводят нам коммуны, а крестьяне никогда не будут коммунистами; кадеты—представители помещиков и капиталистов, социалисты-революционеры—представители спекулянтов, а про остальных и говорить не приходится.

2) Мы считаем, что хотя большевики и пазывают свою власть рабочей и крестьянской, но мы знаем, что там нет ни одного крестьянина, почему она и не может называться так, для обмана темного народа.

3) Мы считаем, что власть должна быть только крестьянская, и только она может успокоить Россию, а потому избираем всероссийское крестьянское правительство, которому и приказываем приступить к немедленной работе.

4) В состав всероссийского крестьянского правительства должны входить только крестьяне и никто больше.

5) Под именем крестьян считаем всех крестьян, казаков, бурят, татар, башкир и других, занимающихся сельским хозяйством, и их детей и внуков.

6) Всем офицерам и солдатам приказываем служить только всероссийскому крестьянскому правительству.

7) Всероссийскому крестьянскому правительству немедленно войти в связь со всеми борющимися против большевиков правительствами и подчинить их всероссийскому крестьянскому правительству для беспощадной борьбы с коммунистами.

8) Атаману Семенова, как сына казака, просить не только подчиниться всероссийскому крестьянскому правительству, но и предложить ему звание русского крестьянского диктатора, как защитника единой России и крестьянства.

9) Если атаман Семенов примет звание всероссийского крестьянского диктатора, то всероссийское правительство подчиняется ему и работает по его указанию впредь до созыва им Всероссийского Учредительного Собрания.

10) Атаман Семенов может теперь же, не ожидая прибытия к нему членов всероссийского крестьянского правительства, составить временное всероссийское правительство, при условии, чтобы они были крестьяне или внуки и дети крестьян.

Председатель всероссийского крестьянского с'езда Георгий Муромцев. Секретарь с'езда Илья Корюлев.
Нижний-Новгород».

Все это создавало весьма нервную обстановку. А наличие все увеличивающегося количества японских штыков в Забайкалье, их активная поддержка атамана Семенова и попытка 18 марта занять

Кипарисовский тоннель (вблизи Никольска) начинали все больше и больше волновать русское население Дальнего Востока.

Положение затруднялось тем, что официально никто не мог сказать, чего же, наконец, хочет японское правительство...

После 20 марта становится известным, что в Николаевске н/А. русские войска, руководимые Тряпицыным, ввиду неожиданных активных попыток японского командования обезоружить русских, после долгого и упорного боя разбили и пленили все местные японские войсковые части.

24 марта из Хабаровска в штаб отдельной дальне-восточной Красной армии была передана следующая телеграмма:

«Штаб Красной армии николаевского округа, оповещающая всех товарищей о кровавых событиях, которые имели место при выступлении японцев в г. Николаевске н/Амуре, дает ниже подробную сводку событий, а также обстоятельств, предшествовавших этим событиям, из которых ясна с очевидностью вся вероломность и преступность предательского нападения японцев на советскую Красную армию.

После заключения с ними мира, с начала осады г. Николаевска Красной армией, после взятия крепости Чнырах, что произошло в первых числах февраля, японцы принимали участие в боях против красных войск и даже были главными участниками их и руководили белыми частями, которые находились в полном их подчинении. Осада длилась почти целый месяц, и в течение ее штаб Красной армии трижды обращался к белогвардейско-японским войскам с мирным предложением; штаб указывал им на то, что Красная армия, имея полную возможность взять город в течение двух дней, так как в ее руках находится крепость Чнырах с дальнобойными крепостными орудиями,—не хочет подвергать город бомбардировке и разрушению, а мирных жителей—опасности, и предлагал сдать его без боя.

Первое наше мирное предложение было оставлено японцами без ответа, а посланный парламентар т. Сорокин — убит; вторичное предложение было послано японцам в Николаевск с тремя парламентарями, двумя китайцами и одним русским, т. Орловым, японцы, вместо ответа, убили т. Орлова, подвергнув его зверским пыткам, что было установлено международной следственной комиссией по занятии нами города, которая нашла труп Орлова и обнаружила на нем следы ужасных пыток. Третье предложение было сделано нами после того, когда японцы передали нам декларацию командующего войсками Хабаровского района генерала Сирамидзу, содержащую в себе заявление о намерениях японцев сохранить в дальнейшем нейтралитет. Предложение нами послано было вместе с просьбой разъяснить некоторые пункты в декларации, противоречащие один другому и несовместимые с понятием нейтралитета. Мы сделали заявление, что, в случае их упорства, вынуждены будем бомбардировать город. Ответа опять не последовало, и только тогда, когда мы начали бомбардировку, которая продолжалась один день, японцы прислали парламентаря, русского старика-крестьянина, взяли его они насильно, заявив, что тебе все равно умирать, очевидно, полагая, что мы так же, как они, будем зверски убивать парламентарей.

Письменного предложения от японцев не было, и только на словах посланный передал, что они желают начать с нами мирные переговоры. Штаб вручил посланному свой ответ с выражением согласия начать мирные переговоры и немедленно прекратить боевые действия, предложив японцам прислать представителей.

Японцы прислали представителей, и переговоры начались 24 февраля. Японцам было предложено, на основании декларации Сирамидзу, прекратить военные действия против Красной армии в Сибири и заключить с нами мир. Условия заключения мира содержали в себе предло-

жение разоружить белогвардейский отряд гор. Николаевска, едать все караулы нашим войскам, а японцам—заяить указанные помещения.

Условия японцами были приняты и подписаны совместно с представителями белого командования и городского самоуправления.

Город занят нами был 28 февраля. Приняв во внимание полученное нами сообщение о том, что между советскими войсками и японскими установились дружеские отношения, мы предоставили японцам право нести караулы в расположении их войск и учреждений, согласно их ходатайства, и тем самым освободили их от выполнения последнего пункта договора.

Японцы свободно ходили по городу вооруженными, отношения были, казалось, самыми хорошими, все просьбы о предоставлении им каких-либо льгот по доставке продуктов и пр. нами немедленно исполнялись. Японцы держались также очень любезно и заверяли нас в своей дружбе; их офицеры часто бывали у нас в штабе и, помимо деловых разговоров, вели дружеские беседы и заявляли о своих симпатиях к Советской России; некоторые из них называли себя большевиками и постоянно носили красные банты. Они обещали помогать Красной армии оружием и всем, чем они могут, но оказалось потом, что это была только маска, которая надевалась только для того, чтобы скрыть готовящееся предательство.

Наружно все шло хорошо. Прошло две недели со дня занятия нами города, и казалось, что установились прочный мир и спокойствие. Жизнь вошла в нормальную колею; создан был временный исполнительный комитет, избран городской Совет. На 12 марта было назначено открытие областного с'езда Советов, после открытия которого должны были состояться торжественные похороны жертв белого террора, в том числе — т.т. Орлова, Сорокина и др. Все советские учреждения, и мирное население и Красная армия готовились к этим торжествам; после кипучей дневной работы все уснуло, воинские части спокойно отдыхали в отведенных им казармах, имея приказ явиться утром в указанные места для участия в похоронной процессии.

Японцы попрежнему занимали посты не только у своего штаба, но почти у всех домов, где жили японцы. Сменяющиеся караулы и японские патрули свободно ходили по городу, и наши часовые их не останавливали. Казалось, что заключенный с японцами мирный договор соблюдается так же свято, как и нами, но японцы готовили нам предательский удар в спину.

После заключенного нами мира и неоднократных заявлений в дружественных чувствах японцы коварно и вероломно напали на Красную армию. В 3 ч. ночи внезапно появились японские значительные отряды перед домом штаба Красной армии и перед общественным собранием, где помещался один из полков, перед домом, где стояла артиллерия, возле расположения отряда лыжников на соборной площади, а также возле всех советских учреждений и полковых штабов. Главные свои силы японцы сосредоточили возле штаба.

Нападение было совершенно неожиданно; часовые были убиты, здание штаба оказалось охваченным тройной цепью, и по нем японцы открыли ураганный пулеметный и оружейный огонь; начали бросать зажигательные бомбы, от которых здание штаба загорелось со всех сторон, находившиеся члены штаба спаслись из пылающего дома под большим обстрелом только каким-то чудом. Одновременно были обстреляны и подожжены другие здания с расположением частей. Дьявольский план японцев был ясен, — предполагалось одним неожиданным ударом уничтожить весь командный состав, а с растерявшейся и терроризованной красноармейской массой потом легко было бы справиться. В первый момент казалось, что этот план удался, но японцы не учли того высокого подема духа и отваги, которые царят в рабоче-крестьянской Красной армии. При первых звуках выстрелов отовсюду стали сбегаться партизаны, на ходу одевались и не спрашивали, сколько врагов, а только — где они. Каждый перекресток превратился в окоп, где

засело по несколько партизан, которые, без связи, без общего командования, в одиночку, по собственному почину, начали перебежки и наступление на врага.

Мало-по-малу разрозненные группы связывались между собой в целые районы и объединялись под одним командованием, и к полудню японцы увидели, что их план не удался: они начали сдавать пункт за пунктом, пробовали делать концентрированные удары, но встречали всюду отпор.

Каждая улица занималась нами с боя, который носил крайне ожесточенный характер.

Главные силы японцев концентрировались в их консульстве, казармах и гарнизонном собрании; кроме того, во всех домах, занимаемых японцами, укрепились их отдельные группы; все гражданское японское население приняло участие в нападении с оружием в руках. Очевидно, сознавая всю гнусность своего предательского выступления и не ожидая себе за это пощады, японцы сопротивлялись упорно два дня,—и 12-го и 13-го длился отчаянный бой, и взяты один за другим все важнейшие укрепления японцев. 14 февраля были уничтожены последние группы японцев, засевшие в частных домах. К вечеру этого дня все было уничтожено, за исключением одного отряда японцев, засевшего в каменной казарме.

В это время был получен из Хабаровска от генерала Ямада приказ на имя начальника японского отряда о немедленном прекращении боевых действий против советских войск и заключении перемирия.

Приказ, переданный по телеграфу на русском и японском языках, был немедленно послан нами японцам с пленным их переводчиком, который принес ответ с выражением согласия о прекращении боевых действий и сдачи оружия. 15 марта в 12 часов дня японцы, находившиеся в казарме, выбросили белый флаг, сдали нам оружие и были приняты нами в числе ста тридцати человек и содержатся, как военнопленные.

Таким образом выступление было ликвидировано. Потери японцев ввиду их упорного сопротивления очень велики (почти все, бывшие с оружием, уничтожены), наши потери — убитых пятьдесят человек и свыше ста раненых. Погибли лучшие и самоотверженные наши товарищи, благодаря стойкости и героизму которых Красная армия была спасена от разгрома.

Штаб Красной армии Николаевского округа оповещает всех о выступлении японцев в городе Николаевске и, выражая свое глубокое возмущение предательством японцев, обращается ко всем русским и иностранным рабочим с предложением протеста против вероломных и предательских действий японского командования на Дальнем Востоке, которое, вопреки декларации генерала Сирамидзу, неожиданно напало на нас, зная, что мы заключенного договора не нарушим и не допускаем возможности нападения. Мы просим все города уведомить нас по получении настоящей информации и сообщить, как реагируют население и сами японцы на этот факт нового кровавого преступления командования японских интервентных войск в Сибири.

Командарм А. Тряпичин. За начштаба Нина Лебедева».

И хотя это вооруженное столкновение произошло исключительно по вине японцев и в силу совершенной оторванности Николаевска от центра и на стороне русских было очень много убитых, в том числе и все почти руководители штаба,—тем не менее японские газеты на русском и японском языках в разных вариациях шумно оттеняли исключительную провинность большевиков и настойчиво требовали, чтобы японское правительство потребовало за «николаевские события соответствующих гарантий и компенсаций».

В Приморской области после николаевских событий положение резко меняется. Японское командование, продолжая оставаться не менее официально любезным, фактически начинает проявлять сильную активность, разрушая и провоцируя организацию русской революционной власти.

Начиная с 25 марта, японские генералы, в порядке строгой постепенности, предъявляют русскому командованию целый ряд неприемлемых требований и оскорбительных ультиматумов:

1) Что японское командование вовсе не намерено в дальнейшем считаться с русскими железнодорожными и телеграфными возможностями, если они противоречат японским интересам.

2) Японцы предъявляют ультимативное требование об улучшении охраны корейских шпионов и русских офицеров, состоящих на службе в японском жандармском управлении.

3) Японцы занимают помещение, освобожденное эвакуировавшимся американским штабом, несмотря на протесты полковника Краковецкого и на несогласие домохозяина.

4) Японскими войсками занимаются форты крепости Владивосток, производятся обстоятельные зарисовки всех русских укреплений.

5) Японцы занимают склады и погреба с боевыми припасами и не разрешают русским войскам пользоваться своими же боевыми припасами.

6) Они избивают и арестовывают русских офицеров, милиционеров, солдат без всяких причин и даже при исполнении ими служебных обязанностей и т. п. и т. п.

Настроение среди русского населения и войска делается еще более нервным.

Но как ни тяжелы и унизительны были требования японских генералов, временное правительство, в лице военного совета и главного штаба, удовлетворило и выполнило их полностью, избегая всячески могущих быть вооруженных конфликтов.

Но для японского правительства уступок временного правительства мало, им нужно что-то большее, хотя официально они по-прежнему хранят полное молчание и делают попытки вновь особым обращением засвидетельствовать свои симпатии русскому народу.

И перед руководящей политической партией встает вновь вопрос, как разрядить создавшуюся кровавую атмосферу и сохранить территорию Дальнего Востока для России. Прибывший к этому времени во Владивосток представитель Советского правительства В. Виленский находит выход этому желанию, официально заявляя, что центральное русское правительство, учитывая особые интересы Японии на Дальнем Востоке, соглашается на организацию государства-буфера из русских областей, по своей экономической и политической структуре отличного от Советской России.

Этот официальный акт советского представителя, подтвержденный нотой Чичерина, сопровождается тем же молчанием со стороны японского правительства, хотя, по настоянию Виленского, и руководителей партии коммунистов, приморская областная земская

управа официальным постановлением распространяет свое влияние на все области Дальнего Востока, а несколько ответственных политических работников едут в Никольск-Уссурийский с целью уговорить с'езд трудящихся отказаться от советовластия в пользу земских самоуправлений, ввиду агрессивных намерений японского правительства.

Правда, указанное решение принимается только в силу категорических настояний советского представителя В. Виленского, так как большинство ответственных работников-коммунистов придерживалось на этот счет прямого, незамаскированного выхода, считая, что настоящая, открытая, крепкая Советская власть, поддерживаемая большинством народа, сможет, в крайнем случае, дать решительный отпор японским противорусским попыткам. Но все же официально и фактически коммунисты выступают против Советов и за земства, стараясь этим удовлетворить японских генералов.

Но этот тактический шаг меньше всего является приемлемым для японцев: он только лишний раз доказывает им исключительную заинтересованность русских в Дальнем Востоке и в прекращении гражданской войны, что было далеко не в интересах японских капиталистов. В отказе коммунистов от советовластия японские генералы увидели только стремление к централизации, и в тот момент, когда краевой с'езд трудящихся в Никольск-Уссурийском, после доклада Виленского, Никифорова, Уткина и др., своим постановлением отказывается от советовластия на Дальнем Востоке и признает приморскую земскую управу в качестве дальне-восточного правительства,—штаб главнокомандующего японскими войсками в Сибири отдает предварительное распоряжение о выступлении и начинает к нему генерально подготавливаться.

До этого японское командование считало своей задачей только подготовку соответствующей почвы для выступления, дискредитируя революционную власть и разрушая доверие к ней населения, а самую работу по свержению намерено было предоставить атаману Семенову и укрывающимся в японских штабах русским силам, но целый ряд непредвиденных обстоятельств вынудил его поторопиться с ликвидацией русской власти и выступить в этой роли самому непосредственно и неприкрыто.

Первым обстоятельством было то, что с получением от Советского правительства ноты с мирным предложением и с приездом во Владивосток его представителя Виленского даже в составе самого японского правительства и среди сторонников «активной политики в Сибири» образовалась весьма сильная группа, намеревавшаяся войти в переговоры с Советским правительством.

Второй побудительной причиной к выступлению было опасение, что усиливающиеся русские войска смогут скоро сделаться реальной силой, имеющей свою базу в Амурской области и Хабаровском районе, куда 7 апреля должен был перенести свою квартиру из Владивостока военный штаб и Совет. Неудачные для японцев инциденты в Никольске на Амуре, у Кипарисовского тоннеля

и в Никольск-Уссурийском наглядно убеждали их в необходимости спешить.

Третьим и самым главным стимулом была для японцев ожидавшаяся на-днях ликвидация «читинского верховного правителя» путем мирных переговоров с командующим каппелевскими частями генералом Войцеховским, который соглашался подчинить себя временному правительству и выступить против атамана Семенова, что должно было вырвать у японцев всякую почву единения их с «русским правительством», которое они намеревались в будущем «только пополнить».

И японский генеральный штаб решил своими неприкрытыми «русским мнением» усилиями форсировать весьма невыгодные для него события.

Кроме этого, он считал, что почва для начала новой гражданской войны в Сибири уже достаточно подготовлена. Газеты: «Дело России», «Свет», «Русский Голос», «Владиво-Ниппо», «Забайкальская Новь» и др., всячески старались доказать, что «на Дальнем Востоке большевиков поддерживают только весьма незначительные кучки спекулянтов и грузчиков», а в Западной Сибири и России Советы-де уже «почти повсеместно низвергнуты». А «Забайкальская Новь» даже выступила со своим готовым «русским национально-демократическим всероссийским советом министров», в котором, на-ряду с атаманом Семеновым, отводилось место и Хорвату, и Гондатти, и Востротину, и Таскину, и Огорокову, и другим недавним «борцам за Учредительное Собрание и народоправство»...

И русский народ Приамурской области, несмотря на всю свою лояльность и нежелание междоусобной гражданской войны, усилиями иностранных штыков и капиталистов вновь был поставлен перед фактом ее возобновления...

IV

Выступление японских войск было назначено весьма пред-усмотрительно вечером в праздничный день, т.-е. в воскресенье, 4 апреля, когда обычно большинство солдат и офицеров поки-дает казармы и уходит на целую ночь в отпуск.

Перед этим японское командование распорядилось выдать своим войскам на два дня запасы консервов и сухарей, при чем были вооружены и местами отправлены в роты даже все вестовые и денщики офицеров.

Во Владивостоке и Никольск-Уссурийском еще накануне были заняты японскими войсками почти все стратегические пункты го-рода. Во Владивостоке были выставлены пулеметы в окнах япон-ской гостиницы «Отель Централь», направленные на штаб войска и земскую управу.

За несколько часов до начала выступления во многих местах (во Владивостоке, Океанской, Шкотово, Раздольном и Хабаровске) разными выходками и оскорбительными действиями японское ко-мандование сделало попытку спровоцировать русские войска, чтобы

для большего удобства и официального оправдания ликвидировать и обезоружить их на «законном основании».

Но русские войсковые части оказались весьма гибкими, дисциплинированными и терпеливыми: зная, что в одном месте японцы убили русского солдата, в другом — избили офицера, в третьем — скрывающиеся в японском штабе русские офицеры открыли провокационную стрельбу и т. д. и т. д., — они сдерживали свои чувства, трезво и разумно учитывали момент и, строго придерживаясь данного распоряжения — «выступления ни коем случае не вызывать», не дали японскому командованию ни малейшего «законного повода» к выступлению.

Выдержало японскую предварительную пытку и русское главное командование, приняв перед самым выступлением японцев предъявленные «шесть пунктов», которые весьма ограничивали русские права на русской же территории, хотя эти пункты, торопливо и без обычной японской любезности, своею ультимативной категоричностью били на нервный эффект и для японских генералов были последней надеждой, что «русские не согласятся и заартачатся».

Вечером 4 апреля началось выступление японских войск, мотивы которого японское командование уже вынуждено было инсценировать своими собственными усилиями. Для русского командования, после принятия им «шести пунктов», это выступление явилось полной неожиданностью, тем более, что еще за полчаса некоторые наши видные представители: Цейтлин, Парфенов, Краковецкий, Попов, К. Суваровский и др., были даже приглашены полковником Изоме на «чашку чая» на другой день, в 12 ч. дня.

И когда японцами во Владивостоке одновременно были заняты ст. Владивосток и ст. Первая Речка, президиум военного совета, считая все это «недоразумением», поручает начальнику политического отдела Парфенову и капитану Суваровскому срочно выяснить в японском штабе, в чем дело.

Но, как и подобает быть, никого из чинов японского штаба, ответственных за происходящие события, не оказалось ни на квартире, ни в штабе... Все попытки разыскать и вызвать их к телефону были тщетны.

А через час уже были заняты: штаб войск, штаб крепости, военный совет и почти все другие правительственные учреждения, при чем земство было занято после долгой бомбардировки, хотя его никто не защищал. Но надо же было показать, что все берется «с боя»...

Ответственные руководители военного совета — Лазо, Луцкий и Мельников — были настолько поражены и озадачены этим неожиданным для них японским выступлением, что только после своего ареста поверили, что это настоящее выступление, а не недоразумение...

Незначительное сопротивление японцам было оказано только во Владивостоке комендантской ротой штаба крепости и командой флотского экипажа; в Никольск-Уссурийском — 34-м полком и

инженерным батальоном; в Хабаровске и Спасске—некоторыми партизанскими частями; но все они действовали исключительно по своему почину, так как неверовавшее в действительность выступления главное русское командование не дало определенного и решительного приказа о контр-выступлении... хотя к этому имелась полная возможность.

Утром 5 апреля японское командование по радио «всем, всем, всем» сообщало, что «напавшие на японские войска красные войска и партизаны разбиты совершенно, взято несколько тысяч пленных, много военной добычи» и т. д.

И, действительно, из 30.000 русских войск только пятая часть смогла с оружием в руках уйти в сопки, а большинство было обезоружено, пленено и перебито.

Японские генералы могли праздновать свою полную победу; ими были заняты и разгромлены не только все русские казармы, но и правительственные и даже некоторые общественные учреждения. Многочисленные красные флаги в одну ночь были заменены еще более многочисленными японскими и русскими царскими флагами.

Все общественные и политические деятели были или арестованы и уже частью расстреляны, или находились на нелегальном положении и укрывались в чехо-словацком штабе и на квартире чехо-словацкого посла доктора Гирса. На этот раз ирония революции собрала у чехо-словацких генералов не только их неизменных приятелей — эс-эров, но и недавних врагов — коммунистов; почти целых три дня чехо-словаки оказывали свое гостеприимство коммунистам: Виленскому, Никифорову, Кушнареву, Ковальчуку, Власовой, Раеву, Панкратову, Антонову, Воронину, Иванову, Масленникову, Цейтлину, Кригер-Войновскому, К. и др.; эс-эрам: Мансветову, Гуревичу, В.Я., Линдбергу, Медведеву, Карпову, Попову, Харитонову, Труши, Жернакову, Н., Сквирскому, Ангарскому, Плеханову и др.; меньшевикам: Берлацкому, Кабцану, Бинасику. Сюда же, уже поздно ночью, когда японцы захватили весь город (Владивосток), укрылся и штаб разбитой Красной армии, в лице командарма Краковецкого, комиссара Парфенова, ответственных сотрудников: Зуевского, Телищева, Исаева, Ильшешенко и др.

Этому разношерстному букету своих гостей чехо-словаки весьма деликатно предоставили возможность в бывшем губернаторском доме пережить часы незабываемой обиды, смертельной тоски и боли и жестокого отчаяния и возбуждения.

Японские генералы и русские реакционеры праздновали «новую победу».

V

Но японским капиталистам не только нужен был разгром красных войск.

Они были уверены, что торжество японских войск встретит среди правой части русского населения широкий отклик, и на место разбитой власти появится другая, родственная читинскому верховному правителю.

И первый же день японской победы повсеместно разочаровал японских руководителей переворота.

Вместе с японцами выступили только те русские, которые состояли на службе в японском жандармском управлении и за свои уголовные деяния укрывались в многочисленных японских штабах, но они в своих шпорах и блестящих погонах были одиноки.

Даже среди крайней буржуазии не нашлось достаточных групп, которые смогли бы составить «русское мнение» и поддержать новое «русское правительство».

И попытки японских генералов предложить генералу Болдыреву, бывшему губернатору Эверсману и др. сформировать новое правительство во Владивостоке были встречены некоторыми из них с негодованием.

Японскому правительству в его одиночестве ничего больше не оставалось, как или составить новую русскую власть только из лиц, бывших в японском штабе, т.е. барона Будберга, полковника Медыского, Патиашвили и др., или запросить пардону и сделать попытку свалить вину за происходящие события на красные войска.

Японские капиталисты вынуждены были избрать второй путь, так как помогавшие им русские офицеры сразу же вынуждены были переодеться, дабы избежать уличной расправы с ними со стороны негодующей толпы.

И в тот самый момент, т.е. в 12 часов дня 6 апреля, когда, получив по радио известия о японских победах, англо-французские и другие капиталисты шумно восхваляли успехи японских войск, возмущаясь «новыми зверствами большевиков», а атаман Семенов искал подходящих кандидатов в генерал-губернаторы «освобожденного от красных банд» Приморского края, — руководители переворота — японские генералы — на заседании междусоюзного командования расписывались в своем бессилии возобновить гражданскую войну и официально заявляли, что будут поддерживать власть временного правительства — земской управы — и происшедшие «печальные события» считают «вынужденным предупредительным шагом ввиду противо-японского поведения русских войск».

Члены временного правительства, усилиями японских штыков отпращенные в тюрьму и в чешский штаб, единодушным всего русского народа, хотя и обезоруженного, при зломном вынужденном согласии тех же японских штыков, через несколько дней вновь были возвращены к исполнению своих обязанностей.

Но в уже совершенно неузнаваемом виде получило временное правительство аппарат власти из японских рук.

Не было ни армии, ни милиции, ни вооружения, ни снаряжения. Во многих штабах и правительственных учреждениях были расхищены даже архивы, изломаны столы и перебиты стекла... Железные дороги были разрушены, и поезда не ходили.

Бессильные в своей ненависти к русской революции, японские и русские жандармы сделали все для того, чтобы все разрушить, умертвить, уничтожить...

Не стало в живых еще нескольких тысяч лучших, сильных и молодых русских людей: они сделались жертвами нового белого террора; только в Никольске, Хабаровске и Шкотово японцами было заколото, изрублено и расстреляно больше двух тысяч русских солдат и офицеров.

Вместе с ними погибли и лучшие их вожди, самоотверженные русские офицеры—члены военного совета—Луцкий, Лазо, Сибирцев: всех их сожгли в паровозной топке.

Но попытка вновь посорить русский народ и разбить его на враждебные лагеря на этот раз капиталистам не удалась. Еще раз, как и при свержении колчаковщины, выявленное общее единение всего русского народа в целом наиболее выпукло показало иностранным генералам, что кровавые кошмары гражданской войны претят и не имеют поддержки даже в среде русской мыслящей буржуазии.

Почти единодушно участвуя в похоронах жертв японо-белого террора, подавляющее большинство русского народа и на этот раз наглядно показало иностранным капиталистам, к чему стремится русский народ и чего он хочет.

В этом его стремлении уже не было почвы для гражданской войны. Она окончательно вытравлена была даже в сердцах принципиальных противников советовластия, честно заинтересованных в единении и величии русского государства.

И эта новая попытка иностранных генералов, разбить и задуть русскую революцию при помощи гражданской войны, на этот раз не только окончилась полной неудачей, но и послужила действительным физическим и психологическим концом гражданской войны в дальне-восточных областях Сибири.

В некоторых городах Дальнего Востока, как результат этой новой попытки, только на несколько дней выявились кучки офицеров—сторонников активной борьбы, но их было так мало, что они даже и не пытались изобразить собою «русское мнение».

Наемникам, состоящим на службе в японских штабах, осталось только верно и преданно служить своим хозяевам и лишь в убийствах из-за угла выступать под своим собственным именем.

Чувствуя конец своим былым «широким возможностям» и зная, что скоро и в этой роли они будут не нужны своим иностранным хозяевам, они стараются из всех сил насытиться и ушитья людской кровью.

Но это уже только дальне-восточная отрывка кровавого конца белого кровавого сибирского народоправства...

VI

Почти одновременно с выступлением японцев в Приморской области англо-французский штаб натравливает на Советскую Россию польских помещиков. Но и на Западе замыслы капиталистов терпят полную неудачу: польская армия, после неожиданного выступления и захвата нескольких русских городов, вскоре ударом красных войск поворачивается обратно и бежит. Война с Польшей только

укрепляет Советскую власть, популяризируя ее даже в среде правых групп.

Победа Советской России на западе предreshает вопрос об окончании гражданской войны и на Дальнем Востоке.

Атамановские отряды, получив возможность после японского выступления пытаться и расстреливать, спешат в бессильной злобе удовлетворить свои инстинкты из-за угла.

28 мая группой казачьих офицеров схватывается на ст. Иман и бросается в топку паровоза уполномоченный временного правительства по Иманскому уезду Кустовинов.

14 июня та же группа офицеров, во главе с есаулом Бочкаревым, предательски уводит со станции Уссурй командующего Никольск-Уссурйским военным районом поручика Андреева и зверски его убивает.

19 июня сотник Коренев, во время своего визита, убивает уполномоченного временного правительства по Хабаровскому району П. Уткина и его секретаря Граженского.

Но эти зверства—последние садистские акты приморских атаманов. Вызванные к жизни японскими генералами, они ими же и предаются в руки судебных властей временного правительства.

20 июня во Владивостоке открывает свои работы народное собрание, созданное из представителей всех групп населения и всех политических течений до цензовых элементов включительно. Японское командование вынуждает себя заявить, что оно «приветствует объединение русского народа». Народное собрание ставит себе целью объединение всех областей Дальнего Востока и ближайшей задачей своих работ—изживание интервенции. Составляется коалиционное министерство во главе с меньшевиком Бинасиком, в которое вскоре входят представители буржуазии—Бринер, Циммерман, Виноградов; избирается парламентская комиссия, которая во главе с Кушнаревым и Кабцаном выезжает в г. Верхнеудинск для переговоров с местным правительством о создании общего правительства Дальневосточной республики.

Японское командование вынуждено содействовать переговорам об объединении; оно только всячески поддерживает атамана Семенова, как равноправную договаривающуюся сторону, так как иначе, по мнению генерала Оой, «объединение областных правительств совершенно невысмыслимо и не достигнет цели».

И даже больше. Успехи советских армий на польском фронте и начало новых переговоров с английским правительством отражаются на положении в дальне-восточных областях весьма заметно.

Японские генералы своими усилиями ликвидируют хабаровскую автономию г. Лихойдова, допуская туда милицию приморского правительства, во главе с инспектором милиции Колесниченко, а ген. Такаянаги, который наиболее оптимистически смотрит на возможность дальнейшей гражданской войны и больше всех противился даже попыткам к переговорам с Советской властью, 30 июня выезжает в Верхнеудинск, 8 июля подписывает соглашение с командованием верхнеудинского правительства и от имени своего пра-

вительства, через несколько дней после этого, объявляет о начале эвакуации японских войск из Забайкалья.

Правда, при подписании соглашения о «демаркационной полосе» генерал Такаянаги выговаривает право самостоятельного пребывания в Забайкалье атамана Семенова как «главы местного правительства, впредь до объединения всех областей и организации единого правительства ДВР», но в дальнейшую «самостоятельность» войск забайкальского атамана он сам верит меньше всего.

С уходом японских войск из Забайкалья ослабевает и вскоре кончается последняя и самая жестокая страница гражданской войны; приходит конец одному из наиболее ужасных и кровавых садистских разгулов — читинско-нерчинско-даурскому, где больные и тупоголовые атаманы своим бытием практически воскресили древние времена инквизиции и застенков с их раздирающими живую душу и совершенно отуманивающими разум страданиями.

Здесь за долгие годы практики все, даже маленькие, атаманы выработали свои норовы, свою систему пыток и убийств. И если в Западной и Восточной Сибири тюрьмы, застенки, военно-прифронтовые полевые суды и т. д. существовали преимущественно для революционеров и вообще замешанных в «политике», — в Забайкалье это преимущество принадлежало всем, кого можно было ограбить и чья физиономия «не внушала доверия», будь то революционер или харбинский спекулянт — безразлично.

В ночь на 4 февраля в Даурии было расстреляно 65 чел., «заподозренных в большевизме», в числе их не было ни одного коммуниста и были только: один меньшевик и эс-эр и кооператоры Катков и Громов; остальные все были убиты или за «хорошие сапоги», или за «плохую физиономию». Впрочем, семеновский офицер Васильев был расстрелян потому, что его родной брат оказался в крестьянском партизанском отряде. Когда он был взят в плен, офицер попытался взять его на поруки, чем и обнаружил свое «родство с большевиком».

Почти в то же время на ст. Оловянной, в числе 18-ти заподозренных железнодорожных служащих, по распоряжению полковника Степанова был расстрелян местный аптекарь только за то, что он не смог дать нужного ему порошка.

В марте месяце сотником Торчиновым и полковником Сумарковым на ст. Карымская была арестована, а затем брошена в топку паровоза броневика беженка из Советской России, у которой оказалось много денег, а на пальце драгоценный перстень.

14 июня по распоряжению помощника коменданта ст. Даурия поручика Забиякина был избит до смерти нюмполами казак Полтавской станции Чемаков только потому, что он не захотел поступить добровольцем в отряд барона Унгерна.

20 июня с поезда были сняты и, по приказу коменданта поселка Даурии полковника Ловренца, расстреляны студенты Абрам Ольховский и Гилель Кантер лишь за «еврейские физиономии».

Вот краткая иллюстрация тех провинностей, за которые десятки тысяч людей были убиты в народонравческом царстве забайкальских атаманов...

Но над всеми забайкальскими атаманами целою «головой выше» стоял бывший гвардейский офицер, командир роты личного конвоя царя — барон Унгерн-Штернберг, которого атаман Семенов, еще будучи социалистом-революционером и комиссаром Керенского, захватил с собою из Петрограда, в надежде в будущем при его посредстве попасть в придворные царского двора.

Волосы становятся дыбом, и судороги охватывают душу только при одной мысли попасть в «район действий» этого наиболее выродившегося члена русско-немецкого самодержавного абсолютизма.

«Не понравится барону—значит свиданье с праотцами»,— вот, полная кровавого трагизма, отчаяния и безумного кошмара местная поговорка, определяющая нравственный облик и убеждения этого царского аристократа-садиста.

Барон Унгерн-Штернберг и борьба за Учредительное Собрание, за свободный труд, за всеобщее избирательное право... Какая злая ирония над народоправческой конкретной жизнью!!

VII

Оставленный своими хозяевами почти на произвол судьбы, атаман Семенов начинает заботиться о том, чтобы в начавшихся переговорах амурского, приморского и верхнеудинского правительств ему было предоставлено право голоса.

По совету своих бывших хозяев, для лучшего успеха в своих настояниях, он превращается вновь в настоящего демократа. 19 июля 1920 года он устраивает свидание с уполномоченным приморского правительства в полосе отчуждения К.-В. ж. д. Н. П. Пумпянским (с которым он находилась в весьма дружеских отношениях в начале своей работы «по возрождению»), созывает «свое» народное собрание и, с предварительного согласия приморского правительства, 27 июля посылает во Владивосток делегацию, во главе с Таскиным и генералом Хрещатицким, с целью объединения.

Японские генералы и правые группы начинают усиленно поддерживать авторитет забайкальского атамана, как «равноправной стороны», надеясь этим поправить его положение, которое, с каждым отходящим на восток японским эшелонам, все больше и больше ухудшается, и увеличить свое японское влияние в строящемся буферном государстве ДВР.

Столкнувшись с наличием выявленной враждебности к себе со стороны населения, «читинский царь и бог», вслед за японцами, 2 августа покидает свою столицу и перебирается поближе к китайской границе, на ст. Борзя, захватывая с собою «на всякий случай» и весь золотой запас.

24 августа вторая парламентская делегация приморского правительства, во главе с Кабцаном, возвращаясь из Верхнеудинска через район атамана Семенова, заключила с ним предварительное соглашение, и в тот же день стало известно:

«Оловянная, 25 августа. (Руста.) Вчера, 24 августа, я подписал протокол предварительного соглашения с делегацией народного собра-

ния Дальнего Востока об объединении края и слиянии во единое целое Приморской и Забайкальской областей; протокол соглашения печатается дополнительно во всеобщее сведение. Таким образом, первый камень фундамента строящейся российской государственности на Дальнем Востоке вчера мною заложен. От вас, граждане, всецело зависит восстановить значение влияния русского народа здесь, на далекой окраине, от вас зависит сохранить за великой Россией ее восточные области — наследие предыдущих поколений, добытое кровью и потом наших дедов. Довольно быть безвольной болванкой в руках тех или иных интервентов, довольно позором и грязью покрывать когда-то великое и грозное имя русского народа. Вспомните все, что прежде всего вы русские люди, братья по крови, и какие бы ни были политические убеждения, мы, русские, сами между собой всегда столкуемся. Довольно на радость и потеху наших многочисленных соседей, у которых слюнки текут от одного запаха жирного русского пирога, избивать друг друга в междоусобной войне. Помните, что каждым убитым бойцом — белым или красным, это безразлично — мы уменьшаем мощь общей русской силы, нужной еще для борьбы на защиту родной земли от жадных захватчиков. Довольно быть безмозглыми дураками на пользу и радость всех, нас окружающих, довольно расточать добро, переданное нам отцами и дедами, довольно. Возьмемся же все за великое дело воссоздания нашей государственности здесь, на далеких окраинах когда-то великой, мощной матери-родины, возьмемся дружно с неутомимой энергией и силой, потому что много времени упущено, много добра разрушено, много русской крови пролито. Вы, крестьяне, казаки и буряты, на земле работающие и своим потом ее поливающие, вы, сибиряки-землеробы, вы, рабочие и прочие граждане городов, вы — действительные хозяева земли русской и ее далекой окраины — Дальнего Востока, — не следует учить вас ни справа, ни слева, ни коммунистам, ни большевикам, ни монархистам и слугам бывшего царского режима, как вам жить надлежит. Вы сами знаете, как вам жить следует и как жить вы хотите. Преступно, пользуясь вашим долготерпением, заботостью и невежеством — наследием бывшего режима, — навязывать вам те или иные формы государственного устройства и жизни, преступно и подло это делать как со стороны большевиков, так и обломков старого строя. У всех вас голова на плечах, глаза и уши, решайте же сами, по своей воле и своему разумению, как вам жить надлежит в будущем.

Приняв во внимание все вышесказанное, я, атаман Григорий Михайлович Семенов, предлагаю вам немедленно, с твердой верой в светлое будущее, приступить к выборам ваших лучших людей в народное законодательное собрание Дальнего Востока. Предписываю городской думе города Читы, областной земской управе, казачьему войсковому управлению и правительству бурятского народа немедленно образовать комиссию для разработки всех подготовительных мер к выборам в народное собрание, согласно закона, действующего в Приморской области. Означенную работу предписываю вновь образуемой комиссии осуществить в кратчайший срок и доложить мне, дабы совместно назначить начало выборов в случае утверждения владивостокским народным собранием вчера подписанного мною соглашения. Депутаты отправляются во Владивосток для участия в работах нар. собрания Д. Востока, в случае же неутверждения, депутаты составят законодательное народное собрание Забайкальской области в Чите. Итак, за дело, за великую работу по восстановлению русской государственности, русского значения, русского имени здесь, на Дальнем Востоке. С богом, к славному и великому будущему, вперед, под сень власти и мощи народоправного русского государства. Атаман Семенов, командующий армией генерал-лейтенант Вержбицкий, врем. и. д. упр. воен. и мор. вед. генерал-майор Сырбоарский».

Но слишком фальшиво звучал семеновский демократизм. Не зарубцевались еще спины рабочих и крестьян Забайкалья от его

«народоправческих воззрений», и, по протесту верхнеудинского и амурского правительств, приморское народное собрание отказалось ратифицировать это соглашение с забайкальским атаманом.

Не признало оно также за Семеновым права «договаривающейся стороны».

— Весьма плохо складывались дела атамана Семенова и в полосе К.-В. ж. д., которая с каждым днем все больше и больше подпадала под исключительное влияние китайского правительства. Попытка «подчинить» Харбин и Манчжурию также не удалась Семенову, и с каждым днем его реальное значение уменьшалось даже в районе, занятом еще отрядами атамана.

23 августа во Владивосток, через «район Семенова», проследовал поезд военно-дипломатической миссии верхнеудинского правительства, во главе с Шатовым; поезд охранялся японскими караулами, и забайкальский атаман должен был дать за «личной ответственностью» гарантию безопасности миссии Шатова.

Еще до этого китайское правительство разрешило въезд в Пекин представителю верхнеудинского правительства — И. Л. Юрину-Дзевалтовскому, несмотря на «дружеские предупреждения» французского посла.

Все это также не могло не разлагать ряды войск атамана Семенова; не могло не приближать его к естественному самоумерщвлению.

И казалось, что гражданской войне наступил конец, настоящей, действительный.

Но вскоре стало известным, что Красная армия на польском фронте начала отступать, успех военных действий стал резко клониться в сторону панов и капиталистов Антанты. На юге России появился новый спаситель России барон Врангель, которого парижское правительство поспешило «признать» как всероссийского правителя; переговоры с английским правительством были также прерваны.

И атаман Семенов ожил. После этого он уже сам прекратил всякие «переговоры с красными» и даже только «за личную близость» к коммунисту Никифорову отдал под суд своего верного соратника генерала Хрещатицкого. Атаман спешит рапортом донести новому верховному правителю Врангелю, что «он и его армия отдают себя в распоряжение Всероссийского Правительства, руководимого Вашим Высокопревосходительством»...

Большое испытание наступило не только для буржуазии, но даже и для эс-эровской партии.

А вдруг окажется, что Советы победимы, что сила Советов — пух... Тем более, что новое всероссийское правительство всячески иллюстрируется как «вполне демократическое, пользующееся широким доверием крестьян».

И если эс-эры еще колеблются, выжидают «дальнейших событий», то буржуазия почти единодушно резко меняет свой фронт и становится враждебной оппозицией даже умеренному приморскому правительству. Она настаивает на прекращении всяких переговоров

с Верхнеудинском, почти ультимативно требует, чтобы «приморское правительство объединилось только с правительством атамана Семенова».

12 октября 1920 г. представители буржуазии, после невыполнения народным собранием целого ряда их категорических настояний, демонстративно выходят из состава приморского совета министров.

Буржуазия уже считает «преступной мечтой» свою недавнюю «надежду на эволюцию большевизма». Только незначительная часть ее еще скептически относится к попыткам правительства Врангеля. Владивостокское «Слово» и «Владиво-Ниппо», «Уссурийская Жизнь», харбинские — «Русский Голос» и «Свет» и др. буржуазные газеты авторитетно заявляют, что «победа над большевиками не только возможна, но что они уже накануне полного разгрома». Уверенная в своем настоящем успехе, буржуазия в своей правой части даже настаивает на «очищении своих рядов от проходивцев и лицемеров», считая таковым атамана Семенова за его «хадабулакское соглашение» с приморской делегацией. Кандидатом в главнокомандующие выдвигается «незапятнанный» генерал Лохвицкий. Семенов делает попытку «реабилитировать» себя, и по его распоряжению барон Унгерн 12 октября расстреливает семь «залодозренных в большевизме» рабочих депо ст. Манчжурия.

Но наступает конец торжеству капиталистов и на этот раз. Не только местные «народоправческие масштабы», но и «всероссийские» разлетаются под натиском рабоче-крестьянского штыка с катастрофической поспешностью.

14 октября отряды партизан под командованием т. Серышева нападают на заставы атамана Семенова; 22-го они занимают Читу; к началу ноября Забайкалье совершенно освобождается от атамановских войск.

«Главнокомандующий» атаман Семенов делается «частным пассажиром» и при помощи своих хозяев уезжает на отдых в г. Порт-Артур.

9 ноября в Чите открывается конференция дальне-восточных областных правительств, которая кладет начало объединению Дальнего Востока избранием единого правительства ДВР, во главе с А. М. Краснощековым, провозглашает образование Дальне-Восточной республики, назначает созыв Учредительного Собрания на 25 января и предлагает японскому правительству вывести свои войска с территории ДВР.

А 17 ноября становится известным, что

«... Красная армия захватила Симферополь, Севастополь, Феодосию... Генерал Врангель уехал на французском военном судне в Константинополь... Его войска тысячами переходят на сторону Советов...»

Все это не только сильно охлаждает «порывы» буржуазии, но и заставляет ее еще раз окончательно растеряться. Она не знает даже, как формулировать свои дальнейшие шаги. И утешает себя пока «анализом ошибок южно-русского правительства».

Но темп надвигающихся событий, открывшееся сообщение с Советской Россией, новое разочарование в возможности «скорой эволюции коммунизма» и надежда на «взрыв изнутри» — заставляют капиталистов на последнем клочке русской земли дать еще одно «генеральное сражение большевизму».

В Приморье буржуазия начинает усиленно «бороться за автономию, которую, по соображениям «внешнего характера», выдумали эс-эры и которая должна была создать «демократический противовес коммунистической Чите». Но, несмотря на то, что мотивы приморской автономии весьма реально поддерживались и самой «внешней причиной», японским командованием, — народное собрание без оговорок признало правительство Дальне-Восточной республики; и временное правительство — «приморская земская управа» — 12 декабря постановила:

«В дни чрезвычайной национальной опасности, гражданской смуты и развала власти приморская областная земская управа, под давлением единодушного мнения военных, профессиональных и общественных организаций, 31 января сего года вынуждена была временно принять на себя осуществление в пределах Приморской области всей полноты государственной власти.

Ни на минуту не забывая, что мера эта является лишь вызванной чрезвычайными (обстоятельствами) событиями, приморская областная земская управа, будучи всегда готова сложить принятую ею на себя по требованию населения государственную власть, как только население выскажет об этом свое решение, ближайшей и важнейшей задачей своей деятельности, как носительницы верховной власти, поставила прекращение гражданской войны и установление мира и порядка среди населения, как лучшее средство к защите национальных интересов русского народа, а также уничтожение условий, способствующих продолжению интервенции, поддерживающей и обостряющей гражданскую войну и затрудняющей восстановление нормальной жизни в области.

Мысля надлежащее выполнение общегосударственных задач возможным не иначе, как в тесной связи со всем населением, приморская областная земская управа, как временное правительство, признала неотложно необходимым созыв в возможно скором времени представительного органа на основах всеобщего избрания.

20 июня последовало открытие временного народного собрания Дальнего Востока, и с этого момента временное правительство в отправлении своей государственной деятельности осуществляло лишь волю народных представителей.

В полном согласии с волей последних временное правительство стремилось разрешить и поставленный ходом событий вопрос о дальнейшем политическом существовании дотоле разрозненных и оторванных от центральной России областей Дальнего Востока.

29 октября временным правительством — приморской земской управой — была избрана полномочная правительственная делегация для участия в состоявшейся в городе Чите по вопросу объединения конференция областных правительств Дальнего Востока и правительства Забайкалья, окончательное же решение этого вопроса в отношении Приморья законом от 4 сего декабря, за № 486, было предоставлено временному народному собранию.

По обсуждению работ делегации, временным народным собранием Дальнего Востока 11 сего декабря принят закон, в силу которого Приморская область вошла в состав нового самостоятельного государственного образования Дальне-Восточной демократической республики,

возглавляемого единым для этого государственного образования временным до Учредительного Собрания Дальнего Востока центральным правительством, избранным на конференции в Чите.

Памятуя, что осуществление в пределах области государственной власти ею было принято на себя лишь временно, впредь до окончательного волеизъявления о сел населения области, приморская областная земская управа считает, что ныне для нее настало время, когда она не только вправе, но и обязана в силу закона сложить с себя свои полномочия, как носительницы верховной власти в области, и передать таковые центральному правительству, а потому постановляет:

Считать свои полномочия в качестве верховной государственной власти Дальнего Востока оконченными и сего числа обратиться к управлению своих прямых обязанностей в качестве органа областного земского самоуправления, о чем и объявить во всеобщее сведение. Председатель приморской земской управы А. С. Медведев; члены управы: А. Н. Русанов, П. П. Попов и секретарь управы С. И. Белкин».

Все же буржуазия еще не теряет надежд на «автономию» Приморской области, и, чтобы поддержать ее в этом, харбинские реакционеры стараются доказать своим китайским хозяевам «выгодность» прекращения сообщения с Забайкальем и с начала декабря фактически закрывают Манчжурскую границу.

В то же время буржуазия всячески старается заполучить в Приморье отступающую из Забайкалья белую армию, во главе с генералом Вержбицким и в составе четырех корпусов (всего около 30.000 чел.). Китайское правительство, по настоянию дипломатического корпуса в Пекине, предоставляет этой армии бесплатный проезд по К.-В. ж. д. в сторону Уссурийской ж. д. Благодаря этому обстоятельству, дикой дивизии барона Унгерн-Штернберга удается сохранить себя для «будущей борьбы за возрождение», создать базу на ст. Хайлар и Манчжурия и впоследствии выступить против Советов со стороны Монголии.

Навстречу отступающей белой армии правительство ДВР посылает полномочную делегацию народного собрания, под председательством Парфенова и в составе Масленникова, Коврашицкого, Осипова, Борысевича и Луцкого, поручая ей во что бы то ни стало мирным путем договориться с белым командованием. В эту делегацию правительства Америки, Японии и Китая, по просьбе ДВР, назначают своих «наблюдателей» — майора Кларка, капитана Курациге и полковника Као-Суна.

Революционный военный совет народно-революционной армии ДВР издал специальное обращение к солдатам и офицерам белой армии, обещая забыть их преступления перед революцией и предлагая им возвратиться на родину, в Россию.

Белые генералы Вержбицкий, Молчанов, Смолин, Пучков, Ловцевич, Аргунов охотно вступают в переговоры с Парфеновым, но категорически отказываются поворачивать назад, ехать в Россию: еще бы — их так ожидают в Приморье! Тогда Парфенов отдает распоряжение о прекращении движения по Уссур. ж. д. и вступает в переговоры с представителями пекинского правительства. Несмотря на нажим «союзников», главнокомандующий китайскими войсками в Северной Манчжурии Цжан-Цзо-Лин соглашается разоружить

белую армию, а также задержать все эшелоны с имуществом (17 эшелонов) армии, если ему будет отдано отнятое имущество и оружие. Торговаться не приходится. Но в отношении имущества, которое составляло слишком большую ценность, делегации все же удалось договориться, что этот вопрос может быть решен только особым соглашением правительства ДВР и Китая.

После этого командование белой армии стало более стоворчивым, но все же двигаться в сторону России отказалось и пешим порядком направило свои полки во Владивосток, Никольск-Уссурийский, Гродеково, Раздольное и т. д., опасаясь, как бы солдатская масса не повернула обратно по собственному почину.

С прибытием в Приморье белой кашпелевской армии местная буржуазия почувствовала себя крепче. Правда, кашпелевцы на первых порах держали себя весьма тихо и скромно, устраивались в пустых казармах и на частных квартирах, когда нужно, шли в ревкомы и к коммунистам, ходили на митинги,—но все же буржуазия знала, видела, чувствовала, что они на ее стороне.

На 9 января правительство Дальне-Восточной республики назначает выборы в Учредительное Собрание. Буржуазия принимает в этих выборах самое горячее участие, в надежде «через Учредительное Собрание лишить коммунистов права говорить от имени народа». На этот раз капиталисты, отступая от своих принципов, привлекают к выборам в Учредительное Собрание и расположившиеся в Приморье остатки своих войск, чтобы получить «лишний голос». Идея Учредительного Собрания широковещательно афишируется и ставится на-ряду с самыми большими «народными достижениями».

Но становится известным, что в Учредительное Собрание избрано большинство коммунистов и сочувствующих им крестьян, и буржуазия начинает резко открещиваться от него, считая его и неправильно избранным, и неправомочным, называя «учредилкою» и т. д.

12 февраля Учредительное Собрание Дальне-Восточной республики открывает свою сессию. Председателем его избирается бывший главнокомандующий партизанскими отрядами Амурской области (штабс-капитан) Шилов, Дм. День открытия Учредительного Собрания объявляется общим праздником. По поводу открытия Учредительного Собрания агенство «Дальта» сообщает:

«Чита, 12 февраля. В 7 ч. 30 м. вечера на трибуну выходит председатель правительства ДВР Краснощеков и именем правительства и народа, его избравшего, объявляет Учредительное Собрание Дальнего Востока открытым. Оркестр исполняет Интернационал. Все депутаты и гости встают. Затем Краснощеков произносит получасовую речь:

На-днях исполнится 4 года, как народ российский сбросил самодержавие и взял государственное правление страны в свои руки. Годы тяжелых испытаний, тяжелые результаты старого, казались, канули в вечность. За это время народ вырос, закалился и стал во главе правления. Мы, здесь, авангард русского народа, с радостью встретили великую февральскую революцию, но столкнулись с неожиданными препятствиями. Мы, здесь, на Дальнем Востоке, как и наши товарищи в Советской России, думали, что мы свободны, избавившись от врагов внутренних, но нам пришлось столкнуться с врагами внешними.

Мы живем в сложной атмосфере международных вмешательств, но поскольку сейчас капитализм и империализм связали судьбы всех народов в одну семью, мы с этим должны считаться. Мы с начала революции действовали едино и отвоевали право самим строить свою жизнь. Мы научились понимать необходимость единения не только интеллектуального, но и технического, которое связывает народ.

Время разрозненности, когда каждая область действовала самостоятельно, прошло: весь народ от Байкала до Тихого океана познал необходимость быть единым, целым. Мы научились и другому важнейшему творчеству — быть дипломатами; мы научились разбираться в сложной международной обстановке, мы научились действовать не для настоящего, но для будущего.

Полгода тому назад, мы не сомневались в том, что мы и Советская Россия — единое целое, но, указывая на международную обстановку и в интересах матушки-России, для уничтожения на Дальнем Востоке базы интервентных сил, мы с болью в сердце решили объявить Дальний Восток самостоятельной республикой. Это мы решили сами, без давления сил внешних, откуда бы они ни исходили. Она должна быть независима как от Советской России, так и от всяких иных стран. Это является нашим основным решением, декларированным 18 ноября на конференции, и это наше решение остается неизменным: мы обещали и, несмотря на всякие провокационные слухи, довели народ до Учредительного Собрания.

Поскольку мы считали необходимым уничтожение интервенции, поскольку мы считали необходимым строить здесь демократический буфер, в котором объединятся все слои населения за независимость Дальнего Востока, демократичность его власти, уничтожение здесь базы для наступления на Советскую Россию и восстановление промышленности — вот основные принципы, которые легли в основу нашего строительства.

Правительство передает вам власть, и вы должны здесь приступить к вашей работе, товарищи.

Для многих понятие демократичности стало пугалом, но ведь многие прикрываются этим определением, не имея на то никакого права. Если бы страны Западной Европы и Америки представляли собою настоящую демократию, мы бы их признали, и поскольку Учредительное Собрание представляет собой большинство трудящегося народа и демократии, постольку оно демократично. В 1917 г. также было Учредительное Собрание, но тогда народ не мог разобраться, кто его враги, кто друзья, поэтому его голосование не могло быть правильным. Теперь мы научились разбираться в этом вопросе.

Правительство, которое вы избрали и поручили ему руководить работой страны, даст вам отчет в этой работе. Правительство, открывая Учредительное Собрание, знает, что хозяин пришел и ждет его распоряжений. Я думаю, что то, что было положено в основу конференции областей, ляжет и в основу работ Учредительного Собрания, а также и в защиту интересов трудящихся.

И вскоре после этого, т.-е. 18 февраля, газета самых отъявленных и патентованных сторонников Учредительного Собрания и русских патриотов и демократов, «Русский Голос», с цинизмом разочарованного реакционера заявляет:

«Дальне-Восточное Учредительное Собрание открыло свою работу 12 февраля. По партийному составу своих членов оно оказалось именно таким, каким его желали создать коммунисты. Преобладающее число голосов принадлежит формально «крестьянской» фракции.

По усвоенному Читой владивостокскому опыту, эта фракция подчинена тов. Румянцеву с компанией коммунистов помельче, верховный же надзор за нею вручен члену «тройки» Дальбюро Прохорову.

Такой состав избранного президиума гарантирует полную покорность и повиновение фракции всем директивам Дальбюро РКП.

Второе место занимает фракция коммунистов. Обе фракции, вместе взятые, составляют почти $\frac{1}{4}$ всего состава членов Собрания.

Успешным проведением избирательной кампании коммунисты доказали свое определенное решение не только на словах, но и на деле строить буфер согласно своим желаниям и целям.

Ради этих целей было признано необходимым строить «демократический» буфер. Со словом «демократический» коммунисты связывают некоторые надежды, диктуемые интересами совдепии. Они пошли на «демократизацию», ибо, как реальные политики, они очень хорошо понимают, что распространенное толкование понятия «демократия» связывает его исключительно с формальными признаками. Выполнение же обряда известных формальностей коммунистам ничем не грозит.

«Для многих понятие демократичности, — говорил в своей речи Тобельсон¹⁾, — стало пугалом. Учредительное Собрание представляет собою большинство трудящегося населения народа. Постольку оно и демократично». Определение — совершенно ясное и простое.

Состав членов Собрания гарантирует и самый характер будущей его работы. Приспособив для своего употребления демократическую вывеску в наиболее вульгарной форме понимания слова «демократия», коммунисты, конечно, будучи последовательны, и в дальнейших своих шагах будут выполнять все те формальности, которые по внешнему виду должны отвечать демократическому государству. За «вывеской» же будет скрываться то, что составляет содержание истинных намерений коммунистов».

Но буржуазия не только отрекается от «такой учредилки» и бойкотировать ее, не посылая своих депутатов, она параллельно ему устраивает «свое учредительное собрание», программу и цель которого весьма мотивированно поясняет тот же «Русский Голос» от 1 марта:

«10 марта во Владивостоке назначен съезд представителей несоциалистических организаций Дальнего Востока. Инициатива съезда идет из владивостокских общественных кругов, где при несоциалистическом блоке организовано особое бюро по созыву и подготовке материалов для съезда. Как по широте программы, так и по составу участников этот съезд будет первым значительным явлением на пути объединения несоциалистических организаций края,—явлением, которое может и должно оказать влияние на дальнейшие судьбы русской государственности на Дальнем Востоке.

Но при такой постановке вопроса необходимо самую подготовительную работу поставить в условия широкого привлечения самых разнообразных элементов в ней, дабы этот съезд не представил из себя собрание лиц, которые примут целый ряд резолюций более или менее общего характера и раз'едутся по домам. Для такой цели съезда созывать незачем, ибо дело не в резолюциях, а в действиях. Действия же могут последовать только в том случае, если к работе съезда будут привлечены силы, на долю которых выпадет вся борьба с большевистской военной силой. Этим определяется необходимость привлечения к организационной работе таких организаций, как крестьянский союз, кооперация и совет торгово-промышленников; им должно быть предоставлено первенствующее положение в выработке программы действий, ибо только при их участии можно ждать от съезда не только резолюций, но и действий...

Большевистская печать уже заволновалась по поводу угрозы большевистскому владычеству со стороны так называемых ею «черносотенцев». Нужно принять меры, чтобы это беспокойство не было напрасным и чтобы в результате съезда оказался не только ворох резолюций, но и сплоченный противобольшевистский фронт, где каждый будет знать, что нужно делать, на ком и какая лежит обязанность».

¹⁾ А. М. Краснощеков.

А все-таки, несмотря на новое собрание антибольшевистских сил» и «полную возможность ликвидировать решительным ударом власть коммунистов», — дальне-восточная контр-революция становится еще более одинокой, еще более изолированной вследствие своего внутреннего бессилия и постоянных противоречий.

8 марта 1921 г. прибывший из Франции новый управляющий К.-В. ж. д. инженер Остроумов ввиду полного отсутствия средств у парижских акционеров о-ва К.-В. ж. д. и задолженности дороги соглашается на возобновление товарного и пассажирского сообщения с Забайкальем, и тогда же представители китайского правительства подписывают предварительное соглашение с миссией ДВР, в лице Ребикова, об открытии манчжурской границы.

Еще менее утешительные для буржуазии события наступают в Советской России.

16 марта английское правительство подписывает торговый договор с советским представителем Красиным, 17-го подписывается мирный договор с польским правительством, 18-го румынское правительство отправляет свою миссию в Ригу для переговоров с советскими представителями. В этот же день советской Красной армией занимается г. Батум, и Грузия провозглашается советской республикой.

Правда, контр-революционеры полосы отчуждения К.-В. ж. д. и Приморья еще надеются, что японские генералы помогут им. Они еще пытаются доказывать, что вооруженная борьба с Советами мыслима и возможна, что этой борьбе «будет оказана поддержка изнутри», так как «сибирский крестьянин—собственник и никогда не будет коммунистом».

Иначе и не может быть: капиталист, буржуа по своей природе не способен примириться с государственным строем, где он не имеет привилегированного, руководящего положения.

Но все же, наученная горьким опытом поражений, владивостокская, харбинская, токийская и прочая буржуазия решила выждать, уклониться от конкретных выступлений, хотя руки у нее очень и очень чесались.

Ждать ей пришлось недолго.

VIII

Наступили кронштадтские дни. Это был сигнал для мировой буржуазии, и 31 марта она натравила белые войска на немногочисленную милицию во Владивостоке. Но восстание было подавлено. Причина неудачи объяснялась тем, что японцы считали его преждевременным, и оно было сделано «самочинно», хотя отдельные японские буржуа в нем участвовали, и даже штаб белых помещался в доме японца Сурайхито.

Но вскоре японские империалисты окончательно убедились, что их надежды на Учредительное Собрание в Чите безнадежны: оно не только не выразило никаких симпатий японским штыкам, но первым делом потребовало их удаления с территории Дальне-

Восточной республики. «Буферные перспективы» японских генералов больше не прельщали: красный буфер, с ориентацией на Советскую Россию, им был не нужен.

Из Читы были отозваны подполковник Мике и капитан Курасиге, которые изображали там собою военно-дипломатическую миссию Японии.

После их доклада токийскому правительству японский генеральный штаб решил действовать, тем более, что в это время дела у Советского правительства были не особенно важны. Кроме крошадтского восстания, началось антисоветское движение в Тамбовской губернии (антоновщина) и восстание крестьян в Западной Сибири; на юге России укреплялся опять махновский бандитизм. Заграничным капиталистам и приморским белогвардейцам было отчего радоваться; и они окончательно распоясывались.

В конце марта в Пекине состоялось совещание представителей отрядов Анненкова, Бакича, Унгерна, Семенова, Вержбицкого и других белогвардейских генералов и атаманов с целью выработать «план весеннего наступления» на Советскую Сибирь и Дальне-Восточную республику. Несмотря на то, что это совещание, по категорическому настоянию Юрина-Дзевалтовского, было разогнано и частично (генерал Хрещатицкий, Зайцев и др.) арестовано пекинским правительством, «план наступления» был составлен.

Вскоре японский генеральный штаб направил в белогвардейские отряды своих специальных советников с транспортом вооружения и снаряжения. К Бакичу были назначены капитан Нагами и майор Сати; к барону Унгерн-Штернбергу — полковник Сайто и капитан Хара; к атаману Кайгородову — майор Танаки и так во все более или менее большие белогвардейские отряды.

В конце мая 1921 г. состоялось выступление белогвардейских войск. Токийский генштаб весьма тщательно разработал для всех отрядов боевые задания. Унгерну было приказано выступить против ДВР со стороны Урги и Троицкосавска; Вержбицкому — во Владивостоке и Никольск-Уссурийском; атаману Семенову — со стороны Сахалина (Китай); полковник Казанюранди получил задание взять Иркутск; атаман Казанцев — Минусинск и Красноярск; Кайгородов — «очистить от коммунистов» Алтайскую губернию; генерал Бакич — «занять» Семипалатинскую область и соединиться с повстанцами в Западной Сибири.

Наступление во всех пунктах состоялось почти одновременно. Русские белогвардейцы-командиры были весьма аккуратны в исполнении приказаний своих японских хозяев. Но во всех районах это белогвардейское нашествие из монгольских и китайских стоянок кончилось для них полнейшей неудачей. Красная армия на этот раз не только разгромила все белогвардейские отряды, но даже переловила все почти их штабы и даже — вождей. Только там, где белогвардейцы непосредственно поддерживались прямою силою своих хозяев и где революционная военная мощь была ничтожной, контр-революционные наемники одержали победу.

26 мая произошло новое выступление отрядов генерала Верябицкого в приморских городах. На этот раз оно было успешно для белогвардейцев, так как выступившая против них немногочисленная милиция (на всю область 1.800 чел.) сразу же была обезоружена японцами. У власти был поставлен «Совет несоциалистического съезда», назвавший себя временным приамурским правительством.

Рядом с многочисленными флагами японцев был повешен флаг белогвардейского правительства. А японское телеграфное агентство, по захваченному русскому радио, торжественно оповещало:

«Во Владивостоке, Никольск-Уссурийском, Сучане и других городах произошло новое восстание. Массы народа вышли на улицу и свергли власть большевиков. Образовано новое правительство во главе с Спиридоном Меркуловым, известным общественным деятелем и ученым. Японское командование во время переворота держало строгий нейтралитет»...

и т. д. в том же нейтральном духе.

Так японский штаб пишет революционную историю русского Приморья.

Но японцы в своих торжествах по поводу приморских побед были не одиноки: их полностью разделяли не только местные и харбинские купцы и монархисты, но даже некоторые эс-эры. В июле месяце 1921 г. японский штаб предложил Меркулову произвести созыв народного собрания, чтобы, «кому нужно», увидели «народность» в контр-революционном движении Приморья. Вскоре такие выборы состоялись; происходили они на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, но только с маленькой «поправочкой»: все члены коммунистической партии и им сочувствующие лишались права выборов, как незаконные. И несмотря на то, что меркуловские выборы бойкотировались всеми крестьянскими организациями, профсоюзами и меньшевиками, эс-эровская марка к этому народному собранию была приклеена: они с обычной крикливостью участвовали в меркуловских выборах и послали туда своих делегатов: Мансветова, Николаева, Якушева, Абоимова, Погребецкого, Никонова и др., которые за одним столом сели с заядлыми монархистами и убийцами из-за угла—Бочкаревым, Андрушкевичем, Лихойдовым, Лохвицким, Дедериксом и др.—хотя некоторое время спустя эс-эровское Дальбюро демонстративно вышло из коалиции с коммунистами в Чите, «не желая служить Московским большевикам», и даже исключило из партии своего старейшего члена Е. Труши, когда он по персональному приглашению принял портфель министра юстиции Дальне-Восточной республики.

Только атаману Семенову не повезло. Как ни доказывал он братьям Меркуловым, что именно его войска, под начальством генерала (бывш. писаря) Савельева, сделали переворот, и даже самый старший Меркулов удостоверял, что именно это так и было,—«старая баба»—Верябицкий и генералы Смолин и Молчанов категорически, под угрозой расстрела, запретили ему высадиться с японского парохода, на котором он приехал во Владивосток, из Цынтао. Впрочем, японцы успокоили Семенова, обещая ему «должность

главнокомандующего всеми вооруженными силами Сибири». И он все ждал хороших вестей от Бакича, Унгерна и других, но так и не дождался.

Меркулову японцы разрешили иметь свои войска; он мог пользоваться транспортными средствами и даже — вывозить владивостокские грузы, но только — в Японию.

В конце июля меркуловское правительство снарядило военную экспедицию для завоевания Камчатки и русской части Сахалина. На двух пароходах Добровольного флота туда был отправлен отряд под командованием есаула Бочкарева. Этому отряду вскоре удалось «очистить» от большевиков города Охотск, Аян, Нелькан и Петропавловск; кстати, Бочкарев очистил и все склады «Центросоюза» и частных промышленников от пушнины и сырья, перевезя захваченную добычу на штабной пароход. Победы Бочкарева совпали с открытием меркуловского народного собрания, которое, по предложению правительства, единогласно постановило приветствовать победителя и его отряд. Меркулов произвел Бочкарева, не в пример другим, сразу в генерал-майоры. Получив производство в такой большой чин, Бочкарев с кучкой приближенных уехал в Шанхай, продал награбленное добро и пароход китайским кушцам и под аккомпанемент меркуловских проклятий поехал путешествовать по Индо-Китаю в новом мундире «генерал-майора русской службы».

Доделывать на Камчатке меркуловскую власть после этого послали генерала Пенелеева.

IX

Через два месяца после японо-меркуловского выступления в Приморской области и захвата ими Камчатки и Охотского побережья — американская печать усиленно заговорила о Вашингтонской конференции.

Японский генеральский нос сразу почувствовал «запах» американского ветра; японская печать и даже сам Уэхара, начальник генерального штаба, заявили о крайней необходимости японо-читинских переговоров. А некоторое время спустя, в сентябре, открылась Дайренская конференция. Делегатами на ней от ДВР были т.т. Анохин, Петров, Ф. Н. и Кожевников, И. С.

Дайренская конференция — самая неудачная и самая непопулярная конференция из всех бывших между капиталистами и коммунистами.

В начале ноября 1921 г. открылась конференция в Вашингтоне. Американское правительство, нервничавшее от слишком больших успехов японского штыка на русском Дальнем Востоке, попыталось под весьма деликатным соусом поставить на обсуждение «сибирский вопрос», но председатель японской делегации адмирал Като, предупредительно и авторитетно заявил, что «мы уже договариваемся с Дальне-Восточной республикой непосредственно», и козырнул Дайренской конференцией; ему поддакнул Бриан и молчаливо кивнул Бальфур: «вопрос» был положен под сукно.

Но американское правительство, «проглотив» японскую пиллюлю, не успокаивается. Оно через своего пекинского посла г. Ширмана «неофициально» дало понять полпреду ДВР в Китае Агареву, что «не будет препятствовать к приезду в Вашингтон представителя ДВР».

И вскоре, в ударном порядке собирается и выезжает в Вашингтон делегация ДВР во главе с т. Языковым. Вашингтонская конференция еще не разохалась; делегатам ДВР был предоставлен на ней совещательный голос. Весьма умело т.т. Языков, Караваев и Сквирский начинают разоблачать подоплеку Дайренской конференции и картинно тысячами крестьянских протоколов и фотографических снимков иллюстрируют шумный японский «нейтралитет» и «невмешательство во внутренние русские дела».

Разоблачения делегации ДВР печатаются охотно американской прессой и производят впечатление. Тогда токийское правительство, как и надо было ожидать, принимает «соответствующие меры». Меркуловскому правительству, до этого мирно владевшему только в оккупационной зоне, отдается приказ о наступлении. И под прикрытием японских войск кашпелевские отряды, в сравнительно короткий срок, занимают города Ольгу, Иман и даже Хабаровск; ожидающая уже несколько месяцев заключения мирного договора с Японией в Дайрене и захваченная врасплох этим наступлением — народно-революционная армия почти панически бежит.

Но этого токийскому генеральному штабу мало. Пользуясь своим окрепшим влиянием в Манчжурии, он провозит по К.-В. ж. д. большое количество припасов, организует белогвардейцев Харбина, Хайлара, Цыцкара и направляет их в Амурскую область устраивать «крестьянские» восстания.

В Вашингтон по японскому совету едет сам министр иностранных дел меркуловского правительства Р. Колесников с определенной директивой: заявить, что победоносное шествие армии приамурского правительства происходит без какой бы то ни было поддержки со стороны Японии.

Все белогвардейские газеты дружно начинают оповещать, что «крестьяне—против большевиков», что в селах ДВР «появились отряды партизан», что «табельсоновское правительство в Чите не сегодня-завтра будет свергнуто восставшим народом»¹⁾ и т. д., и т. д.

Необходимое «контр-впечатление» было, несомненно, произведено. Доверие к разоблачениям т. Языкова — в достаточной мере подорвано. После действительного подтверждения факта падения г. Хабаровска и восстания нескольких волостей почти под самым г. Благовещенском — американский буржуа начинает весьма скептически относиться даже к документальным данным ДВР делегации. Некоторые газеты отказываются их печатать.

«Сибирский вопрос» вынимается из-под сукна, но только для того, чтобы узаконить протоколом конференции право на дальней-

¹⁾ «Слово», 14 дек. 1921 г.

шую оккупацию японскими войсками территории русского Дальнего Востока: японским войскам предоставляется право быть в Сибири «впредь до установления надлежащего порядка».

Этого японским империалистам было пока достаточно. После такого «мандата» им не понадобилась больше и Дайренская конференция: они принимают всяческие меры, чтобы ее сорвать. Начиная с декабря 1921 г. до апреля 1922 г. не устраивается ни одного официального заседания конференции; в это время японские генералы организуют новые белогвардейские отряды и натравливают их на ДВР; через Пекин—Тянтзин—Харбин—Пограничная они за свой счет отправляют больше четырех тысяч белогвардейцев к Меркулову. Прибывший в Дайрен, с согласия токийского правительства, полномочный представитель РСФСР Мархлевский ими всячески игнорируется даже, как «частное лицо»...

Но т.т. Петрова, Мархлевского и др. японцы своим «невниманием» пронять не могли: они терпеливо выжидали, что будет дальше; даже обзавелись постоянными квартирами в дачном районе г. Дайрена. Тогда токийское правительство без обычной японской любезности, почти в ультимативной форме, предъявляет им свои «семнадцать» пунктов. Дальше ждать было нечего: делегатам России и ДВР пришлось сложить свои пожитки и в половине апреля 1922 г. выехать во-своица под презрительно-насмешливые улыбки японского генералитета.

Так японские капиталисты пользуются иногда своим «контактом» с коммунистами: свыше семи месяцев водили они их за нос «вокруг да около» и нахально считали Дайренскую конференцию (для себя) весьма удачной.

В то самое время, когда коммунисты—Петров, Анохин, Мархлевский, Кожевников — вели в Дайрене мирные переговоры с японцами, другие коммунисты: Блюхер, Лепехин, Владивостоков, Пшеницын, Морозов, Губельман, Масленников, В. Элеш, В. Мартынов, Шевченко, вели отчаяннейшую борьбу с этими же самыми японцами, под прямым прикрытием которых белогвардейские отряды массами уничтожали русских рабочих и крестьян Приморской, Приамурской, Камчатской и Сахалинской областей.

Выстраданная, вымученная первым периодом гражданской войны, мирная жизнь и работа дальневосточных рабочих и крестьян опять была превращена в неопишущую, мучительнейшую трагедию.

Японское золото, щедро даваемое за «услугу» белогвардейским воякам, окончательно ослепило глаза всем этим, когда-то русским, офицерам, присяжным поверенным, мировым судьям и вырвало из их мозгов всю логику и все разумные мысли: деньги не пахнут!! И они стараются, стараются — во-всю...

За второй период гражданской войны на Дальнем Востоке были повешены и расстреляны тысячи рабочих и крестьян. Сожжены и уничтожены «с корнем» сотни русских сел, деревень и поселков. Предательски убиты и замучены т.т.: Цейтлин, Масленников, И. С. Бекезов, И. Сибирцев, Гуреев, Пономаренко, Петренко, Шев-

ченко, Никитенко, Васильев, Мамонтов и многие другие дальневосточные коммунары.

Себе на подмогу приамурское правительство мобилизовало не только всех бывших в захваченных областях офицеров и унтер-офицеров, но и всех прибывших из Германии через Владивосток бывших русских военнопленных, которых сибревком в мае 1921 г. отказался пропустить на родину и которые через год упорно, свирепо пробились себе туда дорогу штыком, озлобленные и кровожадные. Усиленно приглашаются для совместной «работы» остатки врагелевских, унгернских, анненковских и других отрядов, которые спешат к Меркулову из далеких и близких загранич.

Уже к первому январю 1922 г. военный министр и главнокомандующий приамурского правительства генерал Вержбицкий фиксировал свою силу в 50.000 штыков. Если принять во внимание «близость» дружественных японских войск, меркуловские генералы могли не хвастаясь заявлять, что справиться с ними не так-то уж легко.

После широковещательного интервью владивостокского главнокома в апреле 1921 г., читинский «Дальне-Восточный Путь», устами П. Парфенова, предлагал:

«... Борьба и на этот раз обещает быть не из легких.

Несомненно, рабоче-крестьянские штыки вновь выгонят из своих пределов народившуюся контр-революцию. Можно быть уверенным, что при первом дружном стрекотании красных пулеметов белые вожди опять сделаются «политическими эмигрантами» и поедут отдыхать в безопасные места. Что это будет именно так, можно судить уж потому, что самостоятельные действия контр-революционных войск почти везде кончаются для них полнейшим разгромом. Достаточно было японцам уйти за «свою зону», как велед за ними панически побежали и русские белогвардейцы.

Но, чтобы ускорить, упростить, сделать легкой эту победу, — мы должны знать, что «на той стороне» не все числится на службе у японцев, не все получают за свою «работу» японским золотом, а есть очень много людей, насильно одетых в японскую шинель, запуганно вооруженных, голодающих и отчаявшихся, которых в свое время мы сами толкнули в «тот лагерь» своим слишком равнодушным к ним отношением и преступной небрежностью.

Поэтому должен быть открыт самый широкий доступ всем таким людям к переходу на нашу сторону; им необходимо дать реальную возможность возвратиться к себе домой, на родину, в Россию. К сожалению, до сих пор мы слишком мало предпринимали практических мер в этом направлении.

В нашей борьбе с японо-белогвардейским движением мы должны не забывать, а отчетливо помнить самое главное: чем скорее будет оголена, изжита, выворочена наизнанку русская вывеска этого чисто японского предприятия, — тем легче будет наша победа.

Сила пулемета и штыка рабоче-крестьянских полков должна заключаться не только в своем физическом и моральном превосходстве, но и в неустанном разоблачении беззастенчивой *фальши* боевых намерений «той стороны». И тогда этот штык победит; победит скоро и окончательно, поставив себя лицом к лицу с настоящим, действительным руководителем приамурской авантюры.

А дальше — видно будет: в стране японских генералов и империалистов также имеется много рабочих и еще больше крестьян.

Непосредственная, прямая встреча с японскими вооруженными силами прежде всего и больше всего — не в интересах японских империалистов, иначе им незачем были бы белогвардейские наймиты».

Но и после этого еще долго широкой рекой лилась горячая кровь русских рабочих и крестьян. Белогвардейские полки еще долго пытали русское население дальне-восточных областей во имя золота японского микадо.

Токийские генералы и купцы были довольны. Русских рабочих и крестьян делалось все меньше и меньше; крестьянских хозяйств — также; торгово-промышленные предприятия были «скуплены» японцами еще во времена атамана Семенова; влияние России на Дальнем Востоке с каждой вновь сожженной деревней и убитым народоармейцем уменьшалось. Было отчего радоваться японскому генеральскому сердцу...

В своих журналах и газетах японские империалисты крикливо подчеркнута восхваляют храбрость вождей меркуловской армии и охотно всех иллюстрируют. Хотя, когда дело доходит до «благодарственного пожатия руки, они делают это все же в непубличных местах и часто с нескрываемой брезгливостью: ведь у них, в Японии, «такие дела» называются изменой родине.

X

Нужен был хороший урожай в Советской России, Генуэзская и Гаагская конференции и волна недовольств порядками в самой Японии, чтобы несколько образумить токийских империалистов и охладить их захватнический пыл и мечты о «Великой Японии — до Байкала и Ледовитого океана».

К осени 1922 г. японские генералы начинают приходить к убеждению, что война с ДВР ничего реального пока что им не дает, а требует все больше и больше средств из японского казначейства. А этих средств делается не так уж много. Японским генералам приходится расстаться со своими большими планами и попытаться «узаконить» захват того, что к ним ближе.

Японский совет министров берет на себя инициативу к созыву Чань-Чуньской конференции. Из Москвы на нее приезжает т. Иоффе, из Читы — Янсон, Я. Д. Полномочному представителю России на этот раз японские генералы устраивают пышную встречу: еще бы, чем сговорчивей оказался бы т. Иоффе, тем больше золота с экономило бы японское казначейство.

Без особенно долгого предисловия японские делегаты обещают вывести свои войска из пределов Дальнего Востока, если им будет навсегда отдан Сахалин и дана денежная (или иная какая, напр., лес) компенсация за... николаевские события, где, по их мнению, перебито было слишком много японцев.

Но т.т. Иоффе и Янсон не соглашаются: они требуют вывода японских войск без всяких условий и компенсаций. Японцы идут на уступки: они не прочь ограничиться только одним Сахалином. Но и этого не обещают представители ДВР и России.

Тогда они делают вид, что они очень обижаются, и дают некоторое время т. Иоффе возможность подумать над его окончательным ответом. На т. Иоффе это несколько не действует: его «окончательный» ответ — похож на первоначальный.

Теперь уж для японских делегатов ничего больше не остается делать, как распрощаться с т.т. Иоффе и Янсоном и, «не солоно хлебавши», уехать к себе в Токио.

Как меняются времена! наверно, подумали т.т. Мархлевский и Петров: с ними японцы не церемонились.

Да, времена сильно менялись...

Несмотря на безрезультатность Чань-Чуньской конференции, вскоре после нее японский генеральный штаб объявляет об отзыве своих оккупационных войск из Приамурской и Приморской областей. С первых дней октября 1922 г. начинается фактическая эвакуация.

Вслед за японцами в панике побежали и белогвардейцы. Чтобы создать видимость, что «японские войска никакого отношения к белогвардейскому правительству не имеют», японский главный штаб передает Меркулову много своего оружия и снаряжения, советуя ему самостоятельно задержать народно-революционную армию, хотя бы месяца два — три, но из этого ничего не получилось: меркуловские полки в некоторых случаях бежали впереди эвакуирующихся японцев.

25 октября японские войска эвакуировались из Владивостока; в этот же день он был занят частями т. Уборевича (бывш. штабс-капитан), командовавшего наступающей народно-революционной армией.

Гражданская война, самая позорнейшая из всех гражданских войн, которую скорее можно назвать войной русско-японской, была закончена. Правда, убежавшие в Японию и Корею белогвардейские вожаки: Меркулов, Сазонов, Дидерикс и др., еще собирались показать большевикам «кузькину мать», но они походили уже на Крыловскую москву, и их никто уже не боялся.

«Завоевывающие» Охотский и Якутский край полки генерала Пепеляева, при первой же возможности достать их, также были разбиты и взяты в плен, даже вместе со своим командующим (в июне 1923 г.).

С уходом японских войск прекратила свое существование и Дальне-Восточная республика: по требованию массовых крестьянских, рабочих и красноармейских собраний правительство ДВР декларировало соединение ДВР с Россией и объявило о своем самоупразднении. Русский Дальний Восток делается с декабря 1922 г. вновь нераздельной частью России.

Только остров Сахалин полностью продолжает оставаться в руках японских империалистов. Японцы так привыкли считать его весь своим, что и в захваченной теперь части проводят свои железные дороги, строят города, фабрики и заводы.

Но и «сахалинскому вопросу», надо думать, придет скоро свой конец.

XI

После пяти лет неимоверных усилий и миллионных жертв рабоче-крестьянская Советская Сибирь, Дальний Восток и вся Россия в целом — победили и разбили окончательно русскую контр-революцию, изгнав ее за свои пределы.

Мировая контр-революция так же обессилена, ей же местами не по силам справиться с рабоче-крестьянским движением в своих странах, у себя дома, наиболее разумная часть ее, со скрежетом зубным, вынуждена идти на уступки рабочему классу, мириться с существованием советского государства и даже входить с ним в договорные отношения.

Среди социалистических партий Сибири и Дальнего Востока, фактически осуществлявших начала этой гражданской войны, во имя своих лозунгов и достижений, можно констатировать полное разложение, не говоря уже о том, что почти все наиболее активные участники свержения Советской власти — эс-эры и меньшевики — погибли в процессе войны вместе с большевиками от рук реакции.

Буржуазия почти вся разбежалась по заграницам. Туда же, в своем подавляющем большинстве, убежали и все главные руководители противосоветской борьбы: генералы, атаманы, министры, главноуправляющие и управляющие. Многие с большими деньгами; живется им за границей недурно.

Нельзя не отметить, что значительное количество руководителей сибирской и дальне-восточной контр-революции являются заливчатской, беспринципной молодежью из военных писарей, фельдшеров, приказчиков и прапорщиков. Так, например, теперешние генералы и атаманы до революции были: Семенов — подесаулом, Капель — прапорщиком, Иванов-Ринов — участковым приставом, Анненков — подпоручиком, Сыровой — фельдшером, Гайда — военным лекарем, Чечек — фармацевтом, Калмыков — прапорщиком, высланным в 1917 г. с фронта за большевизм генералом Брусиловым, Войцеховский — прапорщиком, Вержицкий — штабс-капитаном, Пепеляев — подпоручиком, Гришиц-Алмазов — прапорщиком, Катанаев — прапорщиком, Волков — подпоручиком, Савельев — полковым писарем, Красильников — приказчиком, Унгерн-Штернберг — штаб-ротмистром. И только несколько человек: Болдырев, Розанов, Колчак, Хорват и Андогский — являются «настоящими царскими генералами», служившими буржуазии не из-за карьеры, а по убеждению.

По приблизительным статистическим данным, гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке стоила русскому народу около миллиона человеческих жизней; нет почти ни одного села, деревни, поселка, не говоря — города, где не было жертв этой войны. При чем с той и другой стороны подавляющее большинство убитых и искалеченных падает на рабоче-крестьянское население.

Но если внешняя война убивала наиболее слабых и покорных, то гражданская — наоборот, наиболее сильных, активных и сознательных. И трагедия — не только в том, что их нет, но и в том, что они — лучшие.

Разрушено, сожжено, уничтожено даже то, что строилось большими усилиями и, казалось, нужно было всем одинаково: отступая под напором советских сил, войска белогвардейских правительств взорвали за собою все железнодорожные мосты уральских, сибирских и дальне-восточных железных дорог.

Только в Алтайской, Енисейской, Приморской и Амурской губерниях карательными отрядами польских, сербских, чехо-словацких и др. войск было сожжено около 40.000 крестьянских хозяйств, не говоря уж о том, что гражданская война способствовала всеобщему разрушению даже в районах, отдаленных от ее непосредственного влияния.

Нужны невероятнейшее упорство и сила для того, чтобы сгладить все следы хозяйственной разрухи, починить, исправить. Нужно много и долго работать.

Но гражданская война, как и всякая война, имеет не только хозяйственные, материальные минусы. Она породила собой сотни тысяч людей без определенных профессий, недоучек, физически и нравственно больных, отвыкших трудиться и мыслить. Сделать вновь их полезными обществу, научить и заставить их работать, убить в них скептицизм, звериные инстинкты, апатию — тоже не легкая задача.

Таковы итоги гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке...

Март 1924 г.

